

ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

SEC «Middle East studies»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editors A.V. Gladishev

Based in 2010 year

ISSUE 27

Saratov State University
2023

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 27

Саратовский государственный университет
2023

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. – Вып. 27. – 212 с.

В представленном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической науки.

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *И.В. Крючков*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.С. Еремин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор С.Ю. Монахов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

Мякишев А.П. (Саратов).

Русская идея в контексте кризиса исторического образования в России..... 9

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

Искюль С.Н. (Санкт-Петербург).

Одно из «модельных» государств Французской империи и его судьба..... 24

Гладышев А.В. (Саратов).

«Честь - путеводная звезда французского солдата»: партизаны департамента Мёрт в 1814 г..... 40

Еремин В.С. (Москва, Саратов).

Солдаты армии союзников после Ватерлоо: взгляд британской путешественницы Ш.А. Итон..... 59

Козлова Д.Ю. (Саратов).

«Король и только король!» Встреча Г. Морриса и С.Р. Воронцова 69

Ванин Д.М., Магомедханов В.М. (Москва).

Оборона Ленинграда: снайперское движение в войсках НКВД 78

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

Бульчев М.В. (Саратов).

Саратов в 1842 г. (по материалам ревизии хозяйственного департамента Министерства Внутренних Дел)..... 87

Коробкин С.А. (Саратов).

Очерк истории Волжского Сталелитейного завода..... 99

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Турьги́на Н.В. (Санкт-Петербург).

СЛОН как символ сталинского СССР: эволюция экспозиции Соловецкого музея-заповедника в 1980–2010-е гг. 111

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

Беспалова Д.А. (Саратов).

«Стеклянный улей»: Париж глазами британского путешественника Джона Скотта 124

Кочукова О.В. (Саратов).

Военная проза В.М. Гаршина: историко-культурный контекст русско-турецкой войны 1877-1878 гг. 132

Нефёдов А.В. (Саратов).

Репрезентация личности Людовика XI и его политики во французском кинематографе: поэтика и реальность 160

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМНЫЕ ВОСПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Богомолов С.А. (Ульяновск).

Модернизация армии в Египте в 20-30-е гг. XIX века: проблемы внедрения картезианской модели в исламском обществе..... 169

Терехина М.А. (Саратов).

Проблема взаимоотношения Востока и Запада в творчестве Джалал Але Ахмада 186

Баранов А.В. (Саратов).

Политический дебют аятоллы Хомейни в Париже: формирование образа Исламской Республики Иран..... 194

Список аббревиатур и сокращений 209

CONTENTS

HISTORICAL MEMORY: THE PROBLEMS OF THEORY AND THE QUESTIONS OF PRACTICE

Myakshev A.P. (Saratov).

The Russian idea in the context of the crisis of history education
in Russia..... 9

THE MEMORY ABOUT CONFLICT OR THE CONFLICTS OF MEMORY

Iskioul S.N. (Saint-Petersburg).

One of the «model» states of the French empire and its fate... .. 24

Gladyshev A.V. (Saratov).

«Honour is the guiding star of the french soldier»: the partisans of the
Meurthe department in 1814..... 40

Eremin V.S. (Moscow, Saratov).

Soldiers of the Allied army after Waterloo: the view of british traveler
C.A. Eaton... .. 59

Kozlova D.Y. (Saratov).

«The king and only the king!» Meetings of G. Morris and
S.R. Vorontsov..... 69

Vanin D.Y., Magomedkhanov V.M. (Moscow).

Defense of Leningrad: sniper movement in the NKVD troops..... 78

HISTORICAL MEMORY AND «LOCAL HISTORY»

Bulychev M.V. (Saratov).

Saratov in 1842 (based on the materials of the audit of the economic de-
partment of the Ministry of internal affairs)..... 87

Korobkin S.A. (Saratov).

Volga Steel Works: the history of a forgotten enterprise 99

HISTORY, POWER, AND MASS CONSCIOUSNESS

Turygina N.V. (Saint-Petersburg).

The SLON as a symbol of the stalinist USSR: the evolution of the exposition of the Solovetsky museum in the 1980–2010s..... 112

IMAGES OF HISTORICAL EVENTS IN LITERATURE, PAINTING, CINEMA

Bespalova D.A. (Saratov).

«The glass bee-hive»: Paris through the eyes of british traveler
John Scott..... 124

Kochukova O.V. (Saratov).

The trope of Arcadia in the discourse practices of N.M. Karamzin and
«Arzamas»..... 133

Nefyodov A.V. (Saratov).

The representation of the personality of Louis XI and his politics in
french cinema: poetics and reality 160

WEST ON EAST, EAST ON WEST: CROSS-CULTURAL RELATIONSHIPS, MUTUAL PERCEPTION AND HISTORICAL MEMORY

Bogomolov S.A. (Ulyanovsk).

Modernization of army in Egypt in 1820-1830 years: the problems of in-
troduction of cartesian model in Islamic society..... 169

Terekhina M.A. (Saratov).

The problem of relations between East and West in the works of Jalal Ale
Ahmad... .. 186

Baranov A.V. (Saratov).

Ayatollah Khomeini's political debut in Paris: shaping the image of the
Islamic Republic of Iran... .. 194

The list of abbreviations and reductions 209

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

УДК 316.7(47+57) | 19 |

РУССКАЯ ИДЕЯ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

А.П. Мякшев¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: myakshev@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу причин кризиса исторического образования в контексте «Нового дела историков». На примере дискуссий по истории межнациональных отношений в СССР выявляются характерные черты современной историографии. Делается вывод о том, что главной причиной нерешенности национального вопроса в России является «русский вопрос».*

Ключевые слова: историческое образование, советская история, «Новое дело историков», государство-цивилизация, патриотизм, русская идея, русофобия.

THE RUSSIAN IDEA IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF HISTORY EDUCATION IN RUSSIA

A.P. Myakshev

(Saratov, Russia)
e-mail: myakshev@mail.ru

Annotation. *The article is devoted to analyzing the causes of the crisis of historical education in the context of the «New Cause of Historians». On the example of discussions on the history of interethnic relations in the USSR the characteristic features of modern historiography are revealed. It is concluded that the main reason for the unresolved national question in Russia is the «Russian question».*

Key words: historical education, Soviet history, «New Cause of Historians», state-civilization, patriotism, Russian idea, Russophobia.

---

¹ Мякшев Анатолий Павлович (Саратов), д.и.н., профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; член экспертной группы при Правительстве Саратовской области по проблемам этноконфессионального развития региона; заместитель председателя Саратовского регионального отделения Изборского клуба, эксперт Саратовского Земского философско-гуманитарного клуба.

Распад Советского Союза ознаменовался почти тотальным разгромом советской образовательной системы. Все достижения дореволюционной педагогике в лице К.Д. Ушинского и советской системы А.С. Макаренко, в основе которых находилось развитие духовно-нравственных ценностей, уважение к истории, культуре, традициям родной страны, были преданы забвению. Страстное стремление интегрироваться в западноевропейскую цивилизацию, даже путем превращения в её периферию, сопровождалось уничтожением образовательной системы, направленной на формирование думающей, творческой, созидательной личности, патриота своего Отечества. Одновременно в школах и вузах насаждалась технология превращения советского человека в субъект истории, выстраивающего свою жизнь как эгоист-индивидуалист, потребитель «будущего изобилия удовольствий» и поглотитель «вожделенных плодов масс-культуры». Матрица российского государства-цивилизации после семи десятилетий великого социального эксперимента, замещалась матрицей западного мира.

Общественно-экономическая модель, пришедшая на смену советской системе, могла утвердиться на постсоветском пространстве методом непрерывного нарастающего противостояния и раскола. Гражданский раскол сопровождался максимизацией социальной поляризации, ценностной деградацией, обострением этноконфессиональных отношений. Одной из эффективных технологий погружения травмированного постсоветского социума в состояние конфликтности и социальной апатии стала новая система исторического образования. Советская историческая наука в силу внезапно обрушившейся на неё дисфункциональности утратила какое-либо серьёзное воздействие на формирование исторического сознания и общественного мировоззрения. В результате советская история была объявлена «тупиковой ветвью» мирового исторического процесса, а западноевропейская модель общественно-экономического развития – магистральным путём развития человечества.

Национальные историографии бывших союзных республик немедленно «отсекли» «свою» историю от общей с российскими народами, превратив историю Российской империи в трагическую картину «взаимоотношений России как агрессивной, захватнической, подавляющей метрополии и свободолюбивых, независимых и демократических этносов, превращенных в колонии».

В России формационный подход без какого-либо критического анализа «превратили» в «химеру», взгляд на историю с национально-патриотических позиций был объявлен «национализмом и

ксенофобией». Директивным внедрением курсов по истории мировой цивилизации в школах и вузах без какой-либо теоретической разработки и практической подготовки началось насаждение цивилизационного подхода в интерпретации А.Дж. Тойнби 1930-х гг.

В первых шести томах «Постижения истории», изданных в 1934–1939 гг., Тойнби западноевропейскую цивилизацию рассматривал как универсальную и образцовую; ни в одной из своих классификаций «русскую/российскую» цивилизацию не упомянул². Цивилизационный подход со всей очевидностью мыслился реформаторами в качестве «спущенного сверху» мировоззрения, которое российское общество должно было принять немедленно под эгидой возгласа-девиза Б.Н. Ельцина: «Боже, благослови Америку!». Все иные подходы к пониманию предмета, объекта, задач, функций исторической науки и исторического образования были блокированы п. 2 статьи 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»³.

Болонская конвенция, к которой РФ присоединилась в 2003 г., способствовала подчинению российского исторического образования «европейским стандартам». Сам процесс подчинения декларировался как «конвергенция», «сближение», «глобализация образовательного пространства». Главным критерием креативности перехода к «болонским запросам» стала релевантность, опять же в своеобразном её понимании: как соответствие системы исторического образования нуждам и интересам «пользователя её, системы, продуктом». Провозглашая «многообразие подходов и профилей курсов, гибкость программ со многими точками входа и выхода», «ценностный плюрализм», Болонский «законодатель» в сфере образования настаивал всего лишь на освоении «европейских ценностей»⁴. Для более глубокого, экзистенциального, усвоения уже трансформированных «глобалистским конструктивом» «европейских ценностей» в 2009 г. был принят новый федеральный стандарт по направлению «История» (квалификация – бакалавр). Из исторического образования, таким образом, были окончательно исключены принципы ценностной детерминированности, национальной особенности и цивилизационной креативности.

---

² Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1996.

³ Конституция Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (Дата обращения 20.05.2023).

⁴ Болонский процесс. Основополагающие материалы. М., 2007. С. 41.

К этому времени в историческом образовании утвердился негативный образ Советского государства. Антисоветизм фрагментировал русский исторический процесс, разрывал межпоколенческие связи, искажал историческую память, подменял советскую историю одним большим мифом о «совке» как «девиации» мировой истории. Поэтому выход в свет «книги для учителей» по новейшей истории России (1945–2006 гг.) выпускника истфака Саратовского университета Александра Вячеславовича Филипшова воспринимался как попытка ревизии уже «победившей и устоявшейся» концепции отечественной истории XX в.⁵

А.В. Филипшов заявлял, что задачей учебника является создание условий «для формирования учеником собственного мировоззрения – гражданской позиции» для того, «чтобы повысить свою конкурентоспособность в социуме и нашей Родины в современном мире». Несмотря на то, что автор позиционировал свой подход как беспристрастный и объективный, для чего выделил в пособии рубрику «Точка зрения», включил «как можно больше свидетельств участников событий» под рубрикой «Как это было», а в конце соответствующих разделов привёл «Документы эпохи»⁶, философия учебника была однозначно направлена против господствующей антисоветской позиции. А.В. Филипшов утверждал, что «Советский Союз не был демократией, но он был ориентиром и примером лучшего, справедливого общества для многих миллионов людей во всем мире», и заявлял, что «на протяжении 70 лет внутренняя политика западных стран корректировалась в пользу прав человека под немалым воздействием СССР, гигантской сверхдержавы, осуществившей социальную революцию и победившей в самой жестокой из войн»⁷.

Публикация в 2009 г. следующего учебника для 11 класса «История России. 1900–1945 гг.» под редакцией А.В. Филипшова вызвала ещё более резкую критику со стороны либеральных историков. И.В. Карачуба, обучавшаяся в аспирантуре истфака МГУ в одно время с автором данной статьи, заявила, что учебник Филипшова «оставляет тяжелое впечатление. Если называть вещи своими именами – это прямая,

---

⁵ Филипшов А.В. Новейшая история России, 1945–2006 гг.: кн. для учителя. М., 2007.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 6.

циническая реабилитация Сталина и сталинщины. Всё, что можно было сделать для обеления Сталина, всё сделано»⁸.

Именно в это время я познакомился с Игорем Геннадиевичем Сухаревым, предложившим мне поучаствовать в профессиональном обсуждении учебника Александра Вячеславовича Филиппова. Обсуждение в Саратовском Земском клубе было бурным, согласны были в одном: господству антисоветизма в историческом образовании необходимо противопоставить национально-патриотическую концепцию отечественной истории.

Вскоре А.В. Филиппов предложил мне принять участие в проекте по написанию большого аналитического доклада о современном состоянии исторической учебной литературы, освещающей советский период истории в постсоветских государствах. По итогам этой работы в МПГУ состоялась жаркая дискуссия с участием историков из стран-соседей, продемонстрировавшая практически непреодолимую пропасть между бывшими коллегами в трактовке общей истории Советского Союза. Доклад был опубликован, он стал одним из свидетельств окончательной дезинтеграции постсоветской исторической науки⁹.

31 июля 2010 г. я получил письмо человека, с которым меня связывала давняя дружба. В далёком 1983 г. я начал свой путь в науке в только что созданной на истфаке МГУ лаборатории по истории советского народа как новой исторической общности людей, по сути – первой исторической структуры, приступившей к исследованию специфики межнациональных отношений в СССР. Руководил лабораторией Александр Иванович Вдовин, переключившийся с изучения истории советского рабочего класса на этноконфессиональную тематику. Упомянутое выше письмо передавало необычное волнение Александра Ивановича: «пишу в расчете на поддержку в «деле Вдовина-Барсенкова», в которое мы попадаем в связи с учебным пособием. Журнал «Новое время» находит его как «пособие по ксенофобии». Приходится объясняться. В этой связи составлена небольшая книга, которую я тебе посылаю. <...>

---

⁸ Карацуба И.В. «Учебник Филиппова»: продолжение последовало // URL: <https://urokiistorii.ru/articles/uchebnik-filippova-prodolzhenie-pos> (Дата обращения: 20.05.2023).

⁹ Колпакиди А.И., Мякишев А.П., Никифоров И.В., Симендей В.В., Шадрин А.Ю. Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчётов. М., 2009.

Если готов поддержать – выступи рецензентом. <...> Тем самым будет показано, что содержание книги приемлемо с научной точки зрения»¹⁰.

Поблагодарив за поддержку и согласие с положениями, выдвигаемыми в готовящейся к публикации книги, Александр Иванович в письме от 2 августа 2010 г. еще раз подчеркнул: «Если не понять, что национальная политика в России должна быть направлена на возрождение культуры и традиций, самосознания, патриотизма государствообразующего русского народа, то на успех в решении национального вопроса и всех других проблем Российской Федерации рассчитывать не придется. Конечно, это не значит, что решение возможно за счет интересов нерусских народов. Это всего лишь подчеркивает насущную необходимость поиска более совершенных государственных форм, позволяющих органично соединить национальное и наднациональное, особенное и общее в единой многоэтнической стране»¹¹. Через неделю книга, одним из рецензентов которой и был автор, вышла из печати¹².

Впервые в российской историографии из уст авторитетного профессора первого ВУЗа страны, известного исследователя-историка был представлен «русский взгляд на новейшую отечественную историю» и предложены принципиальные соображения по поводу изучения и преподавания «с позиций национально-государственного патриотизма». А.И. Вдовин категорично сформулировал мысль о проблематичности общественного выбора России после распада СССР. Попытка интеграции в западноевропейскую цивилизацию представлялась историку неосуществимым проектом, поскольку «улучшение» этих соотношений [речь идёт в данном случае о том, что «в 2001 г. «золотой миллиард» распоряжался почти 85% мирового продукта (в 1960 г. – 70%), на него приходилось 84% мировой торговли и 85% финансовых накоплений»] в пользу «развитых стран» и надежды на некоторое расширение «золотого миллиарда» за счёт аутсайдеров фактически лишают перспективы четыре пятых населения планеты, делая их излишними на земном празднике жизни»¹³. Выбор России рубежа 1980–1990-х гг., по мнению ученого, неосуществим, «так как модернизировать всё человечество по американскому образцу невозможно из-за ограниченности земных

---

¹⁰ Личный архив А.П. Мякшева.

¹¹ Личный архив А.П. Мякшева.

¹² Новое «дело историков». Русский взгляд на историю: Сборник статей. М., 2010.

¹³ Там же. С. 18.

ресурсов, львиная доля которых потребляется теми же Соединенными Штатами»¹⁴.

Попыткой оправдать данный общественный выбор победивших в 1991 г. элит, профессор объяснял негативизм по отношению к советской истории: «В работах либеральных историков и журналистов 1990-х гг. советское прошлое моментально предстало как самый тёмный период отечественной истории – цепь авантюрных попыток осуществления социальной утопии, тоталитаризм, административно-командный режим с нечеловеческим лицом, немотивированные репрессии, паранойя и маразм лидеров, насилие над народами, погружение страны в застойное болото». Вслед за этим следовала исчерпывающая характеристика системы исторического образования: «С помощью такого «цивилизационного» подхода в школе и университете можно возвращать только национальных нигилистов, антипатриотов, внутренних и внешних эмигрантов»¹⁵.

Данный подход исключал какие-либо компромиссы с господствующими в исторической науке и «официальной» идеологии либеральными штампами и стереотипами, следствием чего против А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова была развязана кампания травли и «запретительства». В письме от 3 сентября 2010 г. Александр Иванович сообщал, что в связи с обнаружением в пособии «непроверенных фактов» «наш деканат принял решение прекратить распространение и использование пособия в учебном процессе. 6 сентября пособие будет обсуждать комиссия Сванидзе в Общественной палате». «Такая вот история», горько констатировал учёный¹⁶.

Следует отметить, что к 6 сентября «Новое дело» историков было сформировано по всем «неписанным канонам» фальсификации исторической памяти и бюрократическим правилам «расправы» над отклонившимися от «правильной» линии историками. Ещё в мае-июле 2010 г. ряд СМИ опубликовали крайне резкие оценки учебного пособия А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова. Критика сопровождалась требованиями принятия незамедлительных административных мер воздействия к авторам пособия и немедленного запрещения самой книги. «Критиков» не смущало, что учебное пособие Вдовина и Барсенкова вышло третьим изданием, что рецензенты Э.М. Шагин и А.И. Уткин, одобрявшие это издание, обладали большим научным авторитетом, что на

---

¹⁴ Новое «дело историков». С. 16.

¹⁵ Там же. С. 20-21.

¹⁶ Личный архив А.П. Мякшева.

пособии стоял гриф УМО. Проигнорировано было также замечание декана истфака МГУ, тогда еще член-корреспондента РАН Сергея Павловича Карпова, подчеркнувшего, что «принципиально важно, что издание Барсенкова-Вдовина – это не учебник, а учебное пособие. Учебник – это в большей степени норматив. Учебное пособие – материал для критического использования, здесь не предполагается норматива и тем более эталона. Пособием может быть любая книга, в том числе тенденциозная и спорная»¹⁷.

Уже первые критические оценки, высказанные в адрес пособия и его авторов, свидетельствовали о спланированной и хорошо продуманной акции устрашения, впрочем, к исторической науке прямого отношения не имеющей. Первый залп был нанесен Н.П. Соколовым и А.Б. Голубовским, обвинившими авторов учебного пособия в ксенофобии, национализме, шовинизме. 10 июля И.Е. Ясина, в 2000–2006 гг. возглавлявшая ряд общественных структур Л. Невзлина и М. Ходорковского, призвала «черносотенцев с истфака МГУ» лишить ученых степеней и «само собой – права преподавания», а декана Карпова, «который, по ее мнению, ставит на этот кошмар гриф «Рекомендовано» – в отставку!»¹⁸. Тогда же, к сентябрю 2010 г. сформировались «представление» о трех конкретных, «вопиющих», по мнению Н.П. Соколова и группы критиков, недостатках учебного пособия: во-первых, указание на то, что лидерами СССР зачастую являлись «лица не русской национальности»; во-вторых, сообщение о том, что в годы войны «63% призванных в армию чеченцев уклонились» от исполнения воинского долга; в-третьих, количественные показатели представленности в различного рода учреждениях и исторических событиях советских народов, в частности, еврейского этноса.

Причастность власти к кампании травли историков отчетливо продемонстрировали организованные по инициативе председателя комиссии по межнациональным отношениям Общественной палаты РФ, членом Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России Н.К. Сванидзе слушания в ОП РФ 6 сентября 2010 г. Накануне заседания Сванидзе, пытаясь еще более накалить ситуацию вокруг авторов учебника и перевести всю эту ситуацию

---

¹⁷ Декан истфака МГУ С.П. Карпов: Необходима экспертная оценка учебного пособия Барсенкова-Вдовина. // URL: [http:// pravmir.ru/dekan-istfaka-mgu-s-p-karpov-neobходима-sereznaaya-ekspertnaya-ocenka](http://pravmir.ru/dekan-istfaka-mgu-s-p-karpov-neobходима-sereznaaya-ekspertnaya-ocenka) (Дата обращения: 5.11.2023).

¹⁸ Ясина И.Е. Тот самый учебник // URL: <http://yasina.livejournal.com/543591.html>. (Дата обращения: 12.11.2023).

в стадию открытого межнационального противостояния, отослал экземпляр пособия Р.А. Кадырову, что позже подтвердила И.В. Карацуба¹⁹. А.И. Вдовину стали поступать угрозы расправы с ним, якобы, от некоторых представителей чеченской элиты.

На заседании комиссии Общественной палаты учебник подвергся резкому осуждению. Н.К. Сванидзе причислил его «к разряду экстремистских материалов», председатель комиссии ОП по развитию институтов гражданского общества И. Дискин увидел в учебнике «методологический стержень краткого курса КПСС», член ОП Г. Резник заявил, что «историк, совершающий ошибки и есть фальсификатор», а директор Московского бюро по правам человека А. Брод подчеркнул, что «рассматриваемое учебное пособие лишь малая часть издаваемой в стране «ксенофобной, экстремистской литературы». Однако позицию Н.К. Сванидзе разделяли не все. В частности, член ОП М.Л. Шевченко отметил, что «университеты исторически свободны для дискуссий любого содержания и не должны ни перед кем о них отчитываться». Декан истфака С.П. Карпов успокоил членов Палаты, заявив, что «учебное пособие изъято из продажи и распространения на факультете»²⁰.

Вскоре после этого заседания мы встретились с редактором саратовского издания «Земское обозрение» Игорем Геннадиевичем Сухаревым и в результате многочасового бурного обсуждения пришли к выводу о необходимости реагировать на разворачивающуюся репрессивную кампанию немедленно. Игорь Геннадиевич настаивал на коллективном письме, я предложил написать научную статью, в которой бы была предпринята попытка выдвинуть контраргументы в защиту учебного пособия А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова. Вернувшись домой, я за одну ночь написал небольшую по объему, но эмоциональную и с научными аргументами статью. Поставив точку, сразу же отправил статью Александру Ивановичу электронным письмом с припиской: «Дорогой Александр Иванович! Сейчас Игорь Сухарев, друг А. Филиппова и издатель газеты "Земское обозрение" и журнала "Русский проект" переслал отчет о шабаше в ОП и попросил написать в его издания статью с поддержкой Вашего и Сашиного пособия. Материал необходимо сдать в пятницу вечером или в понедельник утром...»²¹.

---

¹⁹ Интервью с Ириной Владимировной Карацуба // URL: <https://igiti.hse.ru/unimemory/int-karatzuba>. (Дата обращения 12.11.2023).

²⁰ История по-честному // URL: <https://oprfr.ru/ru/press/news/2010/newsitem/3171>. (Дата обращения: 10. 11.2023).

²¹ Личный архив А.П. Мякшева.

Ответ от Александра Ивановича последовал незамедлительно: «Пишешь ты, на мой взгляд, очень хорошо, но это не застрахует тебя от недоброжелательства. С учетом этого – публикуй»²². Так же оперативно И.Г. Сухарев опубликовал статью «Новое «дело историков» или почему опасна история...» в газете «Земское обозрение», а затем и в журнале «Русский проект».

Отыскать аргументы в защиту профессоров МГУ оказалось делом не сложным. Раздражение оппонентов по поводу упоминания о том, что в СССР лидерами страны бывали и «лица не русской национальности», легко блокировалось указанием на грузина И.В. Сталина, предпочитавшего называть себя до 1954 г. «украинцем» Л.И. Брежнева, а также на дискуссии об этническом происхождении В.И. Ленина и Ю.В. Андропова. Да и нелогичным с точки зрения свободы научных дискуссий представлялся «категоричный запрет» критиков обсуждать саму проблему влияния этничности на политические взгляды исторических деятелей.

При безусловном признании авторами учебного пособия депортации как преступления, вряд ли были обоснованы претензии критиков к попытке А.И. Вдовина дать характеристику коллаборационизму, в условиях тотальной войны очевидно послужившему для ГКО мотивом для принятия решений о насильственном выселении ряда советских народов с Северного Кавказа, Крыма и Поволжья. Тем более что в научной литературе приводились данные о гораздо большем числе уклонившихся от мобилизации жителей Чечено-Ингушетии, нежели в самом учебном пособии. К примеру, по одному из подсчетов, выходило, что число уклонившихся от службы достигало 13 тыс. человек, что составляло не 63%, как было указано А.И. Вдовиным, а «74,3% от общей численности чеченцев и ингушей (17,5 тыс. человек), мобилизованных в Красную Армию за годы войны»²³. Да и статистические сведения о национальном представительстве среди ученых и членов творческих союзов не давали ни малейшего повода обвинять авторов учебного пособия в «ксенофобии, национализме и антисемитизме».

Уже в 2010 г. было ясно, что выдвигаемыми «обвинениями» против профессиональных историков и обнародованными «списками запретных тем» либералы во власти пытались лишить историческую науку права выполнять её функции: мировоззренческую, социальную, познавательную и воспитательную. Преследовались в данном случае и

---

²² Личный архив А.П. Мякшева.

²³ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. С. 136–137.

утилитарные цели – заставить историческую науку и историков оправдывать общественный выбор 1991 г., доказывать правомерность и обоснованность отказа от «социалистического эксперимента», превращать всю советскую историю в некую девиацию мирового исторического процесса. К этому времени у либеральной общественности сомнений в универсальности и образцовости западной цивилизации не существовало. Таким образом, от историков требовали транслировать лишь одну мысль: глобальный Запад – магистральный путь развития человечества, история же России в XX в. – цивилизационный тупик.

В целом же, российские элиты демонстрировали классический советский подход 1920-х гг., когда запрет истории и «преобразование» истфаков в факультеты общественных наук привели к разгрому классической русской исторической школы – «делу академиков». Не секрет, что интерес к тем или иным сюжетам истории всегда обусловлен актуальными для общества проблемами и задачами. Оценивая исторический опыт предшественников, власть принимает и аргументирует собственные управленческие решения. В данном случае история, увы, неизбежно становилась жертвой идеологии. Настоящее в еще большей степени зависит от выработанного, одобренного и демонстрируемого образа собственной истории. Предлагаемая авторами учебного пособия историческая картина вполне могла стать ясным и мощным рычагом воздействия на социальное сознание общества с не определившимися целями, ценностями и устоями, а то и выступить в качестве основы для изменения «избранного» в 1991 г. пути общественного развития. Причина рождения очередного «нового дела историков», находилась исключительно в политической плоскости.

Бурная общественная реакция в защиту А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова привела к ослаблению давления на историков, а затем и к сворачиванию самой кампании. На наш взгляд, решающую роль при этом сыграло обращение видных русских деятелей науки и культуры²⁴, квалифицировавших кампанию против историков как «позорное судилище», «судилище над всей отечественной исторической наукой». В обращении подчеркивалось: «Если сегодня инициатива г-на Сванидзе найдет поддержку во властных структурах или в обществе, то завтра с исторической наукой в России будет покончено: любая научная дискуссия рискует превратиться в бесконечную судебную тяжбу, где

---

²⁴ Деятели науки и культуры выступили в защиту русских историков. 10.09.2010 // URL: <http://avkrasn.ru/article-383.html>. (Дата обращения: 10.11.2023).

историческая истина станет выясняться с помощью встречных исков». Обращение к Общественной палате РФ, к научному сообществу, к гражданам России с призывом «одумайтесь, прекратите позорную травлю ученых» подписали видные русские писатели В.Г. Распутин, В.И. Белов, Ю.В. Бондарев, В.И. Лихоносов, В.Г. Ганичев, А.А. Проханов, С.Ю. Куняев, поэты Е.А. Исаев и В.А. Костров, народный художник СССР В.М. Сидоров, доктора исторических наук И.Т. Янин, В.А. Волков, В.Е. Воронин, Е.П. Титков, А.В. Никонов, С.В. Перевезенцев, Е.С. Галкина, В.В. Фомин и многие другие.

Кампания против А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова способствовала и постановке проблемы свободы исторического поиска в целом. Так, директор фонда «Историческая память» А.Р. Дюков призвал Общественную палату («если уж она занялась «редактированием» учебника Вдовина-Барсенкова») заодно обсудить одного из авторов «не имеющей ничего общего с наукой» книги «История России. XX век»: «в этой книге с несомненной симпатией говорится о власовщине, в ней присутствует огромное количество фактических ошибок, некорректных и бездоказательных утверждений». Упомянул Дюков участие сотрудника ИРИ РАН Н.С. Лебедевой в основанном на огромном количестве фальшивок и лжи фильме «The Soviet Story», снятом латышскими пропагандистами, а также «идею» Н.К. Сванидзе, «не так давно призывавшего признать концепцию «советской оккупации» Прибалтики, концепцию, которую не поддерживает никто из авторитетных российских историков и которая ничтожна и с юридической, и с исторической точки зрения»²⁵. Открыто поддержали московских профессоров И.Я. Фроянов и Ю.Н. Жуков.

Травлю историков предпочли свернуть. Экспертная комиссия, созданная по решению Ученого совета исторического факультета МГУ для проведения научной экспертизы учебного пособия профессоров А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина, опубликовала заключение об учебнике, в котором выразила озабоченность «тем обстоятельством, что обсуждение авторского учебного пособия вышло за пределы научной дискуссии, ведется в плоскости политизированных, ангажированных оценок», «традиции университетской автономии и академических свобод исключают преследование ученых за их научные взгляды». Среди недостатков пособия комиссия предпочла отметить «абсолютизацию этнического принципа в общественной и политической жизни» и «поверхностное освещение» сталинизма как «феномена российской

---

²⁵ Деятели науки и культуры выступили в защиту русских историков. 10.09.2010 // URL: <http://avkrasn.ru/article-383.html>. (Дата обращения: 10.11.2023).

истории». В приложении к заключению были приведены типичные, на взгляд членов комиссии, примеры искажений и ошибок, присущих книге²⁶. Книга из учебного процесса была изъята, критика спущена на тормозах, профессор А.И. Вдовин и А.С. Барсенков продолжили свою учебную и научную деятельность на истфаке МГУ.

Оценивая в исторической ретроспективе «Новое дело» историков 2010 г., можно утверждать, что именно это событие способствовало кризису исторического образования, отказу от изучения и преподавания истории с национально-патриотических позиций, с точки зрения интересов государствообразующего русского народа. Только явная угроза потери национальной независимости и распада России заставила руководство страны обратиться к идеям и принципам, которые в 2010 г. вместе с профессорами Вдовиным и Барсенковым защищали настоящие патриоты. Часть российской элиты во главе с В.В. Путиным осознала пагубность насильственной интеграции России в так называемый Западный глобальный мир, а точнее в «американское глобальное государство». В ноябрьском указе 2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» капиталистические идеалы и принципы потребительства признаны деструктивной идеологией и характеризуются как «чуждые российскому народу и разрушительные для российского общества системы идей и ценностей»²⁷. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной Президентом В.В. Путиным 31 марта 2023 г., Россия характеризуется «как самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»²⁸.

---

²⁶ Экспертная комиссия: Учебник Вдовина-Барсенкова может быть использован в обучении только после исправления недостатков // URL: <http://old.memo.ru/d/2201.html>. (Дата обращения: 10.11.2023).

²⁷ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=2> (Дата обращения: 20.05.2023).

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?Index=3> (Дата обращения: 20.05.2023).

Однако не все идеи, высказанные А.И. Вдовиным в 2010 г. и развитые в ряде крупных монографий в последующие годы, однозначно воспринимаются в условиях разворачивающегося и обостряющегося противостояния с Западом. Прежде всего, это мысли А.И. Вдовина о «русской идее», которая, «как и любая другая национальная идея – это всегда стремление к национальной независимости, возрождению и сохранению культуры, созданию собственной государственности, преодолению комплекса национальной второсортности»²⁹. Русская идея, утверждает учёный, не противостоит российской: «на общероссийском уровне высшей ценностью должно быть признано единство россиян, понимаемое как единая российская политическая нация», а на «этническом уровне – единство и приверженность граждан отдельных национальностей культуре и традициям своего народа-этноса»³⁰. Вдовин призывает отказаться от «так называемого подлинного интернационализма, понимаемого зачастую по-троцкистски и призванного обслуживать процесс всеобщей денационализации». В качестве первоочередной задачи профессор видит решительное избавление от «асимметричной архитектоники Союза ССР». Россия, по его мнению, должна стать «государством русского народа с национально-территориальными автономиями для других народов и с культурно-национальной автономией для национальных групп, расселенных дисперсно»³¹.

Именно эти вопросы в последнее время стали наиболее актуальными и востребованными, как в теоретическом плане, так и в практическом контексте. Споры с И.Г. Сухаревым по проблемам соотношения этнических и наднациональных общностей, в конечном счёте, способствовали проведению «Круглого стола» по идеологии Русского мира в Саратовском Земском клубе³². После горячей дискуссии о том, что собой представляет в настоящее время «Русский мир – реальность, фантом, миф?» состоялся долгий спор с Игорем Геннадиевичем о судьбе русской элиты. Не секрет, в среде историков бытует мнение о том, что у русского этноса вообще не было элиты. Исчерпав в споре все свои аргументы, согласились, что прав всё же Александр Иванович Вдовин, еще в апреле 2018 г. в одном из своих писем заметивший: «С утверждением о том, что «русской национальной элиты никогда не было и нет» можно

---

²⁹ Вдовин А.И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). М., 2019. С. 666.

³⁰ Там же. С. 668.

³¹ Там же. С. 669.

³² <https://www.youtube.com/watch?v=Am5FFuC13hs>

согласиться, если ему (утверждению) предпослать слова: организованной, четко оформленной, имеющей писаную историю. В противном случае пришлось бы согласиться и с тем, что не было и нет русского народа с его самосознанием, интересами и всем, что полагается нации. <...> То, что русскую элиту и даже ее зачатки давили почему зря – это факт. Но соглашаться с ее отсутствием или ненужностью – вот это неприемлемо»³³.

По историческим меркам одновременно ушли из жизни два друга: Александр Вячеславович Филиппов и Игорь Геннадиевич Сухарев. Ученые, общественные деятели, доказавшие, что есть она – русская интеллектуальная элита. Историки, представлявшие ту часть исторического сообщества, которая борется за «сдвиги в национальной политике в сторону акцентов на русском народе, государствообразующем по факту существования России (В.В. Путин), православии, соединения советской и российской истории, державности»³⁴. Ту часть, которая требует «очищения исторического наследия от русофобства», выработке мер «по преодолению негативных последствий разделенности русского народа», узаконения «пропорционального представительства всех народов в органах власти, избавления от «асимметричного федерализма»³⁵.

Для цитирования: Мякшев А.П. Русская идея в контексте кризиса исторического образования в России // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 9-23.

---

³³ Личный архив А.П. Мякшева.

³⁴ Вдовин А.И. Русская нация в XX веке... С. 666.

³⁵ Там же. С. 666.

ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТЕ ИЛИ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

УДК 94(44+430.119) | 1806/1813 |

ОДНО ИЗ «МОДЕЛЬНЫХ» ГОСУДАРСТВ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕГО СУДЬБА

С.Н. Искюль¹

СПб. ИИ РАН (Санкт-Петербург)

e-mail: iskiouls@yahoo.com

Аннотация. *Статья посвящена ситуации с одним из «модельных», точнее образцовых, государств западной Германии, возникших в процессе переустройства германского «тела» в результате дальнейшего развития Французской революции во вне и ее борьбы против коалиций. Речь идет в Великом герцогстве Берг, которое наряду с другими «моделями» в начале XIX в. перестраивалось по французскому образцу и было призвано противостоять враждебной Франции Пруссии. Судьба Берга была целиком связана с судьбой наполеоновской Европы, что, в общем и целом, показательны в чередующихся моментах, характеризующих эпоху.*

Ключевые слова: Третья Германия, «Модельные» государства Германии, Французская империя, Рейнский союз, Наполеон, Великое герцогство Берг.

ONE OF THE «MODEL» STATES OF THE FRENCH EMPIRE AND ITS FATE

S.N. Iskioul

(Saint-Petersburg, Russia)

e-mail: iskiouls@yahoo.com

Annotation. *The article is devoted to the situation with one of the «models», or rather exemplary, states of Western Germany, which arose in the process of restructuring the German “body” as a result of the further development of the French Revolution outside and its struggle against coalitions. We are talking about the Grand Duchy of Berg, which, along with a number of other “models”, at the beginning of the 19th century, was rebuilt according to the French model and inside Germany was called upon to resist Prussia, which was hostile to France. Berg's fate was entirely connected with the fate of Napoleonic Europe, which, in general, is indicative of a series of other moments characterizing the era.*

Key words: Third Germany, «Model» states of Germany, French Empire, Confederation of the Rhine, Napoleon, Grand Duchy of Berg.

---

¹ Искюль Сергей Николаевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

«Модельными» государствами в истории Германии начала XIX в. в европейской, преимущественно немецкой, историографии принято называть государственные образования, появившиеся на картах Европы перед образованием Рейнской конфедерации 12 июля 1806 г. Как известно, договор об этом межгосударственном союзе был подписан в Париже, что знаменовало собою добровольный выход западных и южных германских государств из состава Священной Римской империи германской нации. Именно тогда на немецкой почве появляются и «модельные» государства. В целом эта часть Германии в германской историографии теперь называется «третьей Германией» (*das dritte Deutschland*), то есть без Австрии и Пруссии, и ее история, опять-таки в немецкой историографии, была распространена на последующую эпоху – время Германского союза².

Германские коллеги в своих работах вполне правомерно употребляют термин «третья Германия», подчеркивая тем самым, что имеют в виду не только «традиционные» владения германских королей и принцев («фюрстов») на западе и юге Германии, т.е. Баварию, Баден, Вюртемберг, Саксонию, Мекленбург-Шверин, Мекленбург-Стрелиц и проч., но и «модельные» государства³. Термин введен в научную терминологию во второй половине XX в. и с тех пор принят в германской историографии. «Модельные» же государства создавались в результате территориального передела в государствах Священной Римской империи, который имел место после Люневильского мира 1801 г. и политики «индемнизаций» держав, в первую очередь Франции и России, которые по Тешенскому договору о мире от 13 мая 1779 г. обрели значение держав-согарантов целостности Священной римской империи.

В прошлом, в Средние века и в раннее Новое время, кем только ни управлялся Берг и сколько раз ни подвергался он территориальным переделам, в том числе и в результате брачных союзов, далеко не всегда прочным образом сказывавшихся на династических связях! Последнее имело место в начале еще XI в., когда едва упрочившаяся династия бергских графов должна была искать опору в браке с герцогским домом Лимбурггов. Бывало и так, что, например, еще до 1624 г. Берг управлялся одновременно домом рейнских пфальцграфов и курфюрстами Бранденбургскими. Но наступили новые времена, и люневильскими

---

² *Wierichs M.* Napoleon und das «Dritte Deutschlands» 1805-1806: die Entstehung der Grossherzogtümer Baden, Berg und Hessen. Fr. am M.; Bern; Las Vegas, 1978.

³ *Wohlfeil R.* Napoleonische Modellstaaten // Napoleon I und die Staatenwelt seiner Zeit / Hrsg. von W. Groote. Freiburg, 1969. S. 33-53.

договорами территориальная целостность владений Берга была гарантирована. Но это не явилось препятствием для Франции в эпоху Консульства и Империи: опыт создания на восточных границах пояса из «дочерних» республик в новых условиях был модифицирован для образования «модельных» государств теперь уже в рамках Империи. Этому способствовало и то обстоятельство, что государства западной и южной Германии к тому времени уже основательно опережали по своему развитию Австрию и Пруссию. Вдобавок они были изрядно офранцуженными, и правящие сословия неизменно и в любых случаях обращали свои взоры на запад в поисках защиты и помощи у французских соседей. Это практиковалось еще во времена правления Людовика XIV и отчасти даже ранее.

После Люневильского мира, решившего судьбу рейнского правобережья, Пруссия частично сохранила за собою герцогства Клеве и Марк, расположенные на левом берегу Рейна – территории плодородные, но бедные городами, за исключением Дуисбурга и сильно укрепленного Везеля. Известный деятель прусского возрождения барон Генрих фон унд цу Штейн, обер-президент, присоединил территории, которые ранее Пруссия получила вследствие рэцеса (заключительного протокола Имперской депутации) 1803 г.: имеются в виду епископства Мюнстер и Паденборн, а с ними и аббатства Верден, Эссен и Эльтен⁴. Две причины, побуждавших Наполеона прочно расположиться на правом берегу Рейна: желание бороться с контрабандой английских товаров, весьма решительно организованной в Дюссельдорфе, с которой прусские и баварские власти боролись весьма нерешительно, и намерение создать своего рода военную границу между Рейном и Пруссией⁵.

Находящийся в северо-западной части Германии, Берг на северо-западе граничил с Голландией, причем территория королевства глубоко врезалась в территориальные владения герцогства на северной окраине Рурской области. С севера на юг граница Берга с Францией шла по Рейну и, причудливо изгибаясь, предусмотрительно оставляла на правом берегу за французами крепость Везель. На востоке Берг граничил с Великим герцогством Гессен-Дармштадтом и с королевством

---

⁴ *Gaspari A.C.* Der Deputations-Rezess mit historischen, geographischen und statistischen Erläuterungen und einer Vergleichungs-Tafel. Bd. 1-2. Hamburg, 1803.

⁵ *Engelbrecht J.* Grundzüge der französischen Verwaltungspolitik auf dem linken Rheinufer (1794-1814) // *Napoleonische Herrschaft in Deutschland und Italien – Verwaltung und Justiz.* Berlin, 1995. S. 11-25.

Вестфальским, образованным в 1807 г. сразу после Тильзитского мира. На юге Берг граничил с герцогством Нассау.

Хроника территориальных приобретений с участием близлежащих державных владений такова, что, в конце концов, становится понятной судьба Берга во всей этой картине обменов, уступок и иных приобретений. Со времени Люневильского мира в феврале 1801 г. Бавария сохранила за собою на правом берегу Рейна герцогство Берг, ограниченное на западе течением Рейна, на юге и отчасти на востоке - территорией Нассау-Узингена, а на севере - Руром, который отделял его от прусского герцогства Клеве. В этом районе были сосредоточены важнейшие коммерческие центры, такие как Дюссельдорф, а сам этот район Берга - наиболее промышленный, для которого уже тогда характерным было тесное скопление разного рода мануфактур: в Эльберфельде - шелковые и суконные, в Золингене и Ремшайде - металлургические и металлообрабатывающие и т.д. Тесьма, торговый приклад, скобяные товары, льняные ткани и проч. - все это экспортировалось по всей Европе и даже за ее пределы.

15 декабря 1805 г., согласно франко-прусскому договору в Шёнбрунне, Пруссия уступила Франции (в надежде, что ей в свою очередь уступят британское владение Ганновер) герцогство Клеве, включая крепость Везель, а вместе с ним и маркграфство Ансбах. 16 декабря Наполеон уступил это маркграфство Баварии, которая отдала ему герцогство Берг, с самого начала предназначенное во владение французскому принцу, избранному по воле императора французов. 8 марта 1806 г. Наполеон объявил о слиянии герцогств Берг и Клеве, но после этого сразу же обнаружились «трудности» с Пруссией, которые не сразу, но в скором времени привели к войне.

Между тем 8 марта 1806 г. герцогом Бергским и Клевским стал маршал Франции Иоахим Мюрат, женатый на сестре императора французов. Одновременно с этим маршал вступил в «сообщество» принцев Священной Римской империи. 24 марта он вступил в столицу герцогства Дюссельдорф и, приведя своих подданных к присяге, предпринял шаги к установлению французского господства на правом берегу Рейна. В частности, он присоединил к герцогству ряд аббатств, находившихся близ границ или в анклавах: Венден, Эссен и Эльтен. Конечно, это произошло не без ведома Наполеона и к тому же было вполне в духе времени, когда шла война против Пруссии и четвертой коалиции держав.

Но 12 июля 1806 г. Иоахим Мюрат как великий герцог Бергский, вступил в Рейнский союз и с этого времени навсегда разорвал всякие

узы, связывавшие его со Священной Римской империей⁶. По договору, подписанному в Париже, он предоставил императору французов 5 000 бергских солдат на тот случай, если на кого-нибудь из членов конфедерации нападет какая-нибудь держава. Между прочим, акт Рейнского союза включил в состав герцогства город Дёйц, важный торговый центр на Рейне как раз напротив Кёльна, «уездные» округа (bailliages) Кёнигсвинтер и Виллих, что позволило всегда иметь в своем распоряжении доступ к рейнским берегам. Последнего удалось добиться, воспользовавшись безвыходным положением герцога Нассауского, который получил эти владения, согласно тому же рэцесу 1803 г.; правда, затем герцог должен был довольствоваться близлежащими землями того дворянства, которое находилось в полном подчинении непосредственно от власти императора Священной Римской империи.

После же поражения Пруссии при Йене Наполеон формально упорядочил в пользу своего зятя вопрос об аббатствах Эльтен, Эссен и Верден; особенно это имело значение в отношении двух последних – их население составляло тогда 20 тыс. жителей, но кроме того там находились богатые каменным углем шахты.

Разумеется, в Тильзите, когда проходили переговоры и заключались соглашения о разделе Пруссии и территориальных переделах Священной Римской империи, все эти изменения, включая и новые названия государств и титулы новых государей, были внесены в соответствующие статьи тильзитских соглашений, что подтверждалось личными договоренностями Наполеона и Александра I, а также подписями составителей – Ш.-М. де Талейрана и А.Б. Куракина.

Согласно же соглашениям в Тильзите, владения Мюрата получили территориальные «приращения»; в его состав были включены прусские территории к востоку от Эльбы: графство Марк, фюршество Мюнстер, графства Теклембург, Линген и Дортмунд, а также права на суверенитет в том, что касалось владений Бентхайм и Реда, и все это с населением 350 тыс. жителей. С той поры Наполеон учредил некую территориальную однородную совокупность почти в миллион человек, обладавшую сильной экономической базой, прилегающий к Рейну от Кёнигсвинтера до Эммериха и простирающийся от Дортмунда до Мюнстера. В конце 1810 г., в надежде лучшим образом закрыть Империю от английских товаров, попадавших на континент не только «легально»,

---

⁶ Goecke R. Das Grossherzogthum Berg unter Joachim Murat, Napoleon I und Louis Napoleon, 1806-1813. Ein Beitrag zur Geschichte der französischen Fremdherrschaft auf dem rechten Rheinufer. Köln, 1877. S. 78-79.

т.е. на судах третьих стран, но и как контрабанда, Наполеон урезал четвертую часть Берга на западе и в северной его части: Везель, Хальтерн и Минден должны были войти в состав новых департаментов Липпе и Верхнего Эмса. Небольшую компенсацию за эту «уступку» великое герцогство получило, присоединив к своей территории Реклингсхаузен.

Повторимся, создавая Великое герцогство Берг на восточных границах Франции, император французов, вероятно, полагал, что оно явится определенным противовесом Пруссии. Пруссию он считал опасной, и одно время собирался вообще стереть ее с лица земли, разделив по своему усмотрению ее территорию, но по просьбе Александра I оставил ее на карте Европы. Некоторое время Берг и в самом деле играл предназначенную ему роль, но вскоре на одно из первых мест в германских планах Наполеона выдвигается королевство Вестфальское.

15 июля 1808 г., когда Мюрат был провозглашен королем Неаполитанским, Наполеон сам взял на себя обязанности правителя Великого герцогства Берг. Однако он рассматривал это для себя как временный статус: не прошло и года, как в марте 1809 г. император избрал на роль Великого герцога четырехлетнего Наполеона-Луи, сына короля Голландии Луи Бонапарта и падчерицы Наполеона Гортензии де Богарне. До достижения принцем совершеннолетия было установлено регентство, которое позволяло Наполеону осуществлять верховную власть над деятельностью правительства и административным управлением страной. В Париже в 1809 г. был создан государственный секретариат по делам Берга во главе с государственным советником Пьером-Луи Рёдерером; в Дюссельдорфе ему оказывал поддержку французский комиссар Жан-Клод Бёньо, который состоял послом императора в Вестфальском королевстве. Последний, несомненно, более опытный, стремился к тому, чтобы упростить организацию Великого герцогства и последовательно провести там необходимые реформы. В этом он встретил полную поддержку со стороны Наполеона, который в первую очередь стремился превратить Берг в инструмент собственной политики⁷. Не теряя из виду интересы Империи, Бёньо, тем не менее, признавал достоинства прусской администрации герцогства Марк и Клеве и хотел избежать полного разрыва с прошлым. Поэтому он стремился сохранить на некоторое время прежние законодательные собрания и службы государства, занимающиеся предпринимателями и чиновничеством. В административном управлении Бёньо во многом полагался на тех

---

⁷ *Beugnot J.-C. Mémoires du comte Beugnot, ancien ministre (1783-1815). Paris, 1889. P. 141-143.*

опытных чиновников-немцев, которым он поручал должности в администрации по французскому образцу. На вооружении новой администрации были принципы современного государства, а именно порядок его управления снизу доверху, и терпимость в традициях цивилизованного и просвещенного государства XVIII в. В 1808 г. в Великом герцогстве как в независимом государстве была введена система французских департаментов во главе с префектами. Попутно происходила деятельность по созданию министерств. Согласно императорскому декрету от 15 марта 1812 г. предполагалось учреждение Государственного совета и других учреждений, в том числе, имевших функцию избирательных, включая и Коллегии нотаблей. Новый Государственный совет состоял из 14 советников и 8 аудиторов. Под председательством министра юстиции он должен был изучать проекты законов, предложенных императором, и утверждать бюджет страны.

Новая организация правовых отношений в Берге была целиком связана с введением 1 января 1810 г. в стране Кодекса Наполеона и новой организации юридической системы. Провозглашались равенство всех перед законом и упразднение всех привилегий, в общественную терминологию введено понятие «гражданского состояния»⁸. Однако утверждение новых правовых отношений не всегда происходило беспрепятственно: время от времени возникал вопрос о выкупе феодальных повинностей. Дворянство теряло свои патримониальные юрисдикции, и, за исключением обладателей титулярных пожалований Наполеона, оно не могло сохранить права, связанные с обладанием земельной собственностью, иначе как пожертвовав всеми своими исконными правами феодальных собственников.

Как показала эта практика, одного декретирования установления новых правовых отношений было не всегда достаточно. Так, надо было дожидаться начала 1812 г., когда в Берге была создана единообразная юридическая система с апелляционным судом в Дюссельдорфе; старые юрисдикции были заменены присяжными и гласной процедурой судопроизводства.

Надо иметь в виду, что Великое герцогство Берг, строго говоря, государство без «исторической традиции»: это собрание территорий различного происхождения, представляло собою великое разнообразие, если не великий беспорядок в управлении, финансах, юстиции и т.д.

---

⁸ *Fehrenbach E. Der Kampf um die Einführung des Code Napoleon in den Rheinbundstaaten. Mainz, 1973. S. 109-111.*

Новому государству необходимо было дать единство и «спаянность» во всем. Но достигнуть этого было далеко не просто.

До 24 сентября 1810 г. делами Великого герцогства занимались в Париже под наблюдением Наполеона и при непосредственном участии шефа государственного секретариата Уга-Бернара Маре, герцога де Бассано. Он положил конец системе коллегиального управления и предпринял административное слияние различных территорий, составлявших Берг. С 24 апреля 1806 г. Маре упразднил герцогское регентство и Тайный совет старого герцогства Берг. Что же касается собраний депутатов сословий, там, где они были, то в сентябре 1806 г. он постановил созвать их с тем, чтобы проголосовать введение фискальной реформы. Во главе государства были поставлены два министра. Жану-Антуану Агару, confidentу Мюрата были поручены финансы; в его руках находились также и иностранные дела. Вторым министром был юрист Иоганн-Энгельберт Фухсиус, который занимался сугубо внутренними делами, после которого на этот пост был назначен оберст-камергер и штаттхальтер граф Иоганн-Франц фон Нессельроде-Райхенштайн. Эти министры, разумеется, были франкофонами.

Пожалуй, наибольшее значение имела отмена крепостной зависимости, которая последовала после того, как император французов 12 декабря 1808 г. подписал декрет об отмене любых форм крепостничества в Берге и всех связанных с ним прав и обязательств. Бывшие крепостные крестьяне и полукрепостные арендаторы (colone) отныне пользовались всей совокупностью прав свободных людей. Арендаторы становились собственниками обрабатывавшейся ими земли, которая с тех пор могла передаваться по наследству. Были отменены многочисленные повинности, связанные с физическим трудом в пользу сеньора, в том числе, барщина. Разумеется, эта отмена была безвозмездной для бывших крепостных, а арендаторы должны были выкупить права, на которых они арендовали земельные участки.

За этим декретом последовала отмена всей феодальной системы, Все ленные владения, принадлежавшие короне или отдельным сеньорам, были упразднены: они остались в собственности их последних держателей. Барщина и другие личные повинности, включая оброк, также были отменены. Были отменены без всяких вознаграждений налоги, которые прежние финансовые, военные и доменные палаты взимали с недвижимости (например, налог с трубы, который платился домашней птицей, овсом или деньгами), а также всевозможные взносы и налоги, введенные в свое время на ограниченный срок и с тех пор не

упраздненные. Отменялась обязанность жителей кормить охотничьих собак господина, поставлять по два фунта масла с коровы и многие другие.

Но совершенно особое значение имела для Берга отмена различных сборов и налоговых обложений, имевших отношение к торговле, промышленности и ремеслу, т. к. «Берг, – отмечал Е.В. Тарле, – был, можно сказать, если не самой передовой на континенте Европы страной в индустриальном отношении, но одной из наиболее передовых»⁹.

Но «лучшие намерения Наполеона, великого герцога Бергского и протектора Рейнской конфедерации, – отмечает историк Ш. Шмидт, – большей частью сводились на нет противоречивыми намерениями Наполеона, императора французов»¹⁰. Многие бергские промышленники неоднократно и лично просили у императора Наполеона разрешения направить свои товары в те или иные европейские страны, и были даже не против прямого присоединения Великого герцогства к Империи, так как таким образом фабриканты Берга уравнивались бы в правах с французскими предпринимателями. Кроме того, они готовы были переселиться в так называемую «немецкую Францию», в Рейнланд. Но о присоединении Берга к Франции не могло быть и речи. «Когда, – пишет Е.В. Тарле, – к Империи присоединялись Наполеоном экономически отсталые страны, то <...> промышленники Империи ликовали. Но, не то было, когда речь шла о присоединении местностей, опередивших Империю в индустриальном отношении»¹¹. В одном адресе фабрикантов Ремшайда, переданном в Париже для вручения Наполеону в конце 1810 г. можно прочесть буквально следующее: «Одно только слово о присоединении к Франции будет для нас словом, возвращающим нас к жизни»¹². Сообщив об этом императору, Бёнью услышал в ответ только что-то вроде того, что грядущая победа над русскими открывает в этом смысле широкие перспективы.

Достаточно вспомнить, что собою представляет «Золинген», как сразу становится ясно, что промышленность Берга имела давние и прочные корни, причем в самых разных областях. Известно, к примеру, что Берг, наряду с Саксонией, славился своей развитой текстильной индустрией, работавшей не только на внутренний, но и на внешний

---

⁹ Тарле Е.В. Континентальная блокада // Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958. С. 247.

¹⁰ Schmidt Ch. Le grand-duché de Berg (1806-1813). Etude sur la domination française en Allemagne sous Napoléon Ier. Paris, 1905. P. 345.

¹¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 252.

¹² Beugnot J.-C. Op. cit. P. 159.

рынок: общий вывоз в 1807 г. равнялся 55 млн. франков, но с введением Континентальной блокады и проведением особой французской таможенной политики экономика Великого герцогства переживала серьезные трудности.

Таким образом, главная проблема Великого герцогства лежала, разумеется, в области экономической. В исторических исследованиях нередко высказывается мнение, что экономика Берга претерпевала нелегкие испытания вследствие Континентальной блокады Великобритании, но здесь налицо двойственное, если не тройственное, ее влияние, которое отразилось почти на всех сколько-нибудь развитых германских областях. С одной стороны, благотворно исключалась конкуренция британских товаров, которая наносила значительный ущерб, если иметь в виду дальнейшее развитие немецкой промышленности. Но, с другой стороны, возрастала потребность в промышленном сырье, которого в Берге не хватало и до введения Континентальной блокады. Хозяйственно-экономическая жизнь Берга была отмечена потерей привычных в прошлом рынков сбыта, французским протекционизмом и Континентальной блокадой¹³. Все этого, безусловно, требовало поисков альтернативных рынков, но на это не всегда хватало времени, а с ним и желания.

Кроме того, ни в коем случае нельзя исключать и такое важное обстоятельство, как отсутствие крупных капиталовложений, которые требовались для расширения производства. Тем не менее, экономика Берга лучшим образом противостояла трудностям. Включение в состав Великого герцогства в 1806 г. графства Марк, территорий Эссена и Вердена, центров добычи угля, приблизили добывающие районы к обрабатывающим центрам, что возымело немалую пользу. Именно с этого времени датируется быстрое развитие металлургического производства. Статистика 1809 г. дает представление о том, что в Берге существовало 27 доменных печей для изготовления стали, 6 устройств для производства стали в гнезде доменного горна, 77 заводов по изготовлению стали в брусах, 492 – по производству листового железа, 600 мастерских по изготовлению проволоки. Важное место в обработке металлов в Берге занимало производство оружия, инструментов, ножей, крепежных изделий. В металлургии были заняты 15 000 рабочих против 50 000 в текстильной и 20 000 – в хлопчатобумажной. В это время промышленники Берга уже начинают интересоваться рынками восточной Германии, которыми

---

¹³ *Schmidt Ch. Op. cit. P. 401; Franzosenzeit in deutschen Landen, 1806-1815 / Hrsg. F. Schulze. Leipzig, 1908. Bd. 2. S. 101.*

они до этого пренебрегали, но все это продолжалось недолго: Континентальная блокада, поначалу ощущавшаяся как временное и преодолимое препятствие, со временем стала чувствоваться как нечто серьезное, требующее постоянного и неослабного внимания¹⁴.

Конечно, все это не могло не коснуться и самым непосредственным образом широких слоев населения Великого герцогства Берг: через год-другой некоторые предприятия Ремшайда стали переживать застой, шахты Эссена и Фердена были частично заброшены, хлопчатобумажные фабрики Эльберфельда и Барнета сокращали производство из-за отсутствия сырья. В 1807 г. 10 тысяч бергских рабочих, производивших продукцию на итальянский рынок, остались без работы, т.к. предприятия, на которых они работали, закрылись полностью или частично. Особенно серьезно сказалось на положении населения Берга введение Трианонского тарифа. Этот тариф существенно затронул жизненные интересы 80 тыс. рабочих, занятых в сталелитейной, хлопчатобумажной, суконной, шелковой промышленности и кормивших 200 тыс. членов своих семей. Прибыли, ранее исчислявшиеся десятками миллионов, сократились вследствие таможенной политики Франции, а это в свою очередь отразилось на занятости и доходах населения герцогства.

В области общественного образования результаты за период существования Великого герцогства были скромными. Так, в 1812 г. разработанный проект, касавшийся открытия начальных школ на 100 учащихся для каждого департамента, был принят за основу. Каждая из школ должна была быть целиком на содержании местных органов власти, однако, многие из них не могли обеспечить это содержание. В 1808 г. было вынесено решение сосредоточить среднее образование в гимназиях Дюссельдорфа, Дуисбурга, Везеля и Зигбурга. Но, в 1808 г. территориальное расширение Берга привело к тому, что на самом деле власти только высказались в пользу открытия 7 государственных лицеев и 17 частных средних школ, а к реализации это «предположения» приступили далеко не сразу. В конце 1810 г., когда у Великого герцогства был отторгнут Мюнстер, в Дюссельдорфе был воссоздан университет, но на самом деле это произошло лишь в конце 1811 г. Наполеон во время своего визита в Великое герцогство высказался в пользу того, чтобы в столице Великого герцогства был учрежден университет с четырьмя факультетами – теологии, права, медицины и гуманитарных наук. В середине лета 1812 г. государственный советник Иоганн-Фридрих Якоби составил на этот счет подробную записку, которая была

---

¹⁴ *Demian J.A. Statistik der Rheinbundstaaten. Frankfurt a. M., 1812. Bd. II. S. 52-55.*

отправлена в Париж, но безрезультатно. В это время императора занимали другие вопросы, которые политически стали на первое место: во время пребывания в Дюссельдорфе Наполеон задумал реорганизацию католического и протестантского культов по образцу, который существовал во времена оны на прусских территориях¹⁵. Кроме того, почти наверняка, даже если эта записка была доставлена вкупе с прочими в Россию, он отложил бы ее рассмотрение на более позднее время, когда удастся добиться заключения мира с Александром I и вернуться к союзу с Россией. Но пока шла война, и Берг в ней участвовал.

В соответствие с договором о Рейнском союзе, в Берге была введена конскрипция, т.е. рекрутский набор, и от французской конскрипции она ничем особенно не отличалась и не была в тягость местному населению¹⁶. Конскрипция касалась только ограниченного контингента войск, который состоял из четырех легкоконных полков (1807-1808), которые затем были преобразованы в полки конных егерей, но в 1809 г. и они подверглись реорганизации и стали называться уланскими полками, которые просуществовали вплоть до 1813 г. Бергский контингент принимал участие в боевых действиях в Испании и был отозван во Францию перед войной в России. У Наполеона были планы присоединить один или два полка из этих соединений к своей гвардии, что явилось бы, надо полагать, немалой честью для них, но этого так и не произошло. В «Русском походе» Бергский контингент, как и прочие войска Рейнского союза, проявил себя с отличием в сражениях, в которых ему довелось участвовать, в том числе в деле при Смоленых, где 13-14 ноября успешно атаквали войска под командованием П.Х. Витгенштейна, и на реке Студянке 26-28 ноября, где бергцы отчаянно сражались, потеряв немало убитыми и полковой штандарт, попавший в руки русских¹⁷.

Помимо сказанного, в войне в России в составе Великой армии участвовали немногочисленные пехотные части, 5 артиллерийских рот и 1 рота саперов, что составляло вместе 6 667 солдат и офицеров. Они

---

¹⁵ Severin B. Modellstaatspolitik im rheinbündischen Deutschland. Berg, Westphalen und Frankfurt im Vergleich // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Bd. 24/2. 1997. Sigmaringen, 1998. S. 184-185.

¹⁶ Clemens G.B. Napoleonische Armeelieferanten und die Entstehung des rheinischen Wirtschaftsbürgertums // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Bd. 24/2. 1997. Sigmaringen, 1998. S. 159-180.

¹⁷ Pigeard A. La Garde Impériale 1804-1815. Paris, 2005. P. 365. См. также: Исаинов К.А. Великое герцогство Берг в войнах Наполеона в полевом дневнике лейтенанта Циммерманна // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2023. Т. 10. № 3. С. 375-382.

входили в состав 1-ой бригады 26-ой пехотной дивизии Великой армии 9-го армейского корпуса под командованием маршала Франции Клода-Виктора Перрэна Виктора, герцога Беллюно. В эту дивизию входил вместе с гессенским и бергский контингент, включая и уланский полк; куда также входили и силы Великих герцогств Франкфуртского и Гессен-Дармштадтского (в целом около 10 000 солдат и офицеров)¹⁸.

Во время «Русского похода» среди солдат бергского контингента было немало убитых, раненых и погибших в иных обстоятельствах кампании. Все они вместе с Великой армией разделяли тяготы похода и лишения, особенно во время отступления из Москвы. В 1813 г., что характерно, они по-прежнему, даже перед лицом смертельной опасности, не покидали строй, проявляя стойкость, выдержку и дисциплину. Ряд военных из бергского контингента впоследствии перешел границы вместе с отступавшей французской армией в 1814 г. и участвовал во Французской кампании.

Исход Великой армии из России и общее неудачное завершение *Russlandfeldzug* не прошло незамеченным в Берге, ибо, несмотря на принятые властями меры предосторожности, постепенно из рассказов купцов и раненых, прибывших из армии, и особенно из писем солдат на родину в Берге стали известны как отдельные печальные факты, так и общая ситуация войны. Призыв части резервов в армию в 1812 г. явился поводом для возникновения волнений в Берге, но в особенности стихийные народные волнения в Берге были вызваны 29-м бюллетенем Великой армии и слухами о подробностях отступления французов и их союзников из России. Не последнюю роль здесь сыграли и прокламации командования российской армии к немецкому населению, которые получили распространение и в Берге. «Повсюду, – как пишет бытописатель этих событий, – мысль о том, что русские собираются освободить Германию, распространялась в Германии, и для того, чтобы лучшим образом их встретить, печатались словари русского языка с самыми необходимыми выражениями»¹⁹. Показательно, что само выступление получило среди населения прозвание «восстание русских дубинок» (*Knüppenrussen*) и его участников называли не иначе как «русскими». Это было чисто бергским явлением, и нигде в Германии такого не наблюдалось, но о том, что оно было инспирировано прямым

---

¹⁸ *Попов А.И.* Двадцать шестая пехотная дивизия Великой армии // Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813-1814 годов / Отв. ред. В.М. Безотосный. М., 2012. Т. 1. С. 577-578.

¹⁹ *Schmidt Ch.* Op. cit. P. 468.

вмешательством с востока говорить не приходится: документальных свидетельств тому не имеется.

Волнения в Берге началось 23 января 1813 г. во время жеребьевки рекрутов нового набора в Эльберфельде, которой руководил сам супрефект дистрикта. Но делу помешало прибытие туда конскриптов из Ремшайда и Кроненберга в сопровождении толпы, вооруженной металлическими прутьями и палками. Толпа ворвалась в лютеранскую церковь, где шла жеребьевка, ломая все на своем пути и с криками: «Да здравствует Александр! Да здравствуют казаки!». Прибывший на следующий день префект департамента Рейн не смог восстановить положение, несмотря на присутствии войск и вынужден был бежать. 25 января произошли столкновения между вооруженной толпой и жандармами.

Ограниченное Золингеном и окрестностями, движение быстро распространилось на юг и север, охватив Люстрингсхаузен, Ремшайд, Випперфюрт, Хюкенсваген, Вермельскирхен, Кюртен, Офerrat и другие местности Берга.

Уже 27 января большие толпы бергского люда – в 500-800 человек – захватив продовольственные склады, штурмовали тюрьмы в Дюссельдорфе и Фердене. В Хильдене они заставили мэра издать указ, призывавший молодежь до 30 лет «под страхом смерти» явиться в «русский главный штаб» в Вальде. В Эльберфельде, угрожая сжечь город, они добились того, чтобы им выдали оружие и деньги. В отдельных же случаях власти оказывали «бунтовщикам» энергичное сопротивление и подавляли местные выступления²⁰.

Начиная с 28 января известия о волнениях в Берге стали доходить до Наполеона, который с тех пор постоянно интересовался событиями в Великом герцогстве, будучи серьезно озабоченным тем, что единственным беспокойным местом в Германии в то время стало именно «его» герцогство. В письме от того же 28 января 1813 г. генералу Антуану-Франсуа де Бренье он требовал рассеять «бунтующие толпы», захватить зачинщиков и судить их военных судом²¹. Император послал в Дюссельдорф своего адъютанта генерала Жана-Леонара Лемаруа, который получил приказ подавить восстание²². Но репрессивные меры в

---

²⁰ *Iskjul S.N.* Der Aufstand im Großherzogtum Berg gegen Napoleon im Jahre 1812 // *Zeitschrift des Bergischen Geschichtsvereins*. Bd. 92. Düsseldorf, 1987. S. 57-68

²¹ *Lecestre L.* Lettres inédites de Napoléon (An VIII - 1815). Paris, 1897. Vol. II. P. 212.

²² *Correspondance de Napoléon Ier*, publié par l'ordre de l'empereur Napoléon III. Paris, 1868. T. XXIV. P. 469.

этом случае были минимальными, тем более, что гражданские суды выносили главным образом оправдательные приговоры.

Волнения в Берге оказались первым по времени в эпоху «освободительной войны» 1813 г., и они не были и не могли быть продолжительными. Народное выступление в Берге было стихийным, немногочисленным и оказалось неспособным продержаться до подхода российской и прусской союзных армий, прекратившись ввиду присутствия значительных контингентов войск Франции и ее союзников. К этому необходимо добавить, что местное бюргерство не только не поддержало движение, но в целом ряде случаев охотно помогало властям в его конечном подавлении. Однако вместе с тем события в Берге способствовали назреванию волнений в соседних государствах – в фюршестве Липпе, в Великом герцогстве Гессен-Дармштадтском, а также в Великом герцогстве Франкфуртском, которые затем были поддержаны усилиями коалиции прусской и российской армий в освободительной войне.

Следует, в то же время, иметь в виду, что все это произошло далеко не сразу, поскольку французское владычество в Германии, в том числе и в так называемых «модельных» государствах было оттеснено за их пределы только под давлением превосходивших сил коалиции. Только в битве при Лейпциге, да и то не в первый день сражения, когда в составе Великой армии числилось свыше 120 тысяч немецких солдат, наступил во многом случайный перелом, но неуспех Великой армии в русской кампании в данном случае был решающим в соединении с тем обстоятельством, что силы «третьей» Германии, даже если бы хотели, не могли противостоять силам коалиции 1813 г. К коалиции вскоре присоединился и шведский контингент во главе с наследным принцем, а затем и австрийская армия, что в целом представляло собою грозную силу, тем более, что коалиция, как то было и прежде, находилась на содержании британской короны.

Вообще же, что касается Берга и прочих «модельных» государств Французской империи, следует сказать, что их судьба в немалой степени была связана с тем обстоятельством, что начавшиеся с 1792 г. коалиционные войны, а также противостояние с Англией вынуждали Наполеона «отвлекаться» от дальнейшего «моделирования» в условиях хотя бы сколько-нибудь продолжительного мира. Последний же требовался императору французов не только как логическое завершение победоносной войны, но и как средство беспрепятственно завершить то или иное деяние в интересах общей стабильности на континенте. Поэтому он чаще всего сразу же соглашался на предложение очередного

противника о начале переговоров о мире с тем, чтобы, заключив мир, продолжить начатое ранее.

Объединить же все «нейтральные» государства Европы под главенством Франции за «свободу морей» даже Наполеону было едва ли под силу. Трудности дальнейшего сосуществования различных государственных систем накапливали противоречия, и Наполеон не мог не чувствовать, что это неизбежно. Ситуация же в Европе начала 1810-х гг. была почти патовая, потому что Россия, а именно Александр I после личного для него позора при Аустерлице, не считал возможным идти на уступки сверх тех пределов, что уже было сделано в Тильзите, и в последующие годы сознательно шел на разрыв. Между тем «русский союз» для Наполеона оставался довольно долго своего рода стержнем всей его внешней политики, на который он «примерял» многие свои проекты.

Возвращаясь же к «третьей Германии» и «модельным» государствам, включая и Великое герцогство Берг, повторимся в том, что противостоят напору с востока в 1813 г. они ни в коем случае не могли и, в силу разных обстоятельств военно-дипломатического свойства, были относительно быстро подмяты под себя Пруссией, которая, присоединив их к себе, решила свои территориальные претензии, узаконив их впоследствии постановлениями Венского конгресса 1814-1815 гг. о реставрации в них прежних порядков на прусский манер.

Для цитирования: *Ислюль С.Н.* Одно из «модельных» государств Французской империи и его судьба // *История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр.* / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 24-39.

«ЧЕСТЬ - ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА ФРАНЦУЗСКОГО СОЛДАТА»:
ПАРТИЗАНЫ ДЕПАРТАМЕНТА МЁРТ В 1814 Г. ¹

А.В. Гладышев²

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: gladav2002@mail.ru

Аннотация. В кампании 1814 г. император Франции весьма рассчитывал на массовое восстание французов против союзных войск и развертывание партизанского движения на оккупированных территориях, в частности, в Лотарингии. Состояние общественного духа французов, казалось бы не вселяло в этом отношении надежд. Но весной 1814 г. в Лотарингии все же появились партизаны. Историки сопротивления французов оккупантам непременно упоминают отряд под командованием братьев Брис. Простой перечень имен командиров партизанских отрядов порождает иллюзию масштабного движения сопротивления. Но в случае с отрядом братьев Брис следует констатировать провал их миссии в марте 1814 г. Захватив обоз и перебив уже в апреле около дюжины прусских конвойных, этот отряд больше ничем в военном плане не отличился. Описание тяжб о компенсациях за учиненные партизанами разбои занимают большие места, чем описание собственно их военных акций. Партизанское движение в 1814 г. вовсе не имело такого масштаба, как это рисует романтическое воображение. Известность Брисам, видимо, принесло руководство партизанским отрядом в 1815 году.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, партизанское движение, кампания 1814 г., Нанси, Брис, Малларме, Алопеус.

«HONOUR IS THE GUIDING STAR OF THE FRENCH SOLDIER»:
THE PARTISANS OF THE MEURTHE DEPARTMENT IN 1814

A.V. Gladyshev

(Saratov, Russia)

e-mail: gladav2002@mail.ru

Annotation. In the campaign of 1814, the French Emperor had high hopes for a mass uprising of the French against the allied forces and the development of a guerrilla movement in the occupied territories, particularly in Lorraine. The state of public spirit of the French did not seem to be

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

² Гладышев Андрей Владимирович, д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории; заведующий кафедры региональной истории и музееведения Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи», эксперт Саратовского Земского философско-гуманитарного клуба.

encouraging in this respect. But in the spring of 1814, partisans did appear in Lorraine. Historians of the French resistance to the occupiers invariably mention the Bris brothers' detachment. A simple list of the names of guerrilla commanders gives the illusion of a large-scale resistance movement. But in the case of the Bris brothers' detachment, their mission in March 1814 was a failure. After capturing a convoy and killing about a dozen Prussian convoys in April, it did not distinguish itself militarily. The description of lawsuits about compensation for the robberies committed by the partisans occupies more space than the description of their actual military actions. The guerrilla movement in 1814 was not at all on the scale that the romantic imagination portrays. The Brisses must have been famous for leading a guerrilla force in 1815.

Keywords: The Napoleonic wars, partisan movement, campaign of 1814, patriotism, Brice, Nancy, Alopeus, Mallarmé.

2 марта 1793 г. во Франции революционный Конвент, чья армия остро нуждалась в пополнении, постановил произвести массовый набор в армию в количестве 300 000 чел. Каждый департамент Франции должен предоставить одиноких или вдовцов в возрасте от 18 до 25 лет, записавшихся в армию добровольно или назначенных от коммун путем жеребьевки. Затем 23 августа 1793 г. Конвент постановил ввести массовый набор для возрастной группы от 25 до 30 лет. Проявившим патриотизм и поддержку режима добровольцам, поставят памятники, а тех, кто не захотел идти в армию, накажут. Система национальных добровольцев отходит на второй план перед системой воинской повинности. Несмотря на крестьянские волнения в целом ряде департаментов и сопротивление наборам в армию, эта мера дала эффект: количество солдат значительно увеличилось.

Накануне кампании 1814 г. Наполеон, подрастерявший солдат в кампаниях 1812 и 1813 гг., остро нуждался в пополнении армии. Как и в революционное время, был объявлен массовый набор в армию (*levées en masse*). Сенатус-консульт от 15 ноября 1813 г. и декрет от 20 ноября 1813 г. должны были дать императору новые 340 тыс. солдат, но их нужно было еще набрать! 7 декабря 1813 г. в письме военному министру Кларку Наполеон оценил количество дезертиров, бежавших из госпиталей вглубь страны в 80 000 чел. и приказал «некоторых из них» расстрелять³. Для осуществления набора в армию необходимо было время. А чтобы выиграть время следовало максимально притормозить продвижение союзников по территории приграничных департаментов Франции. Этому должно было способствовать партизанское движение.

Среди одних из самых известных командиров партизанских отрядов во Франции историки охотно называют «братев Брис» (Brice) или старшего из них – Жозефа-Николя-Ноэля Бриса (1783-1851), которому

---

³ *Lettres inédites de Napoléon I.* Paris, 1897. Vol. 2. P. 302.

суждено будет дослужиться до генерала. Еще при его жизни в «Биографии современников», изданной в 1838 г. Жерменом Саррю (Sarrut) и Эдмом-Теодором Буром (Bourg), отмечалось, что среди «авангарда храбрецов, которые проливали свою кровь на полях сражений, <...> но не нашли другой награды за свое мужество и патриотизм, кроме как быть приговоренными к галерам или к смерти, мы должны назвать полковника Бриса»⁴.

11 февраля 1851 г. в *Journal de la Meurthe et des Vosges* был переопубликован некролог по случаю смерти генерала Бриса. Относительно его действий как партизана в 1814 г. в нем говорилось: «Брис, тогдашний капитан императорской гвардии, был послан императором для поднятия доблестного населения Мёрта и Вогезов, чтобы провести на флангах и в тылу врага одну из тех диверсий, которые в Испании были для нас столь губительны. Брис, переодевшись крестьянином, проник сквозь расположения вражеской армии в Вогезы и выполнил свою миссию с той энергией, которая была в его характере и которую гений императора умел развить в патриотических душах. Брису удалось сформировать, в соответствии с замыслом императора, многочисленный отряд партизан, которые беспокоили союзные войска при каждом удобном случае, но капитуляция Парижа вырвала у него оружие из рук»⁵.

В историографии первой работой, посвященной непосредственно партизанам братьев Брис, стала небольшая брошюра 1868 г. краеведа Эльзаса и Лотарингии Артура Бенуа, в которой он, впрочем, сосредоточился на деятельности партизан в 1815 г.⁶ Через несколько лет Бенуа вернется к теме вторжения и сопротивления уже главным образом на материалах 1814 г.⁷

А. Шюке, описывая Эльзас весны 1814 г., упоминал о планах Наполеона разжечь там восстание, для чего ему нужны были такие «решительные люди, люди слова и дела, как Николя Кёхлин, братья Брис и Николя Вольф». Собственно братьям Брис в книге Шюке посвящено чуть более двух страниц. Но при этом Шюке включает в научный оборот новые сведения из архивных документов (письма самих братьев

---

⁴ Sarrut G., Saint-Edme B. Biographie des hommes du jour. Paris, 1838. Т. 4. P. 137 et suiv.

⁵ Journal de la Meurthe et des Vosges. 11.02.1851. P. 3.

⁶ Benoit A. Les Corps francs du commandant Brice en Lorraine (1815). Vitry-le-François, 1868. О 1815 г. см. также его работу: Benoit A. Le blocus de Phalsbourg, histoire du 9-e bataillon des gardes nationaux d'élite du département de la Meurthe (armée du Rhin, 1815). Metz, 1868.

⁷ Benoit A. L'Invasion de 1814 dans les Vosges. Correspondance inédite. Épinal, 1877.

Брис, переписку гражданских властей, донесения баденских офицеров)⁸.

Целиком биографию Жозефа-Николя-Ноэля Бриса описал в 1903 г. Альберт Сонрие. С первых строк автор не скрывает, что пишет парадный портрет генерала: «Лотарингия, земля героев и великих сердец, гордится тем, что стала свидетелем рождения генерала Бриса, чью благородную карьеру, целиком построенную на преданности и самопожертвовании и до самой смерти посвященную служению родине, я попытаюсь проследить»⁹. Описание каких-либо действий партизанского отряда Бриса в 1814 г. отсутствует, автор ограничился лишь публикацией его прокламации от 27 марта. В качестве приложения перепечатаны некрологи из *L'impartial de la Meurthe et des Vosges, journal de l'ordre et du travail*, из *Journal de la Meurthe et des Vosges* и из *Le Patriote de la Meurthe et des Vosges* от 7 февраля 1851 г. Сноски отсутствуют, а среди источников информации упомянуты статья в издании Мишеля «Биографии генеалогические и исторические замечательных людей прежней провинции Лотарингия» и биографическая статья-некролог Анри Лепаж (Lepage) из *Annuaire Administratif, Statistique, Historique, Judiciaire et Commercial de la Meurthe* за 1852 г.

Накануне Первой мировой войны появилось исследование Рене Перрена, посвященное состоянию общественного духа в департаменте Мёрт в 1814-1816 гг.¹⁰ Конечно, работа эта важна для понимания атмосферы, в которой приходилось жить и действовать партизанам. Примечательно, что отряд Бриса появляется на страницах исследования Перрена только тогда, когда речь заходит о периоде Ста дней: «наиболее преданные из сторонников Бонапарта, что не вошли ни в действующую армию, ни в национальную гвардию, группируются в партизанские отряды под командованием назначенных императором командиров»¹¹. Примечательно также, что и у Лефевра де Беэна, которого всегда отличала тщательность работы с архивными документами, «партизаны

---

⁸ *Chuquet A. L'Alsace en 1814. Paris, 1900. P. 328-330.*

⁹ *Sonnier A. Un défenseur des Vosges en 1814-1815 le general Brice (1783-1851) // Annales de la Société d'Emulation du département des Vosges. 1903. T. 79. P. 305-353.*

¹⁰ *Perrin R. L'esprit public dans le département de la Meurthe de 1814 a 1816 // Annales de l'Est. 1913. T. 27. № 1. P. 3-123.* Департамент Мёрт с севера граничит с департаментом Мозель, с востока – с департаментом Нижний Рейн, с юга – с департаментом Вогезы. Главный город этого департамента Нанси.

¹¹ *Perrin R. L'esprit public... P. 73.*

братьев Брис», лишь упомянуты как «действующие в районе Бламона (Blâmont)»¹².

Военный медик и историк Рауль Брис (1873-1954), известный благодаря неоднократно переиздаваемой книге «Женщина и армии Французской революции и Империи»¹³, в 1923 г. в нескольких выпусках регионального издания «Лотарингский край» опубликовал более полную и местами исправленную, чем у Сонрие, биографию Жозефа Бриса¹⁴. Больше отдельных биографий Жозефа Бриса не писали. В дальнейшем в историографии, как в работах краеведов, так и в работах, посвященных сопротивлению французов вторжению в 1814-1815 гг., партизаны братьев Брис лишь упоминаются, но без подробностей и с отсылками читателей к публикациям Артура Бенуа и Рауля Бриса¹⁵.

Попробуем выяснить, чем конкретно отличились братья Брис в кампании 1814 г., что упоминание о них стало для историков Лотарингии едва ли не обязательным, как долг перед Отечеством.

Начнем с общей характеристики народных настроений в Лотарингии зимой 1813 - весной 1814 гг. Признанный авторитет в этой области Р. Перрен, стремясь реабилитировать свою малую родину, старается нюансировать пессимистические выводы А. Уссэ о настроениях французов в 1814 г. перед лицом вторжения: выводы эти весьма общие и не могут быть приняты без оговорок как действительные для всех стран Франции. Перрен поставил цель – выяснить, каким именно было душевное состояние жителей департамента Мёрт в этот драматический момент¹⁶. Он писал, что искренних идейно-политических сторонников Старого порядка или Республики и, соответственно, противников Империи среди населения департамента Мёрт было незначительное

---

¹² *Lefebvre de Behaine F.F.E. Le comte d'Artois sur la route de Paris. 1814. P., 1921. P. 223.*

¹³ *Brice R. La Femme et les armées de la Révolution et de l'Empire (1792-1815), d'après des mémoires, correspondances et documents inédits Paris, 1913.*

¹⁴ *Brice R. Une carrière aventureuse. Le général Brice, chef de partisans lorrains (1814-1815) // Le Pays lorrain : revue régionale bi-mensuelle illustrée. 1923. T. 15. P. 5-16, 53-61, 106-120, 161-174, 210-222, 259-271, 303-305. См. также: Brice R. Francs tireurs et partisans lorrains en 1814-1815: le général Brice, né à Lorquin (Meurthe) le 24 décembre 1783, décédé à Nancy le 3 février 1851. Sarrebourg, 1994.*

¹⁵ *Dedenon A. Histoire de Blamontois dans les temps modernes. Nancy, 1930. P. 152-154; Thiébaud J.-M. Les Corps Francs de 1814 et 1815 // Revue de l'Institut Napoléon. 2011-II. № 202-203. P. 100; Thiébaud J.-M., Tissot-Robbe G. Les corps francs de 1814 et 1815. La double agonie de l'Empire, les combattants de l'impossible. Paris, 2011. P. 12.*

¹⁶ *Perrin R. L'esprit publique dans le département de la Meurthe de 1814 a 1816 // Annales de l'Est. 1913. T. 27. № 1. P. 8.*

количество: по разным причинам многие склонили перед ним головы. Бывшие революционеры стали су-префектами, сборщиками налогов, государственными советниками, судьями и т.д. На административные и особенно судебные должности согласились также бывшие эмигранты, попавшие по возвращении во Францию в затруднительное материальное положение. Некоторым из эмигрантов Наполеон пожаловал дворянские титулы. Многие выходцы из департамента, начиная с маршала Лорана де Гувийон Сен-Сира (Gouvion-Saint-Cyr), отличились на службе в армии.

Перрен старается представить жителей департамента Мёрт как жаждущих почетного мира, но сплотившихся вокруг государя во имя спасения родины¹⁷. Но при этом «ничто в департаменте не было готово задержать продвижение союзников вперед». Арсеналы и склады 4-го военного округа, центром которого был Нанси, оказались почти пусты: не хватало ни оружия, ни обмундирования, ни боеприпасов¹⁸. Три крепости на территории департамента, прикрывавшие дорогу на Париж – Фальсбург, Марсаль и Туль – находились в состоянии полного запустения. Военные власти взялись за укрепление обороноспособности этих крепостей только в январе, но реально сделать успели не много.

В этих сложных условиях гражданское население проявило свой патриотизм. Пример подал генеральный секретарь префектуры Станислас Валле де Мервиль (Vallet de Merville), который с октября 1813 г. временно выполнял обязанности префекта. Человек убежденный и бескорыстный, он энергично взялся за организацию обороны.

За несколько дней был сформирован легион из 2400 национальных гвардейцев, которые должны были обеспечить оборону опорных пунктов региона. Но в ноябре этот легион, состоявший в основном из женатых мужчин, был преобразован в линейные полки и смешан с действующими войсками! Несмотря на такой подвох со стороны властей, запись в когорты неактивной национальной гвардии продолжилась, были составлены органы управления, назначены младшие офицеры. Но, когда в Люневиле собралось 600 человек, то для них на складах нашлось только 133 шинелей, несколько охотничьих ружей и пик: старый генерал Жан-Лоран-Жюстен де Ла Кост-Дювивье (La Coste-Duvivier), командующий 4-м военным округом, не знал, ни кого

---

¹⁷ Perrin R. *L'esprit public dans le département de la Meurthe...* P. 15.

¹⁸ Benoit A. *L'Invasion de 1814 dans les Vosges. Correspondance inédite.* Épinal, 1877; Perrin R. *L'esprit public dans le département de la Meurthe...* P. 21.

поставить во главе их, ни где найти деньги на их оснащение и оплату. Так что этот бесполезный отряд вскоре рассеялся¹⁹.

В последний момент император, вернувшись к революционной идее института уполномоченных, направил в военные округа чрезвычайных комиссаров, которые должны были возбудить патриотический энтузиазм и ускорить организацию сопротивления вторжению. Направленный в Нанси комиссар, сенатор граф Жан-Виктор Кольшан (Colchen), прибыл туда только 2 января 1814 г., за пятнадцать дней до прихода войск союзников. Что мог сделать он, чего не смогли сделать совместными усилиями префект Валле де Мервиль и генерал Ла Кост-Дювивье? Комиссар ограничился тем, что издал прокламацию, в которой призвал всех трудоспособных жителей выступить против врага с топорами, вилами, косами и организовать «роты добровольцев» («*compagnies franches*»). Перрен комментирует: «это было душераздирающе смехотворно»²⁰.

Перрен оспорил мнению А. Уссэ, который, объясняя упадок общественного духа и сопротивление наборам в армию и гвардию, ссылаясь на «инертность чиновников». Если сопротивление вторжению было организовано в Мёрте очень плохо, то виной этому не отсутствие патриотизма жителей и не отсутствие рвения чиновников: в департаменте Мёрт чиновники не были инертны, но с материальной стороны не хватало абсолютно всего.

Да и поведение регулярных войск не воодушевляло. Перрен в муниципальном архиве Нанси обнаружил тому скандальное подтверждение. 13 января маршал Груши, командуя своей кавалерией, потребовал от муниципалитета Нанси в течение четверти часа предоставить ему 15 000 франков, чтобы подковать лошадей. Поскольку сумма не была предоставлена вовремя, Груши в гневе отвез мэра и его помощника в Туль, к большому недовольству муниципального совета, который в знак протеста приостановил свои заседания. Император был в ярости, но что это уже могло изменить?²¹

К 17-му января в департаменте Мёрт линейных войск уже не было. За армией покинули регион главные чиновники, префект, субпрефекты и епископ. В Нанси вступили части армии Блюхера. Делегация

---

¹⁹ *Benoit A. L'Invasion de 1814 dans les Vosges. Correspondance inédite. Épinal, 1877; Perrin R. L'esprit public dans le département de la Meurthe... P. 23.*

²⁰ *Perrin R. L'esprit public dans le département de la Meurthe... P. 24.*

²¹ *Perrin R. L'esprit public dans le département de la Meurthe... P. 25; Chuquet A. L'Alsace en 1814. Paris, 1900. P. 64-82.*

муниципалитета Нанси вышла навстречу фельдмаршалу и поручилась за покорность и спокойствие жителей города. Блюхер ответил высокомерно, заявив, что есть идея сделать Лотарингию немецким герцогством²².

Туль имитировал сопротивление с 17 по 20 января: противник потерял одного или двух убитыми и несколько лошадей, но, когда союзники подвезли пушки, город капитулировал²³. Один только Фальсбург не сдался, впрочем, он не сильно мешал захватчикам. Кроме этого места к 21 января 1814 г. весь департамент был оккупирован.

Конечно были текущие вопросы и с расквартированием военных, реквизициями и т.п. Чтобы урегулировать повседневные вопросы оккупации, союзники назначили генерал-губернатора, которым стал камергер царя Давид д'Алопеус (Alopeus)²⁴. Он прибыл в Нанси в конце января. Алопеус проявил симпатии ко всему, что напоминало старый режим и проклинал в местной прессе «революционную гангрену» и ее плачевные последствия для умов²⁵. 10 февраля 1814 г. он заменил состав прежнего муниципалитета «муниципальным корпусом» («corps municipal»), состоящим из тринадцати назначенных им членов. Среди них были один генерал-лейтенант полиции в качестве заместителя Алопеуса по округу Нанси, а также должности «советника по дворянству», нескольких «консулов» и т.п. Среди обладателей этих должностей были ярые роялисты²⁶. 10 февраля Алопеус организовал также специальную полицию, служащие которой в качестве отличительного знака носили на рукаве белую повязку. Эта полиция отвечала за то, чтобы заставить замолчать всех недовольных; она настолько хорошо справилась со своей задачей, что ее руководитель Легран из Шамбри (Legrand) получил впоследствии крест Святого Людовика и орден Святой Анны²⁷.

---

²² Прокламация Блюхера опубликована у Перрена См.: *Perrin R. L'esprit public dans le département de la Meurthe...* P. 25, note.

²³ О блокаде и сдаче Туля подробнее см.: *Thierry A.D. Histoire de la ville de Toul et de ses évêques.* 2 v. 1841. Т. II. P. 329-346.

²⁴ Бывший посланник России в Швеции, Неаполитанском королевстве, Вюртемберге и Пруссии, генеральный комиссар при союзной армии (1813 г.). Так как король Фридрих-Вильгельм III в 1813 и 1814 годах сам находился при армии, то и Алопеус состоял при главной квартире союзных монархов.

²⁵ *Journale de la Meurthe.* 15.03.1814.

²⁶ *Perrin R. L'esprit public dans le département de la Meurthe...* P. 29.

²⁷ *Ibid.* P. 30.

До середины марта о партизанских отрядах на территории департамента было не слышно, но, тем не менее, население демонстрировало раздражение. Перрен, ссылаясь на публикацию от 15 марта в *Journal de la Meurthe*, писал, что Алопеус с разочарованием отметил неудачу своих усилий по умиротворению жителей и принял самые жесткие решения против демонстрантов²⁸. Действительно, без конфликтов между оккупационными властями и местной администрацией не обошлось. Но генерал-губернатор Лотарингии Давид Максимович Алопеус, не проявляя никакого «разочарования» и вовсе не признавая «неудач своих усилий», 25 марта (16 апреля) из Нанси уверенно рапортовал Александру I, что отправил мобильную колонну в 4 000 чел. под командованием Бирона в окрестности Сен-Мийеля, в том числе, для подавления «очагов восстания, назревавшего в департаменте Мёз». В 20-х числах марта «партизаны захватили Нефшато и продвинулись на Коломбе, <...> где пытались побудить крестьян присоединиться к ним». Алопеус сообщал, что он «удвоил внимание». Когда в Туле нашли тайник с оружием, мэр и десять нотаблей были арестованы и отправлены в качестве заложников в Нейвид. «Вооруженные крестьяне, которые подстерегали в лесах и убивали солдат, были приговорены к каторжным работам; расстреляли одного шпиона, который передавал населению приказ поднимать массовые восстания и подбил несколько коммун ударить в набат»²⁹.

Эти события описаны А. Тьерри в его «Истории города Туля». Так, через несколько дней после сдачи Туля по городу прошел слух, что из Меца к ним идет французская армия (в Меце был довольно сильный гарнизон под командованием генерала П.Ф.Ж. Дюрютта, который вышел из Меца и 24 марта появился у Вердена с 15 тыс. человек и 50 орудиями). В Туле начались волнения, но мэру удалось навести порядок. Военный комендант города прусский майор Бюлов приказал провести обыски, в ходе которых на чердаке кафедрального собора было найдено несколько ружей. Тогда комендант, крича о заговоре, выслал двенадцать знатных людей города во главе с мэром, его помощником и кюре³⁰. В муниципальном архиве Нанси также остались свидетельства недовольства Алопеуса членами городского совета. Когда он захотел, чтобы город предоставил русским принудительный заем в 300 000 франков, члены

---

²⁸ Perrin R. L'esprit public dans le département de la Meurthe... P. 29.

²⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 7. Январь 1813 г. - май 1814 г. М., 1970. С. 639-641. Письма Алопеуса другим лицам см.: ГАРФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 434, 516 и др.

³⁰ Thierry A.D. Histoire de la ville de Toul et de ses évêques. 2 v. 1841. Т. II. P. 347.

муниципалитета, выразив свое глубочайшее почтение Его Императорскому Величеству Александру I, в деньгах отказали. Правда, последний случай имел место уже через пару недель после Реставрации, в апреле 1814 г.³¹.

Перрен писал что-то о том, что жертвы простого народа возрождали чувства, благосклонные к Бонапарту. В рапорте самого Алопеуса от 25 марта нет никаких следов подобных «чувств». Генерал-губернатор рапортует: «Принятых здесь мер было достаточно для поддержания порядка в губернаторстве, для подавления готового вспыхнуть мятежа и ограничения прогулок генерала Дюрюта». Вернувшегося в Мец Дюрютта блокировал отряд Д.М. Юзефовича, которого Алопеус назначил командовать всеми войсками губернаторства, а командующему расквартированным в Пон-Сен-Венсане отрядом в 1 500 чел. полковнику Ф.К.В. фон Унру был отдан приказ «произвести энергичную рекогносцировку у Нефшато и рассеять партизан»³².

Император Франции весьма рассчитывал на массовое восстание французов против союзных войск и развертывание партизанского движения на оккупированных территориях. 5 марта 1814 г. Наполеон в Фисме (Fismes), подписал указ, в котором говорилось, что все граждане должны братья за оружие и бить тревогу, когда они слышат приближение императорских войск, объединяться, укрываться в лесах, ломать мосты и нападать на вражеские фланги и тылы. В ответ через 5 дней командующий армией союзников Шварценберг официально предупредит французов, что каждый житель, уличенный в противодействии союзникам, подлежит расстрелу в 24 часа, а деревня его разграблению и сожжению.

С 15 марта Наполеон рассматривал возможность принести Париж в жертву союзникам, усилив тем временем свою армию и ударив по тылам противника. 16 марта Наполеон писал Бертье, чтобы тот поручил Нею составить прокламацию к жителям Лотарингии Эльзаса и Вогезов с призывом к восстанию. «Пусть он расскажет им о наших успехах; что скоро наступит момент, когда я приду в их регион и, чтобы они были готовы; пусть они бьют в набат, как только пушка известит их о нашем

---

³¹ Perrin R. L'esprit public dans le département de la Meurthe... P. 25.

³² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 7. Январь 1813 г. - май 1814г. С. 639-641. Письма Алопеуса другим лицам см.: ГАРФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 434, 516 и др.

приближении, пусть они нападут на врага с тыла и покажут себя достойными того, чем они были всегда»³³.

23 марта Наполеон писал Бертье, чтобы тот приказал генералу Дефрансу (Defrance) охранять в Вуад (Void) мост через Мёз (Маас), попытаться захватить Туль (Toul) и вызвать восстание в департаментах Мёз и Мозель: «Отправьте одного переодетого жандарма в Мец, одного в Нанси и одного в Бар с письмами к мэрам. Вы дадите им знать, что мы заходим в тыл врага; что пришло время массово восстать, бить в набат, арестовать повсюду комендантов, вражеских военных комиссаров, нападать на конвои»³⁴. Жителям Нанси и округи пришло время поволноваться, но планам императора французов вернуться в Лотарингию не суждено было сбыться: союзники наступали на Париж.

27 марта в Сен-Дизье Наполеон узнал о движении союзных войск на Париж. Ему нужно было принимать решение: защищать столицу Франции или же, опираясь на Вогезы и крепости Лотарингии, сплотить гарнизоны крепостей, добавить к ним отряды восставших крестьян и этими новыми силами перерезать коммуникации неприятеля. 25 марта из Варен-ан-Аргон (Varennes-en-Argonne) один из командиров партизанского отряда Жан-Батист Друэ (Drouet) докладывал ему, что «семьсот пятьдесят решительных партизан продефилировали в Аргоне, и шесть тысяч крестьян откликнулись на зов набата»³⁵.

26 марта И.-М.-Г. Пире, занявший своим авангардом Шомон, писал начальнику штаба Л.А. Бертье о решительно настроенных на сопротивление крестьянах, о готовности поднять национальное восстание: крестьяне просят оружие и порох для похода против врага; французская кровь закипает во всех жилах; настал момент, когда Император воспользуется Национальностью. Нет ничего проще, чем поднять в три дня восстание по всему Бассинью. Огонь быстро распространится на Лотарингию, Эльзас, Франш-Конте и Бургундию. Головы уже подняты. Мы видим, как мимо проходят огромные колонны союзников с награбленным добром. Крестьяне хотят забрать свой скот, свое имущество; они хотят отомстить за полученные ими удары, за оскорбления, нанесенные их женам и дочерям³⁶. Удино уверял, что население Мёза, Мозеля и Вогезов уже вооружается и только ждет сигнала к массовому восстанию. Наполеон все же сделал политический выбор в пользу защиты столицы, но и не

---

³³ Correspondance de Napoléon I. Vol. XXVII. Paris, 1868. P. 378.

³⁴ Ibid. P. 403.

³⁵ Sarrut G., Saint-Edme B. Biographie des hommes du jour. Paris, 1838. T. 4. P. 138.

³⁶ Brice R. Francs tireurs et partisans lorrains... P. 5.

проигнорировал информацию о крестьянских настроениях и не оставил идею о восстании. Поднять восстание в Лотарингии он предложил уроженцу этих мест Жозефу Брису.

Жозеф-Николя-Ноэль Брис, сын Николая Бриса – «школьного регента» и старосты из коммуны Лоркен (Lorquin), департамента Мёрт. Под «школьным регентом» подразумевался учитель смешанного класса, который обучал в одной комнате девочек и мальчиков, родители которых согласились платить пятьдесят центов в год, чтобы их детей научили читать, писать и считать. Летом школьники собирали урожай, осенью пасли скот на пастбищах. Николай женат был на Жанне-Урсуле Тири (Thiry), дочери кожевенника из Лоркена. Семья была большой, приходилось подрабатывать. Досуг регента позволял ему возделывать свой сад и поле, продукция которых помогала ему жить. Николай Брис играл в местной церкви на органе, пел на свадьбах и похоронах. Один из его зятьев Николай-Марен Тири, поступил на службу в артиллерийский полк, что оказало решающее влияние на судьбу детей школьного регента. Не сделав карьеры в артиллерии, Николай-Марен Тири вернулся домой и в сентябре 1790 г. стал одним из командиров роты добровольцев патриотов, выступивших против восставших полков гарнизона Нанси. После чего он вновь пошел служить в армию, но уже в кавалерию. С тех пор его карьера стремительно росла. 1 февраля 1793 г. он получил чин капитана.

Крестным старшего сына Жозефа-Николя-Ноэля (1783 г.р.) стал его дядя по материнской линии Жозеф-Марен Тири. Второй сын, Шарль-Николя родился в 1785 г. Оба они, как и Николай-Марен Тири, выбрали военную карьеру. Третий сын, Николай-Луи, родившийся 7 января 1791 г., пошел по стопам своих старших братьев, но его военная карьера была короткой. Дослужившись до поручика 24-го конно-егерского полка, был убит 27 декабря 1813 г. близ Нима.

В 1803 г. Жозеф-Николя-Ноэль записался добровольцем в егерский кавалерийский полк. Полком гвардейских егерей командовал его дядя генерал барон Марен Тири. Участвовал в походах в Пруссию, Испанию, Австрию, Россию. Отличился в сражении при Эйлау, где, спасая раненого генерала Дальмана (Dahlmann), получил удар саблей в плечо. За этот поступок получил орден Почетного легиона. В конце 1808 г. в Испании стал обер-интендантом. 21 декабря 1813 г. При Ваграме опять получил ранение в руку, из-за которого в кавалерийских схватках больше участвовать не мог. Несмотря на это увечье, 3 августа 1809 г. он был назначен подпоручиком, но выполнял обязанности казначея. 13 января в сражении под Дрезденом без разрешения отправился на передовую, за что получил выговор от своего полковника, генерала Лефевра-Денуэта.

21 декабря 1813 г. Ж. Брис был назначен знаменосцем полка и вскоре получил капитанские нашивки. Послужной список неплохой, а продвижения по службе скромные. Видимо, Жозеф Брис увидел в предложении императора возглавить партизанский отряд шанс для себя.

Жозеф Брис согласился на предложение Наполеона, попросив, чтобы с ним отправился в эту миссию служивший в том же полку его брат Шарль-Николя, который 15 марта 1814 г. также получил звание капитана. В ночь 27 марта оба офицера, переодевшись в синие блузы развозчиков, выехали на телеге с крестьянами с бивуака Сен-Дизье. А. Шюке нашел в архиве письмо Бриса военному министру от 5 октября 1832 г., в котором тот писал: «В самом конце кампании 1814 г. в соответствии с интенциями императора мне была доверена подобная миссия, и я получил соответствующий приказ от начальника штаба³⁷ спровоцировать массовое восстание и устроить маленькую войну (*la petite guerre*)»³⁸. В «Биографии современников» Жермена Саррю и Эдма-Теодора Бура сообщается только, что Жозеф Брис отправился выполнять поручение Наполеона вместе с братом и, чтобы добраться из Сен-Дизье до департамента Мёрт и миновать отряды союзников, им пришлось переодеться в гражданское платье. Биографы констатируют: «Он преуспел в этой смелой экспедиции»³⁹, но собственно о действиях партизан Бриса ничего не говорится.

Перед отъездом Брис успел выпустить для дальнейшего распространения прокламацию, в которой призывал мужчин от 20 до 40 лет «внести свой вклад в оборону отечества», защищать свои дома от тех злодеяний, что творят в соседних Шампани, Бургундии, Бри и Пикардии союзники: «в этих провинциях вражеские солдаты допускают такие эксцессы, которых французская цивилизация никогда не знала». Он обещал повести объединившихся вокруг него храбрецов сражаться за честь (путеводную звезду французского солдата), интересы целой нации, спокойствие семей и собственную безопасность: «Защита Родины – весьма почетное дело; это долг, который природа возлагает на человека при его рождении, это обязанность, которую он возлагает на себя, как только занимает положение среди граждан». Капитан конных егерей Императорской гвардии Брис призывал население сдать имеющиеся оружие ему, а не союзникам, и заверял, что лично им движет «верность нашему государю,

---

³⁷ Начальником штаба был тогда Луи Александр Бертье.

³⁸ *Chuquet A. L'Alsace en 1814. Paris, 1900. P. 328, note.*

³⁹ *Sarrut G., Saint-Edme B. Op. cit. P. 138.*

любовь к своей стране, ее интересам и чести». Биографы заключают: «Он оправдал, насколько позволяли события, доверие императора»⁴⁰.

Одна из дорог из Страсбурга в Нанси лежит через Саверн, Фальсбург, Сарребург, Бламон, Люнневиль. Этот один из подъездных путей, ведущих из Германии во Францию, проходит в нескольких километрах от Лоркена. Источники указывают, что отряд Бриса будет действовать «в округе Бламона», который расположен в 50 км к востоку от Нанси. Но в 14 км к северо-востоку от Бламона расположено родовое гнездо Брисов – коммуна Лоркен. Если верить полулегендарным рассказам биографов, Наполеон, еще когда вручал Жозефу Брису орден Почетного легиона, узнал, что он из этой коммуны. Видимо, военно-стратегическое расположение Бламона и место рождения Брисов и предопределили выбор императором командира отряда.

Прибыв на место, Брисы обнаружили, что здесь уже действует вооруженный отряд из местных крестьян и бывших солдат. Возглавлял инсургентов некто Буланж (Boulangé)⁴¹. А. Шюке решил, что это был «один из людей Бриса»⁴². Точнее будет сказать, что это теперь Буланж стал одним из людей Бриса. Брису оставалось только предъявить письмо о своих полномочиях за подписью Бертье и взять на себя командование отрядом, который он именовал «Полком разведчиков Мёрта».

За счет каких средств был сформирован данный отряд – вопрос достаточно туманный. Лишь в статье А. Пуле, которая осталась незамеченной биографами Бриса, есть упоминание, что сборщик налогов из Нанси Франсуа Рене Малларме (Mallarmé) не только отдал все, что у него было, на экипировку «Полка разведчиков Мёрта» братьев Брис, но и внес в этих целях большую часть личных средств. После Реставрации роялисты поспешат его обвинить в растрате государственной казны и краже 35 000 франков⁴³. О вкладе Малларме в партизанское движение во Франции 1814 г. никто кроме Пуле не писал и не пишет. Дело в том, что достоверных данных на этот счет почти нет, а сама по себе фигура этого деятеля весьма неоднозначная.

Адвокат из Нанси, бывший член комитета по финансам Конвента и даже в течение двух недель весны 1793 г. председатель собрания депутатов, якобинец, выполнявший осенью 1793 г. миссию в департаментах Мёрт,

---

⁴⁰ *Sarrut G., Saint-Edme B.* Op. cit. P. 138.

⁴¹ Несколькими страницами далее у Шюке встречается фамилия партизана 1815 г. Николая Буланже (Boulangier) из Соксюр-ле-Ванн (Saulxures-les-Vannes).

⁴² *Chuquet A.* L'Alsace en 1814. Paris, 1900. P. 328.

⁴³ *Poulet H.* La vie de F.-R.-A. Mallarmé // *Le Pays lorrain et le Pays messin.* 1911. T. 8. P. 287-288.

Вогезы и Верхняя Сона, Малларме снискал себе славу кровожадного человека. В Вердене в 1793 г. он приказал казнить 32 молодые девушки за то, что они подносили цветы и фрукты королю Пруссии. По версии Анри Пуле, Малларме договорился с братьями Брис из Лоркена и некоторыми такими патриотами, как субпрефект г. Туля Геэн (Géhin), спровоцировать массовое восстание лотарингцев против союзников, но их усилия не увенчались успехом. Более того, местные роялисты с началом Реставрации начнут его преследовать. Свирепому якобинцу Малларме не забыли ни отправленных на эшафот «верденских девственниц», ни отобранные им у них золотые нательные крестики, ни устроенную им в следующей миссии в марте 1794 г. резню духовенства и дворянства. Дед Анри Пуле рассказывал историю о том, как однажды в опере Нанси Малларме отказались пожать руку, как руку, запятнанную кровью⁴⁴. Анри Пуле писал, что это была настоящая ярость: все страсти и ненависть, накопившиеся со времен Террора, выплеснулись наружу. Кто в этих условиях соблаговолит защитить справедливость? Лишь Жан-Батист-Шарль Матье-Мирампаль (Mathieu-Mirampal), бывший коллега Малларме по Конвенту, служивший летом 1814 г. сборщиком налогов в департаменте Марны, проявил мужество и попытался заступиться за Малларме, написав письмо своему начальству. Малларме в 1815 г. с радостью примет предложение послужить субпрефектом в Авен-сюр-Эльп. Он заменит во времена Ста дней (до 25 июня) на этом посту Призетта (Prisette), который в 1814 г. остался в Авене помогать союзникам и тем самым скомпрометировал себя в глазах Наполеона⁴⁵. Именно из Авена Наполеон обратился к армии с воззванием, которое назвали «последним криком орла». Отсюда Наполеон отправился в Бельгию. После оккупации города пруссаками Малларме был ими арестован и вывезен в Везель, где полгода провел в заключении. Ходили слухи, что он был предан суду за революционные дела в Вердене и казнен, но это было не так. Выйдя из тюрьмы, он направился сначала в Куртрэ (Courtrai), а затем искал убежище у своих обнищавших коллег по Конвенту в Брюсселе. Престарелый Малларме, впав в детство, доживал в монастыре левитов. Вернувшись в 1830 г. во Францию, умер в 1831 г. В официальной переписке времен Реставрации относительно его судьбы, нет никаких намеков на его участие в партизанском движении вместе с братьями Брис ни в 1815 г., ни в 1814 г. Так что остается лишь поверить Анри Пуле, что в 1814 г.

---

⁴⁴ Poulet H. La vie de F.-R.-A. Mallarmé. P. 287.

⁴⁵ Гладышев А.В. Страсти по Авену: иностранная оккупация северо-восточной Франции в 1814 г. // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М., 2020. С. 156-184.

существовала какая-то связь между Малларме и Брисом и, что этот бывший якобинец как-то профинансировал «Полк разведчиков Мёрта»⁴⁶.

Что известно о конкретной деятельности отряда братьев Брис весной 1814 г.? 30 марта Париж будет взят союзными войсками. Наполеон отрекся от престола 6 апреля, но формальный приказ о роспуске партизанских отрядов последовал только 15 апреля⁴⁷. Успели ли партизаны Бриса хоть что-то сделать на благо империи?

Никаких отчетов Брис не писал, никаких заметок об операциях отряда не оставил. Между тем, по извлеченному из архивов Карлсруэ письму мэра коммуны Сар-Юньон (*Sarre-Union*) Кремпа (*Kremp*) временному супрефекту Остерману (*Ostermann*) в Саверн, А. Шюке установил, что 8 апреля в трех километрах от Бламона люди Бриса напали на следовавший по лесной дороге обоз из 7 транспортных средств с продовольствием. Конвоировавшие обоз тринадцать прусских солдат во главе с унтер-офицером были почти все убиты: бежать удалось только двоим. Возницы были отведены в лес на допрос к Брису. Они сообщили, что захваченные повозки были из коммун Построф (*Postrof*), Золинген (*Zollingen*, французский Сарвердан) и Римсдорф (*Rimsdorf*): от Бламона до этих коммун от 30 до 40 с лишним км. на север. Шесть лошадей и провиант Брис оставил себе, а возниц отпустил; испуганные они потом рассказали, что в партизанском отряде было от 300 до 400 чел.⁴⁸.

Дальнейшие события А. Шюке изложил на основе рапортов военных. Баденский генерал-лейтенант принц Вильгельм Людвиг Август фон Хохберг (*Hochberg*), узнав об этом нападении, отправил из Сарребурга наказать Бриса роту пехотинцев под командованием капитана Бларера (*Blarer*) и отряд драгун под командованием лейтенанта Хилберта (*Hilbert*). 9 апреля Бларер был Лоркене. Испуганный мэр заверил, что еще утром 150 человек Бриса ушли на 14-ть км южнее на Сире-сюр-Везуз (*Cirey-sur-Vezouze*) и Валь-э-Шатийон (*Val-et-Châtillon*). 10 апреля отряд Бларера у Валь-э-Шатийон заметил 10 крестьян, один из которых был вооружен ружьем. Однако крестьяне успели попрятаться в глухом лесу. Мэр Валь-э-Шатийон клялся, что уже 4 или 5 дней никаких партизан не видел в своем районе. Якобы, их лагерь был в 9-10 км на юго-запад в округе Бадонвиллер (*Badonviller*). Баденцы пошли в Бадонвиллер, но там партизан также не оказалось. Утром 11 апреля Блареру сообщили,

---

⁴⁶ Poulet H. La vie de F.-R.-A. Mallarmé... P. 287.

⁴⁷ Thiebaud J.-M., Tissot-Robbe G. Les corps francs de 1814 et 1815. La double agonie de l'Empire, les combattants de l'impossible. Paris, 2011. P. 32.

⁴⁸ Chuquet A. L'Alsace en 1814. Paris, 1900. P. 329.

что банда Бриса находится двумя километрами к югу, в Нёфмезоне (Neufmaisons). Но и здесь никого не застали. Стало очевидно, что Бларера обманули: Брис направился от Сире-сюр-Везуз не к югу, а 9 км на северо-восток к Сен-Кирен (Saint-Quirin), к лесистым горам у реки Сар Руж. Но тут же стало известно, что Брис, получив информацию об отречении Наполеона, свой отряд распустил⁴⁹. 11 апреля Бларер вернулся во Фрамон⁵⁰.

Но на этом история с партизанством Бриса не закончилась.

В «Биографии современников»⁵¹ воспроизведено письмо Жозефа Бриса в газету *Temps* от 29 декабря 1833 г., в котором он резко протестует против судебных процессов по поводу компенсаций потерь, понесенных некоторыми собственниками в ходе наполеоновских войн. Брис писал, что он сам пострадал из-за раболепства поствоенных французских властей перед союзниками. Каким же образом он пострадал? 22 марта некий партизанский отряд захватил в плен русского майора Кривского (Krivsky). Майору свободу вернули, а вот багаж, в котором нашли «много предметов, в том числе священные сосуды, которые, вероятно, прибыли из каких-то церковей захваченной страны», не отдали. По мнению Бриса, это был обыкновенный «военный акт, не представлявший ничего противоречащего законам войны». Однако военный губернатор Лотарингии Давид Максимович Алопеус расценил его как обыкновенное воровство и предписал исполняющему обязанности префекта Мёрта издать приказ (подписан 13 апреля 1814 г.), по которому стоимость имущества майора Кривского, оцененная в 23 236 франков, должна быть компенсирована за счет имущества Бриса, а в случае недостаточности средств у последнего – за счет жителей муниципалитета коммуны Лоркен (Lorquin), откуда Брис был родом. До уплаты штрафа мэром Лоркена был заключен в тюрьму. В конечном итоге компенсацию заплатили совместными усилиями муниципалитета Лоркена и Бламона, в округе которого действовали партизаны⁵². Несправедливость, оправдывался Брис, была так же в

---

⁴⁹ Ibid. P. 330. По рапорту шефа эскадрона баденских стрелков Ментзингера (Mentzinger) Хохбергу, 10 апреля Брис был в 2 км севернее Фальсбура в районе Бюшельберга (Buchelberg). См.: *Chuquet A. L'Alsace en 1814*. P. 330, note. Но Брис здесь никогда не появлялся.

⁵⁰ Ibid. P. 343.

⁵¹ *Sarrut G., Saint-Edme B. Op. cit.* P. 138.

⁵² Краевед А. Денон, не указывая конкретный источник своей информации, добавил небольшой штрих к описанию этих событий – Лоркен хотели сжечь! «Рассказывали, что однажды партизаны напали на обоз одного русского майора, никого при этом однако не убив и не ранив. Однако это имело неблагоприятные

том, что майор Кривский был захвачен партизанами 22 марта, а сам Брис только 26 марта (sic – А.Г.) оставил свой полк в Сен-Дизье и отправился в Мёрт, таким образом, никакого отношения к инциденту с майором Кривским он иметь не мог⁵³. Во всем виноват, надо полагать командовавший на тот момент партизанами Буланж...

А. Шюке обнаружил в Национальном архиве письмо братьев Брис Карно, в котором они просили компенсировать жителям коммун Лоркен и Бламон эти расходы⁵⁴. В целом партизанскую миссию братьев Брис весной 1814 г. А. Шюке оценил как «провальную».

Конечно, результаты действия партизан Бриса весной 1814 г., мягко говоря, скудны. Рауль Брис потом будет писать о том, что партизаны «истощали боевой дух врага», который нигде не чувствовал себя в безопасности; что Жозеф Брис «сделал все, что мог, имея очень ограниченные ресурсы» и т.п. Макдональд в своих «Мемуарах» писал, что, якобы, Александр I ему сказал: «Союзники потеряли в Вогезах 3 000 человек, так и не увидев ни одного французского солдата»⁵⁵. Ж.-М. Тибо почему-то решил, что это «многочисленные акции братьев Брис в Вогезах» заставили так думать русского царя⁵⁶. Цифра фантастическая и не имеющая ничего общего с реальными потерями. Если оставить в стороне мифологию, то мы имеем весьма смахивающее на обыкновенный грабёж нападение на экипаж майора Кривского (без участия Бриса) и на прусский обоз (с участием Бриса) – это все, что нам известно о подвигах этих патриотов. Какой контраст с наполеоновскими надеждами! О взаимодействии отряда Бриса с действовавшим в 30 км на юго-восток от Бламона в районе Ротау отрядом под командованием Вольфа достоверно не известно. Партизанское движение вовсе не имело такого масштаба, как рисует романтическое воображение.

Известность Брису, видимо, принесло руководство партизанским отрядом в 1815 г.

последствия. Майор потребовал сатисфакции и помимо требований огромного штрафа угрожал сжечь коммуну. В Нанси к префекту направили делегацию из трех уважаемых жителей коммуны, чтобы как-то урегулировать этот вопрос. Но их не стали слушать, а взяли в заложники, пока не будет выплачена требуемая майором сумма». См.: *Dedenon A. Histoire de Blamontois dans les temps modernes. Nancy, 1930. P. 153.*

⁵³ *Sarrut G., Saint-Edme B. Op. cit. P. 138.*

⁵⁴ *Chuquet A. L'Alsace en 1814. P. 328.*

⁵⁵ *Ibid. P. 345.*

⁵⁶ *Thiébaud J-M. Les Corps Francs de 1814 et 1815 // Revue de l'Institut Napoléon. 2011- II. № 202-203. P. 100.*

Во время Ста дней Наполеон вновь поручил Брису миссию, аналогичную той, которую он выполнил в 1814 г.: ему было поручено командовать отрядом охотников-добровольцев Мёрта. Этот отряд причинил врагу столько вреда, что Вреде объявил Бриса 30 июня 1815 г. вне закона. Но Наполеону пришлось вторично покинуть Францию, а Брису вновь сложить оружие. 19 июля Брис подписал почетную капитуляцию с русским генералом Орловым⁵⁷.

В первые годы Реставрации Брис подвергся судебному преследованию и укрылся в Брюсселе, однако французская полиция от него не отстала. Даже протекция графа Михаила Орлова, который, будучи генерал-майором 7-го корпуса русской армии, скрепил своей подписью капитуляцию отряда Бриса от 19 июля, не смогла освободить того от преследований. Брис был вынужден уехать в Германию. За время отсутствия Бриса на родине ему вынести два приговора, в том числе, – один к смертной казни. Вернулся он во Францию в 1819 г. 22 апреля 1820 г. суд единогласно оправдал его по предъявленным ему обвинениям. Но при этом он оставался несколько лет «командиром эскадрона»; только в 1830 г. ему вернули звания, полученные в период Ста дней, и доверили командовать 5-м кирасирским полком. Во время передислокации этому полку довелось проследовать через Нанси. Здесь Бриса встретили с почестями три тысячи национальных гвардейцев во главе с их командиром и мэром города. В 1848 г. Брис получил звание бригадного генерала, а в феврале 1850 г. вышел в отставку⁵⁸.

Для цитирования: *Гладышев А.В. «Честь - путеводная звезда французского солдата»: партизаны департамента Мёрт в 1814 г. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 40-58.*

---

⁵⁷ Journal de la Meurthe et des Vosges. 11.02.1851. P. 3; *Dedenon A. Op. cit. P. 153.*

⁵⁸ *Ibid. P. 3.*

СОЛДАТЫ АРМИИ СОЮЗНИКОВ ПОСЛЕ ВАТЕРЛОО: ВЗГЛЯД БРИТАНСКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ Ш.А. ИТОН*

В.С. Еремин¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
e-mail: ereminvst@gmail.com

Аннотация. В 1814–1815 гг. после завершения чреды кровопролитных конфликтов эпохи Наполеоновских войн, в Европу хлынул поток туристов из Великобритании. Некоторые из них оказались на континенте к началу финального сражения между силами анти-французской коалиции и войсками Бонапарта при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Среди них была и Шарлотта Анна Итон, которая вместе с братом и сестрой отправилась в Бельгию 10 июня 1815 г. Прибыв на континент, они стали свидетелями разразившейся баталии. Фиксируя свои впечатления от увиденного, путешественница описывает поведение солдат и офицеров различных контингентов на поле битвы и после неё. Характеризуя боевые и морально-нравственные качества британских солдат, их союзников и противника, она подчёркивает вклад в победу над Наполеоном своих соотечественников, рассуждая, в том числе, о чести и славе. Это позволяет ставить вопросы об особенностях восприятия гражданским населением военных, специфики формирования образа «Другого» в период военных действий и характерных чертах формирования национальных идентичностей на рубеже XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, история Великобритании, имагология, тревелогия, военно-историческая антропология.

SOLDIERS OF THE ALLIED ARMY AFTER WATERLOO: THE VIEW OF BRITISH TRAVELER C.A. EATON

V.S. Eremin

(Moscow, Saratov, Russia)
e-mail: ereminvst@gmail.com

In 1814–1815 after the end of a series of bloody conflicts during the Napoleonic Wars, a flow of tourists from Great Britain poured into Europe. Some of them ended up on the continent at the beginning of the final battle between the forces of the the Anglo-allied army and Bonaparte at Waterloo on June 18, 1815. This turned out to be Charlotte Anne Eaton, who, together with her brother and sister, went to Belgium on June 10, 1815. Arriving on the continent, they witnessed the battle that broke out. Recording her impressions of what she saw, the traveler describes the behavior of soldiers and officers of various contingents on the battlefield and after the clash. Characterizing the

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

¹ Еремин Владимир Станиславович, старший научный сотрудник НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» ИИиМО Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

combat and moral qualities of British soldiers, their allies and the enemy, she emphasizes the contribution of her compatriots to the victory over Napoleon, talking about honor and glory, among other things. This allows us to raise questions about the peculiarities of the perception of representatives of the armed forces by the civilian population, the specifics of the formation of the image of the «Other» during military clashes and the characteristic features of the formation of national identities at the turn of the XVIII–XIX centuries.

Key words: Napoleonic wars, British history, the Coalition forces, travelogues, military-historical anthropology

На протяжении череды военных конфликтов к. XVIII – н. XIX вв., большая часть выезжавших за пределы Британии были военнослужащими. Некоторые из них вели путевые дневники, которые затем публиковали на родине². Рост потока выезжавших с «Туманного Альбиона» начинается вскоре после вступления Союзных войск в Париж в 1814 г.: британцы и британки возобновили вояжи в Европейские страны³. Среди выезжавших увеличилось количество выходцев из среднего класса, потеснивших представителей аристократии, совершавших ранее традиционный Гранд-тур⁴. Еще больше будет способствовать активизации путешествий разгром Наполеона 18 июня 1815 г. на полях под Ватерлоо. Поле битвы превратилось в место паломничества⁵.

---

² *Wilson R.* Brief Remarks on the Character and Composition of the Russian Army, and a Sketch of the Campaigns in Poland, in the Years 1806 and 1807. L., 1810; *Blaquiere E.* Letters from the Mediterranean; Containing a Civil and Political Account of Sicily, Tripoly, Tunis and Malta: With Biographical Sketches, Anecdotes and Observations, Illustrative of the Present State of Those Countries, and Their Relative Situation with Respect to the British Empire. In Two Volumes. L., 1813. Рубеж XVIII–XIX вв. стал временем роста интереса среди читающей публики к травелогам, что подстегивали рецензии в ведущих британских литературно-критических журналах – «The Edinburgh Review» и «The Quarterly Review». Это в свою очередь сказывалось на книжном рынке и приводило к росту числа соответствующей литературы на прилавках. См.: *Leask N.* Curiosity and the Aesthetics of Travel Writing 1770–1840. Oxford, 2002. P. 11–12.

³ *Colbert B.* Bibliography of British Travel Writing, 1780–1840: The European Tour, 1814–1818 (excluding Britain and Ireland) // Cardiff Corvey: Reading the Romantic Text. 2004. № 3. P. 8–9. - URL: http://www.cf.ac.uk/encap/corvey/articles/cc13_n01.pdf. (Дата обращения: 27.11.2023); *Thompson V.E.* Foreign bodies: British travel to Paris and the troubled national self, 1789–1830 // Studies in Travel Writing. Vol. 15. 2011. № 3. P. 243–265; *Haynes Ch.* Friends the Enemies: The Occupation of France After Napoleon. Cambridge, 2018. P. 176.

⁴ *François P.* If It's 1815, This Must Be Belgium: The Origins of the Modern Travel Guide // Book History. Vol. 15. 2012. P. 75–76; *Reynolds L.* There John Bull might be seen in all his glory: cross-Channel tourism and the British Army of Occupation in France, 1815–1818 // Journal of Tourism History. Vol. 12. 2020. Issue 3. P. 139–155.

⁵ *Гладышев А.В.* Ватерлоо как место памяти: мемориально-музейный ландшафт и политика преодоления прошлого // Историческая память и культурные

«Сто дней» Наполеона застали врасплох некоторых британских путешественников на континенте, но некоторые из них вполне осознанно отправились в вояж, невзирая на разворачивающуюся новую военную кампанию. Среди таковых оказались Шарлотта, Джон и Джейн Уолди, которые 10 июня 1815 г. отправились путешествовать по Бельгии едва ли не за неделю до генерального сражения союзников с французами. Впечатления от их пребывания в непосредственной близости от театра военных действий будут представлены через два года на суд читателей, благодаря усилиям Шарлотты Уолди (в замужестве – Итон)⁶.

Изучение травелогов уже давно составляет отдельное исследовательское поле⁷. И в контексте изучения человеческого измерения войн прошлого⁸, впечатления путешественников, оказавшихся в непосредственной близости от боевых действий, или ставшие их очевидцами имеют особое значение. Зачастую будучи гражданскими лицами, как правило не имевшими опыта военной службы, они предлагают читателю свой субъективный, местами дилетантский взгляд на военные события. Это взгляд со стороны. Встречая в поездках солдат и офицеров, они не только пытаются выяснить ход недавних событий, но и описать

символы национальной идентичности: Матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18-20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск, 2017. С. 134-139; *Гладышев А.В.* Великие сражения в исторической памяти или почему машут кулаками после драки // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2019. Вып. 18. С. 167-182.

⁶ *Eaton Ch.A.* Narrative of a Residence in Belgium during the Campaign of 1815; and of a Visit to the Field of Waterloo: by an Englishwoman. L., 1817. P. 1-2. 22 августа 1822 г. Шарлотта вышла замуж за Стивена Итона, банкира из Стэмфорда, Кеттон-Холл, Ратленд. После смерти мужа 25 сентября 1834 г., она занималась ведением его дел. О деятельности Ш.А. Итон в качестве банкирши см.: *Dawes M., Selwyn N.* Women Who Made Money: Women Partners in British Private Banks 1752-1906. Bloomington, 2010.

⁷ В зарубежной и российской историографии сложилась своя теоретическая традиция исследования травелогов. В данном случае можно отметить некоторые работы. См.: *The Cambridge Companion to Travel Writing* / Ed. by P. Hulme, T. Youngs. Cambridge, 2002. P. 17-36; *The Routledge Companion to Travel Writing* / Ed. by C. Thompson. L., 2015; *The Cambridge History of Travel Writing* / Ed. by N. Das, T. Youngs. Cambridge, 2019. P. 1-16; Травелог: рецепция и интерпретация / Сост., отв. ред. Э.Ф. Шафранская. СПб., 2016. С. 5-10; *Аксенова М.В.* Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3. С. 170-176; *Пономарев Е.Р.* Травелог vs путевой очерк: постколониализм российского извода // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 562-580.

⁸ Например, см.: *Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136-150.

моральных дух бойцов, их внешний вид, фронтовой быт, засвидетельствовать разного рода эксцессы. В их текстах нередко подчеркиваются положительные качества соотечественников, выгодно отличающие их от противника, а иногда и от военных союзных армий. Анализ травелогов позволяет вывить не только особенности восприятия вооружённых конфликтов гражданским населением, характерные черты образа комбатантов враждующих сторон, но и представления авторов о морально-нравственных детерминантах своего времени.

Путевые заметки британской путешественницы и писательницы Ш.А. Итон (1788-1859) – прямое тому подтверждение⁹.

Шарлотта Анна родилась 28 сентября 1788 г. в семье Джорджа Уолди из Хендерсайд-парка (Роксбургшир, Шотландия) и Энн Уолди (в девичестве Ормстон) из Ньюкасла. В юности она пробовала себя на литературном поприще, задумав готический роман «Дома и за границей». Для такого романа требовались впечатления от заграницы. Работа над текстом была прервана в 1814 г. и книга выйдет в свет только в 1831 году¹⁰.

Семнадцатилетняя девушка в июне 1815 г. отправляется в Брюссель вместе со своими братом и сестрой. В ходе поездки она вела записи, а ее сестра, будучи художницей и ученицей шотландского живописца Александра Насмита¹¹, фиксировала виды на поле Ватерлоо. Результаты поездки поначалу нашли отражение в виде вступительной заметки, опубликованной в том же году в сборнике отчетов и свидетельств очевидцев о сражении¹². Текст сопровождало панорамное

---

⁹ Ее заметки иногда упоминаются исследователями, хотя никогда не являлись предметом отдельного внимания. Например: *Shaw Ph. Waterloo and the Romantic Imagination. Basingstoke, 2002. P. 75–78. Forrest A. Waterloo. Oxford, 2015. P. 86.*

¹⁰ *Bell E. Introduction // Eaton Ch.A. Waterloo Days; the Narrative of an English-women resident ar Brussel in June, 1815. With an Introduction and appendix by Edward Bell, M.A. L., 1888. P. 5–6; Taylor C.L. Eaton [née Waldie], Charlotte Anne (1788–1859), writer // Oxford Dictionary of National Biography. - URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-28447> (Дата обращения 21.11.2023).*

¹¹ Об А. Несмите см.: *Cooksey J. Nasmyth, Alexander (1758–1840), artist and engineer // Oxford Dictionary of National Biography. // URL.: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-19797> (Дата обращения 28.11.2023).*

¹² *Eaton Ch.A. Explanation of the Sketches, and Circumstantial Detail prefatory to the Official Documents, British and Foreign, relative to the Battle of Waterloo, also to previous and subsequent Events // The Battle of Waterloo: Containing the Accounts Published by Authority, British and Foreign, and Other Relative Documents, with Circumstantial Details, Previous and After the Battle, from a Variety of Authentic and Original Sources : to which is Added an Alphabetical List of the Officers Killed and Wounded, from 15th to*

изображение битвы, выполненное Дж. Уолди¹³. Данная публикация легла в основу «Повествования о пребывании в Бельгии во время кампании 1815 года и о посещении поля Ватерлоо», увидевшего свет в 1817 г.¹⁴ При этом свое авторство Ш.А. Итон скрыла псевдонимом «Англичанка». В 1853 г. текст был переиздан под названием «Дни битвы, или Катр-Бра и Ватерлоо»¹⁵. В 1888 г., уже после смерти романистки, увидело свет очередное переиздание с указанием имени автора и озаглавленное как «Дни Ватерлоо»¹⁶.

По пути в Брюссель Уолди посетили несколько бельгийских городов, включая Брюгге и Гент. В вояже им часто встречались военные союзнических армий. Движение массы войск к месту сражения, беспокойство, а местами и паника среди местного населения¹⁷, предчувствие решающей баталии, ощущение причастности к истории, - все побуждало находившуюся в гуще событий Итон концентрировать свое внимание на описании военных.

На пути в Брюссель она видела отряд брауншвейгских войск, так называемых «Черных брауншвейгцев». Одеты в черное, на черных

26th June, 1815, and the Total Loss of Each Regiment... Second edition. L., 1815. P. i-xlv; Taylor C.L. Op. cit. // URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-28447> (Дата обращения 21.11.2023).

¹³ Eaton Ch.A. The Days of Battle: Or, Quatre Bras and Waterloo. By an English woman, resident at Brussels in June 1815. Author of "Roma in the Nineteenth Century". L., 1853. P. 150-151; Colbert B. Eaton, Charlotte Anne née Waldie, 1788 – 1859 // Women's Travel Writing, 1780-1840: A Bio-Bibliographical Database. // URL: <https://british-travel-writing.org/authors/1047> (Дата обращения 20.11.2023).

¹⁴ Eaton Ch.A. Narrative of a Residence in Belgium...

¹⁵ Eaton Ch.A. The Days of Battle: Or, Quatre Bras and Waterloo. L., 1853.

¹⁶ Eaton Ch.A. Waterloo Days: The Narrative of an Englishwoman Resident at Brussels in June 1815. L., 1888. Рассказ о бельгийском вояже был не единственным опубликованным травелогом Шарлотты Анны. В 1820 г., также анонимно, вышел в свет трехтомник «Рим в XIX веке», который выдержал несколько переизданий. См.: Eaton Ch.A. Rome, in the Nineteenth Century; Containing a Complete Account of the Ruins of the Ancient City, the Remains of the Middle Ages, and the Monuments of Modern Times. With remarks on the Fine Arts, on the State of Society, and on the Religious Ceremonies, Manners, and Customs, of the Modern Romans. In a Series of Letters written during a Residence at Rome, in the years 1817 and 1818. Edinburgh, L., 1822. В 1826 г. анонимно был опубликован ее текст на стыке травелога и художественного романа – «Континентальные приключения». См.: Eaton Ch.A. Continental Adventures: A Novel. In three Volumes. Boston, 1826.

¹⁷ Опасаясь, что французы в скором времени французы могут взять Брюссель многие жители спешили покинуть город: кто как мог – верхом или пешком. См.: Ibid. P. 96.

лошадях, со шлемами, украшенными черным конским волосом, они имели вид «весьма мрачный и траурный» и даже «зловещий». Их униформа вкупе с медленным продвижением по дороге навевала образ похоронной процессии. Путешественница даже пошутила, что подобное зрелище можно принять за дурной знак¹⁸. Позднее она отметит достойное и отважное поведение этих брауншвейгцев во время битвы¹⁹.

К месту сражения спешили бойцы британских, бельгийских, ганноверских, нассауских и прусских войск. Запомнился путешественнице и большой отряд прусских улан с черными усами, в высоких шапках, с длинными пиками и на маленьких лошадях²⁰. Позднее она стала свидетельницей тревожной беседы между немецкими военными. Нассауские солдаты, увидев проезжавшего мимо прусского гусара, бросились к нему с расспросами о текущей обстановке²¹. Шарлотта в «варварском» языке немецких солдат с трудом смогла разобрать только их насмешки над «смертельно напуганным, толстым и неповоротливым» Людовиком XVIII, который едва ли сможет убежать от «длинноногого» Наполеона²². Однако чуть позже один гусар поведал туристке, что французы в тяжёлых боях разбили прусские силы, и он, как участник столкновений, получивший в них лёгкое ранение, тому свидетель²³.

По пути из Брюсселя в Антверпен Шарлотта и ее спутники не раз встречали раненых солдат прусской армии, которые вместе с бельгийскими бойцами брели с поля боя. Они были обессилены и бледны от потери крови, с забинтованными головами, руками и ногами. Попытка разузнать у них новости о ходе военной кампании не увенчалась успехом, поскольку они «ни слова не понимали по-французски»²⁴. Шарлотта полагала, что этим военным еще повезло, что они могли сами уйти с поля боя, на котором остались умирать от ран их товарищи, брошенные отступающими немецкими силами под палящим солнцем²⁵.

Не наблюдая лично, но, видимо, пользуясь рассказами очевидцев, Шарлотта упоминает «отчаянные» прусские атаки, «ярость» этих солдат, которые, не щадя раненых, преследовали поверженного противника ночью²⁶. Шарлотта понимает, что ярость пруссаков – месть за

---

¹⁸ Eaton Ch.A. Narrative of a Residence in Belgium during the Campaign of 1815... P. 22–23.

¹⁹ Ibid. P. 275.

²⁰ Ibid. P. 99–100.

²¹ Ibid. P. 109.

²² Ibid. P. 109–110.

²³ Ibid. P. 109–111.

²⁴ Ibid. P. 102.

²⁵ Ibid. P. 103–104.

²⁶ Ibid. P. 274, 308, 310.

«зверства и кровожадность» войск Бонапарта. Но все же поведение этих союзников контрастирует с поведением собственно британских солдат.

На страницах травелога есть упоминания и бельгийских военных. В частности, описывается их бегство во время сражения у Катр-Бра 16 июня. Известие о слабости союзников огорчило британку, и она без малейшей жалости восприняла новость о почти полном уничтожении группы дезертиров французскими силами: поделом досталось трусам²⁷. Однако она вполне понимает страх и неприязнь бельгийцев по отношению к французам: годы угнетения не могли пройти бесследно²⁸.

На этом фоне поведение соотечественников в описании Шарлотты выгодно отличалось. С контингентом Соединенного Королевства она повстречалась еще в Брюсселе, где все было пропитано военным духом. Город кишел солдатами и офицерами различных национальностей в пестрой форме. Это создавало «веселую» атмосферу²⁹. Здесь ей повстречались и британские военные, одетые в красные мундиры с белыми поясами и ремнями. Особо она была рада хайлендерам, которые смеялись и шутили к удовольствию и ликованию местных жителей³⁰.

Когда стало известно о первых столкновениях, она утверждала, что именно 92-й полк «Гордонских горцев» и 42-й полк «Черной стражи» первыми встретили на марше неприятеля в пятнадцати милях от Брюсселя. Увидев врага, смельчаки из Хайленда немедленно выстроились в каре и отважно встретили яростный натиск противника. Они сдерживали неприятеля в одиночку, пока им на помощь не подоспел полк «Королевских шотландцев» и другие соединения³¹. Хотя британские силы были в меньшинстве, захвачены врасплох и не имели поддержки кавалерии, они сумели дать отпор врагу. Шарлотта отмечала, что «конечно же, никакие другие войска, кроме английских, без кавалерии и с очень небольшим количеством артиллерии и подумать не могли бы, что смогут отбросить врага, имеющего численный перевес; безусловно, никто кроме англичан не смог бы добиться подобного»³². Но, по ее мнению, было бы неправильно называть войска, участвовавшие в битве при Катр-Бра, всей английской армией: «В течение большей части дня лишь несколько полков, всего лишь горстка людей, противостояли огромным массам французов»³³.

---

²⁷ Eaton Ch.A. Narrative of a Residence in Belgium during the Campaign of 1815... P. 66.

²⁸ Ibid. P. 168–170.

²⁹ Ibid. P. 26.

³⁰ Ibid. P. 25.

³¹ Ibid. P. 61–62.

³² Ibid. P. 62–63.

³³ Ibid. P. 62–63.

Шарлотта демонстрирует удивительную для юной девицы осведомленность относительно непосредственных участников сражения у Катр-Бра и его хронологии: она пишет, что это 92-й, 42-й, 79-й, 95-й полки и «Королевские шотландцы» первыми приняли на себя удар. Вместе с ними был и 28-й пехотный английский полк. Именно 92-й, 42-й и 79-й горские полки пострадали больше всего³⁴. В течение нескольких часов эти отважные солдаты в одиночку удерживали мощное наступление всей французской армии. Бельгия обязана своей независимостью их доблести, а Англия – своей славой³⁵. Автор не сомневается, что в подобной ситуации любые британские части успешно справились бы с задачей, но шотландские корни Шарлотты требуют справедливости: Англия должна осознавать огромный долг перед павшими в тот день шотландскими бойцами, чьи имена «пополнят длинный список ее благороднейших героев»³⁶. Путешественница настойчиво подчеркивает, что в сражении при Катр-Бра многие среди убитых и раненых были солдатами и офицерами именно из Шотландии. «Они сражались как герои и как героини пали – честь для их страны: и на холмах Хайленда, и в долинах Лоуленда долго будут с любовью вспоминать деяния этих храбрых людей, а об их судьбе глубоко скорбеть!»³⁷

Источник ее сведений о ходе сражения становится ясен на следующих страницах повествования: уже после баталии Шарлотта много беседовала с горцами из 42-го и 92-го полков, отмечая, что их рассказ о баталии был одновременно самым простым и интересным. Ее удивляла их скромность: они полагали, что не сделали ничего выдающегося, а просто выполнили свой долг. Вместо жалоб на свои тяготы, они скорее высмеивали их³⁸. Заслуги и отличительные качества шотландских бойцов, путешественница не раз упоминает на страницах своих путевых заметок.

Сражение 18 июня на полях Ватерлоо было выиграно союзниками, по мнению Шарлотты, именно благодаря британским силам и полководческому таланту герцога Веллингтона. Она признается, что в разгар баталии с полей поступали противоречивые слухи о победе французов. Это порождало панику среди мирного населения бельгийских городов, вызывало смятение и скорбь среди британских путешественников³⁹.

---

³⁴ Eaton Ch.A. Narrative of a Residence in Belgium during the Campaign of 1815... P. 64.

³⁵ Ibid. P. 63–64.

³⁶ Ibid. P. 64.

³⁷ Ibid. P. 92.

³⁸ Ibid. P. 162–163.

³⁹ Ibid. P. 143.

Известие о победе союзников было встречено всеобщим ликованием. Шарлотта приводит слова очевидцев, утверждавших, что армия Наполеона сражалась в численном преимуществе – 180 000 чел. личного состава. Впрочем, от внушительных сил противника, в конечном счете, ничего не осталось⁴⁰.

Шарлотта продолжает развивать тему о благородстве воинов Соединенного Королевства на поле сражения и после него. В бельгийских госпиталях было множество раненых французов, о покое и здоровье которых заботились англичане и шотландцы, перевязывавшие им раны и стоявшие на страже. Тот факт, что сами стражники с Туманного Альбиона имели ранения, полученные в схватке с врагом, только подчеркивает их высокие моральные качества⁴¹.

Хотя войска Наполеона Шарлотта именуется не иначе как «мерзавцами», вместе с тем она не отказывает им в рвении на поле боя⁴². Но, что значит рвение французов, когда с ними сражаются британцы? По мнению автора, наиболее страшные потери у французской стороны были именно при столкновении с горскими полками 16 и 18 июня, которые бросались на неприятеля с криками «Шотландия навеки!»⁴³. Она уверена, что поражение противника было неизбежным, поскольку он воевал за трофеи Бельгии и Голландии, в то время как британцы бились, чтобы выполнить долг перед своей страной⁴⁴. Шарлотта подчеркивает, что британцы оказали сопернику милость, в которой им самим было бы отказано: пощады от французов поверженному или пленному врагу было бы трудно дожидаться⁴⁵.

Конечно, языковой барьер не позволил Шарлотте пополнить багаж своих впечатлений рассказами на голландском, фламандском или немецком языках. Образы военных в травелоге Шарлотты дифференцированы. Валлонцам уделяется мало внимания, автор не называет ни их командиров, ни их подразделения. Они подозреваются в трусости и дезертирстве. Немецкие контингенты произвели впечатление своим внешним видом и воинской яростью, граничащей с жестокостью, которой едва ли может служить оправданием жажда мести. Поведение отдельных частей союзников подталкивает автора травелога к мыслям о цивилизационном статусе других народов и государств Европы:

---

⁴⁰ Eaton Ch.A. Narrative of a Residence in Belgium during the Campaign of 1815... P. 156.

⁴¹ Ibid. P. 208–209.

⁴² Ibid. P. 163.

⁴³ Ibid. P. 166.

⁴⁴ Ibid. P. 307.

⁴⁵ Ibid. P. 308.

подлинное благородство и понятия воинской чести присущи лишь цивилизованным народам. Многочисленность немецких контингентов на бельгийском театре военных действий заставляет Шарлотту акцентировать вклад именно британцев в общую победу над французами. В травелоге Шарлотты за общей британской победной риторикой просматривается чувство особой гордости за родных шотландцев. И здесь намеки на цивилизационное превосходство британцев вытесняются мотивами региональной шотландской идентичности. В этом отношении повествование писательницы из Южной Шотландии сближается с травелогами других шотландских путешественников, побывавших на континенте в 1814–1815 гг. Для нее, как и для Дж. Симпсона⁴⁶, важно показать вклад в победу солдат и офицеров из Хайленда. Горцы, еще недавно вызывавшие у южных соседей страх перед новым якобитским мятежом и ощущение присутствия дикарей на окраинах собственного королевства, доказали свою способность отстаивать британские интересы. Их ратные подвиги - примеры храбрости, доблести и чести, которыми может и должна гордиться вся страна. Они понимают, что такое воинская честь не менее чем их собственно английские коллеги. Все это позволяет ставить вопросы об особенностях формирования и эволюции британской национальной идентичности на рубеже XVIII–XIX вв.

Для цитирования: Еремин В.С. Солдаты армии союзников после Ватерлоо: взгляд британской путешественницы Ш.А. Итон // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 59-68.

---

⁴⁶ Еремин В.С. Армия антифранцузской коалиции глазами британского путешественника Джеймса Симпсона в 1815 г. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2022. Вып. 24. С. 114–125.

«КОРОЛЬ И ТОЛЬКО КОРОЛЬ!»
ВСТРЕЧИ Г. МОРРИСА И С.Р. ВОРОНЦОВА*

Д.Ю. Козлова¹,

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: daryaostapovich@gmail.com

Аннотация. *Губернер Моррис, отправившись в 1788 г. во Францию по коммерческим делам, благодаря своим политическим связям в феврале 1792 г. был назначен посланником США во Франции. Но еще до своего назначения в миссию, Моррис, являясь частным лицом, но имея знакомства с различными влиятельными персонами, пытается влиять на политику революционной Франции. Он знакомится в Париже с Кочубеем, отправляясь по коммерческим делам в Лондон, встречается с послом России в Англии С.Р. Воронцовым, в лице которого находит единомышленника в своих монархических убеждениях. Моррис предостерегал об опасности радикализации Революции, всячески старался удержать правительство США от вмешательства во французские дела. Он оставался на своем посту на протяжении всего периода террора, часто оказывая помощь своим друзьям, считавшимся врагами французского государства. Оставив дипломатический пост, он в 1794 г. переезжает в Лондон, где вновь встречается с Воронцовым, налаживает отношения с графом Прованским и даже составляет меморандум для Людовика XVIII. Источники личного происхождения демонстрируют высокую взаимную оценку Морриса и Воронцова в понимании текущей политической ситуации.*

Ключевые слова: Г. Моррис, граф Воронцов, революционные войны, Людовик XVI, Людовик XVIII.

«THE KING AND ONLY THE KING!»
MEETINGS OF G. MORRIS AND S.R. VORONTSOV

D.Y. Kozlova

(Saratov, Russia)
e-mail: daryaostapovich@gmail.com

Annotation: *Gouverneur Morris, who went to France in 1788 on commercial business, was appointed U.S. Envoy to France in February 1792 due to his political connections. But even before his appointment to the mission, Morris, being a private person, but having acquaintances with various influential people, is trying to influence the politics of revolutionary France. He meets Kochubey in Paris, going to London on commercial business, meets with the Russian ambassador to England,*

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

¹ Козлова Дарья Юрьевна, лаборант-исследователь НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» ИИиМО СГУ имени Н.Г. Чернышевского

S.R. Vorontsov, in whose person he finds a like-minded person in his monarchical beliefs. Morris warned of the danger of radicalization of the Revolution, and tried in every possible way to keep the US government from interfering in French affairs. He remained in office throughout the period of terror, often helping his friends who were considered enemies of the French state. After leaving his diplomatic post, he moved to London in 1794, where he met Vorontsov again, established relations with the Count of Provence and even drafted a memorandum for Louis XVIII. Sources of personal origin demonstrate a high mutual appreciation of Morris and Vorontsov in understanding the current political situation.

Keywords: G. Morris, the French Revolution, Louis XVI, Louis XVIII.

Гувернер Моррис – безусловно, яркая и неординарная личность. Причастный к написанию Конституции США², он был одним из тех, кто, наверное, с удовлетворением принял бы Вашингтона не как президента, а как короля. Отправившись в 1788 г. во Францию по коммерческим делам финансиста Роберта Морриса (однофамильца), он быстро оказывается вовлеченным в столичные политические перипетии, параллельно записывая в дневник свои мысли и фиксируя события, происходящие в революционной столице³. Благодаря своим политическим связям в феврале 1792 г. Г. Моррис был назначен посланником США во Франции. Но еще до своего назначения в миссию он, являясь частным лицом, но имея знакомства с различными влиятельными персонами, пытается влиять на политику революционной Франции⁴. Моррис предостерегал об опасности радикализации Революции, всячески старался удержать правительство США от вмешательства во французские дела⁵

---

² См., например: *Sparks J.* The life of Gouverneur Morris, with selections from his correspondence and miscellaneous papers; detailing events in the American Revolution, the French Revolution, and in the political history of the United States. Boston, 1832; *Roosevelt T.* Gouverneur Morris. Boston, N.Y., 1888; *Brookhiser R.* Gentelman Revolutionary: Gouverneur Morris, the Rake Who Wrote the Constitution. N.Y., 2003; *Adams W.H.* Gouverneur Morris: An Independent Life. New Haven, 2003.

³ *Morris G.* The Diary and Letters of Gouverneur Morris / ed. A.C. Morris. 2 v. New York, 1888.

⁴ *Miller M.R.* Envoy to the Terror: Gouverneur Morris and the French Revolution. Dulles, 2005; *Филимонова М.А.* Гувернер Моррис (1752 – 1816): Портрет консерватора на фоне двух революций // Американский ежегодник. 2004. М., 2006. С. 40–67; *Филимонова М.А.* Конституция Франции 1791 г. и политико-правовые воззрения Гувернера Морриса // Компаративистика – 2010: сравнительное правоведение, сравнительное государствоведение, сравнительная политология. Пенза, 2011. С. 296–303; См. также: *Останкович Д.Ю.* Гувернер Моррис и Французская революция // История и историческая память. Саратов, 2022. Вып. 25. С. 36 – 46.

⁵ *Adler A.N.* Gouverneur Morris and the Foreign Service: Influence on Issuance of the Proclamation of Neutrality of 1793. Electronic Theses and Dissertations. 2007. //

«Русский след» в его политической биографии прослеживается с 1791 г., когда он знакомится в Париже с Виктором Павловичем Кочубеем, который в 1788 г. был причислен к миссии в Лондоне под руководством графа Семена Романовича Воронцова. Получив разрешение путешествовать по Европе для продолжения образования, Кочубей уехал в начале 1791 г. в Париж, где и познакомился с Моррисом⁶. Несмотря на скоротечность знакомства, Моррис, видимо, сразу произвел очень хорошее впечатление на Кочубея. Когда в январе 1791 г. Моррис по коммерческим делам собрался посетить Лондон, Кочубей доверил ему передать письмо С.Р. Воронцову⁷. В письме помимо прочего Кочубей писал: «Я просил мистера Морриса передать вам мое письмо, полагая, что вы не рассердитесь. Я знаю его как весьма образованного человека, который очень хорошо видит дела в этой стране: вещь достаточно редкая, особенно если принять во внимание те преувеличенные картины (*reintures exagérées*), которые рисуют, как в Англии, так и повсюду люди, приверженные тем или иным партиям. Однако я не во всем согласен с этим американцем; но, несмотря на его привязанность к старому порядку, я верю ему, как человеку очень умеренному»⁸. Тогда внезапность отъезда Морриса в Лондон вызвала в Париже слухи о политической составляющей его путешествия⁹.

6 января 1792 г. Моррис получает дипломатическую неприкосновенность и становится официальным представителем Америки во Франции¹⁰. Он вновь встречается в Лондоне с Воронцовым. 19 февраля 1792 г. Моррис оставил запись в дневнике: «Я обедал с российским министром графом Воронцовым. <...> После обеда граф сказал мне, что он убежден, что Великобритания будет обхаживать Соединенные Штаты, чтобы лишить Францию островов в Вест-Индии»¹¹. Моррис, обычно столь бойкий на перо и раздающий в своем дневнике оценки

[Электронный ресурс]. – URL: <https://dc.etsu.edu/etd/2075> (Дата обращения – 1.12.2023).

⁶ Чечулин Н.Д. Князь Виктор Павлович Кочубей. 1768-1834. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1900. С. 13-14.

⁷ Упоминание о связи двух дипломатов содержится в работе А.И. Воронцова-Дашкова и М.И. Микешина. См.: *Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография.* СПб., 2020. С. 242.

⁸ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 18. С. 8.

⁹ *Morris G. The Diary and Letters...* P. 501.

¹⁰ *Филимонова М.А. Гувернер Моррис (1752–1816): Портрет консерватора на фоне двух революций // Американский ежегодник. 2004. М., 2006. С. 62.*

¹¹ *Morris G. The Diary and Letters of Gouverneur Morris, ed. Anne Cary Morris. New York, 1888. Vol. I. P. 514.*

новым знакомым, на сей раз очень сдержан: только сухое и краткое изложение содержания беседы. Моррис упомянул о том, что Воронцов не высокого мнения об английском премьер-министре Ульяме Питте, главный талант которого, по словам русского дипломата, «есть лукавство»: «он тайно взял все французские дела в свои руки, стараясь prolongировать Французские замешательства и пользоваться ими как можно дольше»¹².

Об интригах англичан Моррис сообщает и в рапорте Джорджу Вашингтону от апреля 1792 г., позволяя похвалу в адрес Воронцова. Моррис описал попытки англичан воздействовать на Воронцова: «...все возможное искусство было приложено, чтобы заставить графа Вранцова [Воронцова – Д.К.] вести себя так, чтобы соответствовать взглядам м-ра Питта. Но непоколебимый русский был слишком умным и слишком честным, чтобы предстать <...> дурнем. Следствием такого поведения был полный успех Воронцова; а м-р Питт опять вынужден был прибегнуть к лестному и примирительному поведению»¹³.

Воронцов был приверженцем аристократического правления и вслед за Монтескье считал, что без привилегированного и лояльного дворянства монархия не могла бы существовать¹⁴. По этой причине, даже до большого террора 1793 г. «он ненавидел Французскую революцию и все, за что она стояла, как мало кто еще»¹⁵. Его критика была направлена преимущественно на тех, кто, как он считал, предали свои врожденные права, например, маркиз де Лафайет и Филипп Эгалите (бывший герцог Орлеанский). 6 марта 1792 г. Моррис записал в дневнике, как был поражен гневной вспышкой Воронцова: «Граф Воронцов яростно напал на маркиза де Лафайета в таких сильных выражениях, которые я вряд ли когда-нибудь слышал. Он сказал, что хотя и воспитан, как военный, и иногда должен был отдавать приказы о наказаниях, он никогда не мог наблюдать за экзекуцией, поскольку от природы не

---

¹² *Morris G. The Diary and Letters.... Vol. I. P. 515.*

¹³ *Morris G. The Diary and Letters... Vol. II. P. 139.*

¹⁴ Моррис также подчеркивал первостепенное значение дворянства для страны, еще в 1789 г., он писал: «Конституция этой страны неизбежно должна претерпеть некоторые изменения, которые ослабят монархическую власть. Важно, что если дворяне не получают конституционного разрешения на некоторые из своих привилегий, если впоследствии правительство полностью смешает их с народом, то результатом этого должна быть либо тирания, либо полная анархия». См.: *Morris G. The Diary and Letters... P. 38.*

¹⁵ Записка графа С.Р. Воронцова о дворянстве // Архив князя Воронцова... Кн. 16. С. 296–304.

может видеть человеческое страдание; но если Лафайета и герцога Орлеанского приговорили бы к колесованию, и у него не было бы другого способа увидеть казнь, как только идти туда пешком, он бы отправился немедленно»¹⁶.

Моррис и Воронцов, соглашаясь о роли дворянства в поддержании стабильности государства, разошлись в оценках личностей французских монархов. В 1788 г. Воронцов писал о французах: «Эта нация сегодня еще более глупа, чем всегда. Король — слабоумный, а королева — интриганка без таланта или решительности»¹⁷. В годы Революции Воронцов также был невысокого мнения о Бурбонах — будущих королях Франции и сомневался в их возможности завоевать трон. Моррис, напротив, симпатизировал Людовику XVI и был очарован королевой, с которой виделся лично и поддерживал связь¹⁸. Он считал короля главной надеждой Франции, «пусть он и обижен, и оскорблен, но только его умеренность спасет страну». Запись в дневнике от середины 1791 г. отражает его позицию: король — «единственный кусок дерева, который останется на плаву при всеобщем кораблекрушении».

Однако и Моррис, и Воронцов были шокированы казнью Людовика в январе 1793 г., посчитав это страшной ошибкой и угрозой для других европейских держав. В январе 1793 г., Воронцов докладывал в депеше о цареубийцах: «сии проклятые злодеи и изверги получают должное им наказание»¹⁹.

Моррис и Воронцов были близки в своем понимании и международной ситуации вокруг революционной Франции, объявившей войну монархической Европе. Воронцов понимал, если Британия будет втянута в войну с Францией, то ей понадобится российская поддержка²⁰. Уже через несколько дней после объявления Францией войны Британии в Петербурге были возобновлены переговоры, законченные затем Семеном Романовичем в Лондоне. Торговая конвенция была подписана лордом Гренвилем и Воронцовым 25 марта 1793 г. вместе с другой конвенцией, соединившей две державы взаимным согласием помогать друг другу в войне против Франции. Ключевым стало согласие России содействовать в усилении британской морской блокады французского

---

¹⁶ *Morris G. The Diary and Letters... Vol. I. Chap. XXIII.*

¹⁷ Архив князя Воронцова... Кн. 9. С. 138.

¹⁸ *Morris G. The Diary and Letters... P. 500.*

¹⁹ *Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. II. С. 252.*

²⁰ *Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. СПб., 2020. С. 242.*

побережья²¹. Воронцов был убежден, что только Британия при поддержке России и Австрии могла успешно противостоять революционной заразе в Европе.

Моррис, опасаясь распространения якобинских политических догм в Лондоне и «малодушной робости» правительства в сопротивлении им²². Одновременно он всячески старался удержать правительство США от вмешательства во французские дела. Моррис боялся, что, если Америка окажется вовлеченной во Французскую революцию и последующие события, то это погубит молодую нацию. Он делал все, что было в его силах, чтобы убедить лидеров Соединенных Штатов, особенно Джорджа Вашингтона, в том, что американцам нечего было делать в делах Франции. Хотя они могли поддержать французскую борьбу за свободу, официально лучше было держаться подальше от драки, потому что это принесло бы больше вреда, чем пользы²³. Провозглашение США нейтралитета в апреле 1793 г. разозлило французов и глубоко ранило их самолюбие.

В конце 1793 г. Комитет общественного спасения официально предложил американцами отозвать Морриса, и в 1794 г., как прибыл его преемник Дж. Монро, Моррис отбыл в Лондон. Как заметил Н.Н. Болховитинов о Моррисе: «Его фигура, может быть, очень подходила для двора Людовика XV, <...> но в якобинском Париже ему было явно не место»²⁴.

Обосновавшись в Лондоне, Моррис продолжил свою политическую агитацию. Поддерживал он и связи с Воронцовым. Находясь в Англии, уже бывший американский посол устанавливает отношения с графом Прованским, который получив подтверждение о смерти своего племянника, объявляет себя в июне 1795 г. Людовиком XVIII. Если для тех, кто планировал реставрацию монархии во главе с Людовиком XVII, его гибель стала катастрофой, то для роялистского движения в целом она, напротив, открывала новые перспективы²⁵.

---

²¹ Александренко В.Н. Указ. соч. С. 252.

²² Архив князя Воронцова... Кн. 9. С. 272 – 273.

²³ Wright R.K., Morris J. Soldier-statesmen of the Constitution. Washington, 1987. P. 112.

²⁴ Болховитинов Н.Н. Становление российско-американских отношений. М., 1966. С. 201.

²⁵ Бовыкин Д.Ю. Людовик XVIII и французские роялисты при Термидоре и Директории (1794-1799): диссертация д.и.н. М., 2017. С. 192.

Моррис считал графа Прованского большой надеждой для Франции, что, не исключено, оказало какое-то влияние на изменение позиции Воронцова по отношению в Бурбонам. Если до 1793 г. мнению Воронцова шло в разрез с лояльным мнением Екатерины о Бурбонах, то теперь он ратует за дело эмиграции и переходит к политике поддержки будущего короля. Безусловно, свою роль играют внешние обстоятельства: после падения Робеспьера 9 термидора (27 июля) 1794 г. республиканское правительство заметно теряло стабильность и поддержку населения²⁶. На юге Франции свирепствовали роялистские банды, врывающиеся в тюрьмы и убивавшие заключенных якобинцев. Вновь активизировался контрреволюционный мятеж в Вандее. В июне английский флот высадил на полуострове Киберон в Южной Бретани около тысячи эмигрантов²⁷. В этих реалиях личность графа Прованского в качестве короля для Воронцова кажется единственной возможностью стабилизировать ситуацию.

С.Р. Воронцов в письме брату А.Р. Воронцову из Лондона от июня 1795 г.: «Что вас без сомнения удивит, так это то, что я услышал пару дней назад от одного очень информированного человека. Человек этот – г-н Моррис, который три года был представителем Америки во Франции и которого я встречал здесь перед его отъездом в Париж. Он ненавидит Французскую революцию, так как склонен к самостоятельным суждениям, наполнен знаниями и придерживается тех же принципов, что и его соотечественник Адамс. Приехав в Париж, он никогда не мог скрыть своего презрения ко всему, что там делалось, и, далекий от помощи Конвенту, который стремился только рассорить Америку с Англией, он всегда писал Вашингтону, который был его другом, в своих сообщениях совершенно противоположное желанию одиозных царубийц. Они продолжали добиваться его отзыва, и, к его большому удовлетворению, им, наконец, это удалось. Он уехал из Парижа почти 4 месяца назад; он приехал сюда три дня назад из Гамбурга и сразу же пришел ко мне. От него я узнал, что корона действительно недавно (но перед смертью заключенного в тюрьму молодого короля) была предложена Конвентом сыну герцога Орлеанского, и что этот молодой принц отказался от нее. Это так мало соответствует его поведению, поскольку он служил в республиканской армии после убийства Людовика XVI, что я не мог поверить этому известию; но мистер Моррис заверил меня, что

---

²⁶ Филимонова М.А. Гувернер Моррис (1752–1816): Портрет консерватора на фоне двух революций // Американский ежегодник. 2004. М., 2006. С. 66.

²⁷ См. подробнее: Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020.

это точно, что поведение этого молодого принца было, несомненно, убогим и сделало бы его презренным, если бы мы не учли, что он был чрезвычайно молод, неопытен, находился под властью своего отца и, тем более, Госпожи де Силлери, его гувернантки, имевшей на него необычайное влияние. Но с тех пор, как говорят, он задумался, повзрослел в своих суждениях и увидел пропасть, в которую его вели; он разорвал все контакты со своей отвратительной наставницей-женщиной и придерживается, как уверяет меня мистер Моррис, лучших принципов сохранения монархии по прямой и законной линии. Я делаю здесь все возможное, чтобы Англия признала графа Прованского королем Франции под именем Людовика XVIII, и я не теряю надежды, что так оно и будет»²⁸.

Как следствие, Воронцов становится одним из немногих, кто поддерживал манифест, который Моррис написал от лица Людовика XVIII.

Как только в Лондоне стало известно о смерти Людовика XVII, было составлено сразу два проекта королевской декларации, и первый принадлежит руке Морриса. В его дневнике от 5 июля 1795 г. есть запись о том, что его навещал некто де Бонне и просил написать манифест для нового короля Франции. Моррис отказался, но тот так уговаривал, что тот, в конце концов, пообещал ему что-то набросать, если позволит время²⁹. 8 июля Моррис передал написанный им текст государственному секретарю по иностранным делам лорду У. Гренвиллю, который, как ни странно, текст одобрил, хотя посчитал его слишком бескомпромиссным³⁰. 11 июля Моррис записал в дневнике, что навещал графа Воронцова и показывал тому черновик манифеста. Воронцов высоко оценил труд Морриса и посоветовал поговорить с герцогом д'Аркуром, чтобы тот обеспечил его доставку Людовику XVIII³¹.

Французским гражданам Моррис предлагал сравнить то положение, в котором они ныне оказались, и то, в котором они были до начала революции. Король должен был, по мысли Морриса, заявить, что многочисленные политические эксперименты не принесли успеха, да и предпринимались они «в тщетной надежде обрести то благосостояние, которое осталось далеко позади. Синице в руках предпочли журавля в небе. Попытка восстановить доверие к финансам повлекла за собой лишь банкротство. В погоне за свободой обрели лишь рабство, позволили увлечь себя мечтами об изобилии и лишились необходимого,

---

²⁸ Архив князя Воронцова... Кн. 9. Ч. 2. С. 342.

²⁹ *Morris G. The Diary and Letters...* Vol. II. P. 99.

³⁰ *Ibid.* P. 100.

³¹ *Ibid.* P. 101 – 102.

стремились побороть злоупотребления, но, увы, лишь злоупотребления и остались. Есть ли, в самом деле, хоть один человек, способный доказать, что он получил от французского народа хотя бы какое-то законное право на обладание властью? Ведь Францию угнетают от имени народа!»³². От лица Людовика XVIII Моррис объявлял своими врагами всех, кто пытается под каким-либо видом продлить революцию и обещал покарать всех причастных³³. Никакого компромисса с новым, революционным порядком не предлагалось. По оценке Е.В. Тарле, этот манифест «сам по себе способен был убить всякие возможности реставрации, если бы такие еще существовали»³⁴.

В тексте этого манифеста, который Воронцов отправил в Санкт-Петербург, последний абзац завершался иначе, чем в оригинале Морриса. Возможно, это связано с пожеланиями Гренвиля: «и скорее желает бегства, чем казни отцеубийц». Заканчивалась же декларация обещанием последовать примеру Генриха IV и отвоевать свою страну, если королю будет оказано сопротивление³⁵.

Это был апогей политической карьеры Морриса, вскоре он уходит с политической арены, в июне 1796 г. он уезжает в Швейцарию, сохраняя переписку с близкими ему людьми, однако уже не пытается вникать в политическую обстановку во Франции. О дальнейших его связях с Воронцовым неизвестно: в 1800 г. Семену Романовичу была дана отставка, с дозволением остаться в Лондоне. Хладнокровие Воронцова нередко отрезвляло Морриса от идеализации французской монархии, но, возможно, и Моррис оказал свое влияние на русского дипломата относительно оценки Бурбонов как лекарства от революционной болезни.

Для цитирования: Козлова Д.Ю. (Саратов). «Король и только король!» Встречи Г. Морриса и С.Р. Воронцова // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 69-77.

---

³² *Mémorial de Gouverneur Morris, homme d'état américain*. Paris; Leipsig, 1841. Vol. 1. P. 541-543.

³³ *Филимонова М.А.* Гувернер Моррис (1752–1816)... С. 68.

³⁴ *Тарле Е.В.* Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 6. С. 378.

³⁵ *Бовыкин Д.Ю.* Ук. соч. С. 219.

ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА: СНАЙПЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ НКВД

Д.Ю. Ванин¹

ЦМ ВНГ РФ

В.М. Магомедханов²

ЦМ ВНГ РФ

e-mail: magvik1972@mail.ru

Аннотация. В ответ на призыв руководства страны беспощадно истреблять захватчиков в войсках НКВД широко развернулось снайперское движение, благодаря которому появлялись все новые и новые мастера стрелкового дела, способные с величайшей решительностью выполнить любые задания командования, преодолеть любые трудности на сложном пути к победе над врагом. Начатое по инициативе бойцов и командиров войск правопорядка по охране тыла Ленинградского фронта снайперское движение быстро развернулось в частях и подразделениях НКВД и РККА на всем протяжении советско-германского фронта, доказав свою эффективность как в оборонительных, так и в наступательных боях.

Ключевые слова: войска НКВД, РККА, снайперское движение, оборона Ленинграда.

DEFENSE OF LENINGRAD: SNIPER MOVEMENT IN THE NKVD TROOPS

D.Y. Vanin

(Moscow, Russia)

V.M. Magomedkhanov,

(Moscow, Russia)

e-mail: magvik1972@mail.ru

Annotation. In response to the country's leadership appeal to mercilessly exterminate the invaders, sniper movement within the NKVD troops was widely developed. Due to that movement more and more new masters of musketry appeared, they were able to fulfill any task of the command with the greatest determination, to overcome any difficulties on the hard path to victory over the enemy. From the outset the sniper movement started on the initiative of soldiers and commanders of law enforcement troops protecting rear area of the Leningrad Front. Later on this movement quickly deployed in units and subdivisions of the NKVD and the Red Army throughout the Soviet-German front, proving its effectiveness in both defensive and offensive battles.

---

¹ Ванин Дмитрий Юрьевич, начальник отдела НИЭР – заместитель начальника Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации (Москва).

² Магомедханов Виктор Магомедович, к.и.н., старший научный сотрудник Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации (Москва).

Key words: NKVD troops, Red Army, sniper movement, Defense of Leningrad.

Зародившееся в войсках НКВД на Ленинградском фронте массовое снайперское движение для многих бойцов и командиров явилось трудной и сложной школой истребителей германских захватчиков, в которой они учились и совершенствовались, став своего рода «стахановцами» в битве за свободу Отечества. Снайперы, в совершенстве осваивая боевое оружие, максимально используя его ресурсы, изо дня в день увеличивали счет уничтоженным гитлеровцам.

Безусловно, снайперы в войсках были и прежде, но именно начальник войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта Г.А. Степанов³ настоял на том, что мастеров меткого огня можно воспитывать сотнями, что этому делу можно придать большой размах⁴. Ленинградский почин войск правопорядка был подхвачен войсками НКВД, а затем и всей армией⁵.

Ленинградские снайперы Смолячков⁶, Пчелинцев⁷, Вежливцев⁸, Голиченков⁹ стали поистине народными героями и гордостью Красной Армии и войск НКВД, всего Советского Союза. На счету каждого из них были сотни уничтоженных оккупантов.

По определению «Боевого устава пехоты», принятого РККА в 1942 г., на снайпера возлагались задачи, которые он должен был выполнять в боевой обстановке: «...уничтожение снайперов, офицеров, наблюдателей, орудийных и пулеметных расчетов (особенно фланкирующих и кинжальных пулеметов), экипажей остановившихся танков, низко летящих самолетов противника и вообще всех важных, появляющихся на короткое время и быстро исчезающих целей. <...> Уметь уверенно поразить цель одним выстрелом. <...> Действовать ночью, в плохую погоду, на пересеченной местности, в районе

---

³ Степанов Григорий Алексеевич – советский военачальник, генерал-лейтенант.

⁴ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 38652. Оп. 1. Д. 30. Л. 273.

⁵ Пограничники. Сборник. М., 1977. С. 148.

⁶ Смолячков Феодосий Артемьевич – снайпер 13-й стрелковой дивизии 42-й армии Ленинградского фронта, Герой Советского Союза (1942 г.).

⁷ Пчелинцев Владимир Николаевич – снайпер 11-й стрелковой бригады 8-й армии Ленинградского фронта, Герой Советского Союза (1942 г.).

⁸ Вежливцев Иван Дмитриевич – снайпер 1-й стрелковой дивизии войск НКВД 8-й армии Ленинградского фронта, Герой Советского Союза (1942 г.).

⁹ Голиченков Петр Иванович – снайпер 1-й стрелковой дивизии войск НКВД 8-й армии Ленинградского фронта, Герой Советского Союза (1942 г.).

препятствий и мин. <...> Снайпер должен так же уметь показать трассирующей пулей и другими способами пехоте, артиллерии, минометам и противотанковым ружьям важные цели, не уязвимые пулей: танки, дот (дзот), орудия. В нужных случаях снайпер должен доводить огонь до наивысшего напряжения (отражение атаки), а также умело действовать в рукопашном бою (гранатой, кинжалом, прикладом)»¹⁰. Четко следуя поставленным задачам, советские мастера меткого огня развернули снайперское движение в огромных масштабах, с высокой эффективностью и результативностью.

Эффективная работа снайперов регулярно находила свое отражение в отчетных документах командования. Так, 3 июля 1942 г. заместитель наркома внутренних дел А.Н. Аполлонов¹¹ докладывал на имя Л.П. Берии: «В частях войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта были подготовлены 283 снайпера, которые с 27 апреля по 9 июня с. г. были направлены для получения стрелковой практики в части Красной Армии, находящиеся на передовой линии фронта. За этот период снайперами истреблено 1 148 фашистов. Отдельные снайпера, как, например, старшие сержанты 105-го пограничного полка Полубояринов и Аксаков в течение суток уничтожили до 10 фашистов каждый. Потерь убитыми со стороны снайперов нет, ранено 4 человека. Имея в виду, что подобная стажировка в условиях действительной боевой обстановки намного повышает подготовленность снайперского состава войск НКВД, считаю целесообразным практиковать посылку на передовые линии фронта снайперских команд войск НКВД»¹².

В сводке об оперативно-служебной деятельности войск НКВД СССР по охране железных дорог за сентябрь 1942 г. за подписью А.П. Курлыкина¹³ сообщалось: «...Особого внимания заслуживают боевые действия снайперских команд частей 23-й дивизии, проходивших практику на боевых участках Ленинградского, Волховского, Северо-Западного и Северного фронтов. В сентябре на боевых участках фронтов действовало 9 команд снайперов частей дивизии в количестве 245 человек. Снайперскими командами уничтожено 2 844 фашиста, 12 стереотруб, 9 перископов и 5 лошадей. За период же с 20.07 по 20.10.1942 г. снайперскими командами частей

---

¹⁰ Боевой устав пехоты Красной Армии. Ч. 1. М., 1942. С. 31-32.

¹¹ Аполлонов Аркадий Николаевич – государственный и военный деятель, генерал-полковник.

¹² РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 20. Л. 256.

¹³ Курлыкин Арсений Павлович – начальник войск НКВД по охране железных дорог, генерал-майор.

дивизии уничтожено 7 509 фашистов. Наши потери: убиты – 16 и ранено – 18 человек. 65 лучших снайперов за отличные показатели по истреблению фашистов награждены правительственными наградами, 84 снайпера в настоящее время представлены к награждению. Всего частями дивизии подготовлен 1 071 снайпер, из них прошли и проходят стажировку на боевых участках фронтов – 719 снайперов»¹⁴.

Создавая новые формы взаимодействия между подразделениями, снайперы одной из частей Ленинградского фронта так запугали фрицев, что те днем носа не высывали из блиндажей. Установив контакт с минометчиками, снайперы захватили с собой в засаду миномет, который «выкуривал» немцев из своих укрытий и подставлял под меткий огонь истребителей¹⁵.

В наступательных боях, которые вела наша пехота совместно с другими родами войск, немалую роль играл огонь из винтовок. Его удельный вес в общей массе пехотного огня был достаточно велик, что подтверждалось во время многих боев. На одних участках стрелки под прикрытием артиллерийского огня вели наступление, стреляя по немецким солдатам, засевшим в траншеях. На других - они вслед за танками врывались на позиции противника и расстреливали его в упор. Замаскировавшийся снайпер уничтожал немецкого пулеметчика или автоматчика, содействуя продвижению своей роты¹⁶.

Германское командование отмечало, что регулярные наступательные действия на позиции советских войск приносили определенные результаты, и даже после того, как цели атак были вроде бы достигнуты, советские снайперы продолжали осложнять жизнь немецким солдатам¹⁷. По наблюдению немецкой стороны, в Ленинграде жилища были обшиты деревянными панелями и обложены мешками с песком, а окна заколочены фанерой и картоном. Баррикады, символы революции, тянулись по улицам. Эти конструкции из камня и дерева были толщиной всего в метр или два и имели бойницы. Препятствием служили трамваи и автобусы, заполненные песком. Были созданы укрепленные позиции для пулеметчиков и снайперов общей численностью 20 000 человек¹⁸.

---

¹⁴ РГВА. Ф. 38288. Оп. 1. Д. 1. Л. 485-486.

¹⁵ *Медведев М.В.* Год войны против немецко-фашистских захватчиков. М., 1942. С. 32-33.

¹⁶ Оружие - наша сила, наша победа. Сборник статей в помощь агитатору и групповоду. М., 1942. С. 25.

¹⁷ *Seaton A.* Der russisch-deutsche Krieg 1941-1945. Frankfurt am Main, 1973. S. 108.

¹⁸ *Overy R.* Russlands Krieg 1941-1945. Hamburg, 2003. S. 170.

Так, в боевом отзыве командования 109-й стрелковой дивизии на снайперскую команду 82-го полка 23-й дивизии войск НКВД говорилось: «Снайпера показали исключительную организованность, стойкость и дисциплинированность. 26 августа 1942 г. при отражении вражеских атак снайпера разбили фашистов из снайперских винтовок и гранатами преградили путь фашистам. <...> Команда снайперов заставила зарыться немцев в землю...»¹⁹.

Одной из форм обмена, обобщения и передачи опыта работы по подготовке метких стрелков и их боевой деятельности на фронтах Великой Отечественной войны стали слеты снайперов войск НКВД. На слете снайперов-истребителей 1942 г. член Военного Совета Ленинградского фронта А.А. Жданов²⁰, давая характеристику замечательному движению истребителей, назвал их «стахановцами» фронта. Он сказал, что из искры этого движения разгорится пламя²¹. Один из таких слетов был проведен с 18 января по 14 февраля 1943 г. по распоряжению заместителя народного комиссара внутренних дел СССР А.Н. Аполлонова. В форуме участвовали: 291 человек, представлявших части и подразделения войск НКВД, и 18 человек в качестве руководителей. После проведенной конференции и 4-дневных инструктивно-методических занятий, с 29 января по 9 февраля 1943 г. участники слета в составе сводного батальона проходили боевую стажировку на передовых позициях 49-й армии, в результате которой снайперами – участниками слета – было выведено из строя 2 375 фашистских солдат и офицеров. За время пребывания в боевых порядках Красной Армии снайперы войск НКВД показали свои высокие боевые качества, образцы воинской дисциплины и порядка. За умелое уничтожение немецких оккупантов 28 лучших командиров и бойцов-снайперов были награждены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Благодаря четкой организации всех мероприятий слета и высокому качеству проведения инструктивно-методических занятий, все участники получили наглядный урок по организации и методике

---

¹⁹ ЦМ ВНГ (Центральный музей войск национальной гвардии). О. 4. Д. 20. П. 4. Инв. № 6075. Л. 2.

²⁰ Жданов Андрей Александрович – советский партийный и государственный деятель, в годы Великой Отечественной войны один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда.

²¹ Русская трехлинейная винтовка. Л., 1942. С. 29.

обучения снайперов в войсках и их стажировке в боевых порядках действующей Красной Армии²².

Участники одного из слетов снайперов 23-й дивизии войск НКВД, резюмируя итоги мероприятия, 15 мая 1943 г. обращались в листовке ко всем красноармейцам, командирам и политработникам частей дивизии: «...Помогая Красной Армии истреблять гитлеровских оккупантов, овладевая снайперским искусством, мы неустанно совершенствуем свою боевую выучку. Она необходима нам для того, чтобы с честью выполнить свои задачи, <...> чтобы нести службу так, как этого требует дело победы»²³.

В результате политико-воспитательной работы и благодаря практическим занятиям открывались новые личные счета по уничтожению немецких захватчиков, росло число снайперов, красноармейцы разворачивали между собой боевые социалистические соревнования, брали новые обязательства, осознавая ответственность за выполнение воинского долга²⁴.

Центральные и фронтовые газеты регулярно освещали работу снайперов на передовой, успешные операции мастеров меткого огня занимали особое место в сводках Совинформбюро, что наряду с повседневной деятельностью командиров и политработников, принимавших активное участие в практическом обучении сверхметких стрелков, служило пропагандой снайперского движения.

В одном из сборников фронтовой сатиры и юмора, авторами которого стали бойцы и командиры – непосредственные участники боев против немецких захватчиков, были такие строки:

«Если фрицам в блиндажах
Неспокойно спится,
Это очень хорошо,
Мы не любим фрицев!
Если меткий снайпер наш
Кокнул немца-гада,
Это очень хорошо,
Так ему и надо!»²⁵

---

²² Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 585.

²³ ЦМ ВНГ. О. 4. Д. 20. П. 6. Инв. № 2390. Л. 9.

²⁴ Политическая агитация среди красноармейцев. Опыт работы в частях Ленинградского фронта. Л., 1942. С. 46.

²⁵ Фронтовой юмор. Из фронтовой жизни. Библиотека красноармейца. М., 1942. С. 22.

Известный военный корреспондент И.Г. Эренбург²⁶, находившийся в действующей армии с самого начала войны и знавший все тонкости фронтовой жизни, так характеризовал одного из снайперов – защитника Отечества: «Вы знаете искусство снайпера: у Вас спокойствие, которое страшнее гнева. У Вас ясный глаз и твердая рука. Но в сердце Вашем огонь...»²⁷.

Фронтовой поэт Владимир Зотов, рассказывая о будничном героизме, когда была введена «Личная книжка истребителя фашистов», призывал в своих стихах к яростному истреблению немецких захватчиков:

«Вот, товарищ снайпер, в этой книжке
Честь твоя, и слава, и почет.
Боевым огнем в ней цифры выжги,
Не пером, а пулюю веди свой грозный счет!»²⁸

Один из основоположников отечественного снайперского дела Г.Ф. Морозов²⁹ писал: «Снайпинг – не ремесло, а большое искусство, которого достигают в результате упорной и непрерывной работы над собой, не ограничиваясь только отводимым для этого временем. Это особенно касается пребывания снайперов на фронте, где большое значение имеют инициатива, творчество, быстрота мысли, находчивость, хитрость, упорство и отвага и где широки возможности для огромного роста качеств снайпера»³⁰.

Советское правительство высоко ценило вклад снайперов-истребителей в борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Воинам Ленинградского фронта, среди которых были и мастера меткого огня, Смолячкову, Пчелинцеву, Голиченкову, Вежливцеву, Лоскутову³¹, Калинин³², Фомину, Яковлеву, Синявину и Козлову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя

---

²⁶ Эренбург Илья Григорьевич – писатель, поэт, журналист, военный корреспондент.

²⁷ От Сталинграда до Вены. Литературно-художественный сборник. Киев, 1945. С. 103.

²⁸ Сухотин Я., Хренов И. Защитники Ленинграда. Ленинград, 1942. С. 43-44.

²⁹ Морозов Григорий Федорович (1872-1947) – военный деятель, генерал-лейтенант.

³⁰ Морозов Г.Ф. Снайпинг и подготовка снайперов к бою. М., 1943. С. 1.

³¹ Лоскутов Степан Петрович – снайпер 294-й стрелковой дивизии 8-й армии Ленинградского фронта, Герой Советского Союза (1942 г.).

³² Калинин Александр Андреевич – снайпер 311-й стрелковой дивизии 54-й армии Ленинградского фронта, Герой Советского Союза (1942 г.).

Советского Союза. К 24-й годовщине Красной Армии в частях фронта насчитывалось 6 000 снайперов, уничтоживших более 30 000 фашистов³³.

Так, в наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза красноармейца П.И. Голиченкова – снайпера отдельной разведывательной роты 1-й стрелковой дивизии войск НКВД, отмечалось: «Отлично владея снайперским искусством, тов. Голиченков одним из первых в 8-й армии открыл личный счет уничтоженных фашистов. Всего из снайперской винтовки по 20 января 1942 г. он истребил 140 немецких солдат и офицеров. Тов. Голиченков своим личным примером бесстрашия и героизма, своей глубокой ненавистью к немецким оккупантам и беспредельной преданностью социалистической родине воодушевляет своих боевых товарищей на беспощадное истребление фашистов»³⁴.

Врагов не считают, их бьют! Такова издревле установившаяся традиция русских воинов. В ней выражен богатырский дух народа, яростная ненависть к иноземным захватчикам, посягающим на русскую землю. Верность этой традиции принесла героическому снайперу 82-го полка 23-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог Николаю Красношапке, ставшему для всех бойцов Ленинградского фронта выражением высокой и благородной воинской доблести, победу в бою³⁵. В наградном листе за подписью командира 82-го полка нашла свое отражение доблесть воина-снайпера: «Сержант Красношапка в боях за город Ленина проявил образец мужества, героизма и отваги. 26.08.1942 г. участок, где находился снайпер Красношапка, был атакован батальоном немцев. Находясь с небольшой горсткой снайперов, он принял неравный бой. Умело организовал и возглавил рукопашный бой в траншеях с ворвавшимися фашистами, уничтожая их штыком и гранатой. Упорно обороняясь отседавших немцев, мужественно отстаивал свою землю. В бою Красношапка был атакован восьмью бандитами. Метким броском гранаты Красношапка пять из них уничтожил, двоим – размозжил голову прикладом, восьмой сбежал. Будучи тяжело раненным осколком мины в правую руку, он продолжал драться как богатырь, преодолевая боль, уничтожал немецких захватчиков, бросая гранаты левой рукой – не покинул поля боя,

---

³³ *Фомиченко И.* Итоги зимних боев 1942-1943 гг. войск Ленинградского фронта. Ленинград, 1943. С. 11-12.

³⁴ ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 3. Л. 58.

³⁵ Герой Ленинградского фронта Николай Красношапка. Ленинград, 1944. С. 5.

продолжал руководить боем до тех пор, пока немцы не были отброшены на исходные позиции. В траншеях, где дрался Красношапка, оказалось до ста трупов немецких оккупантов. <...> Подвиг Николая Красношапки стал символом победы на Ленинградском фронте»³⁶.

Снайперское движение стало знаменательной вехой в героической летописи войск правопорядка. Как показал опыт Великой Отечественной войны, снайпер играл особую роль во время боевых действий, как правило, поражая противника с одного выстрела. Наводя ужас на немецко-фашистских захватчиков, многим из которых не суждено было вернуться с Восточного фронта, мастера меткого огня оставили о себе добрую память и передали богатейшие навыки для дальнейшего развития отечественной снайперской школы.

Для цитирования: *Ванин Д.М., Магомедханов В.М. Оборона Ленинграда: снайперское движение в войсках НКВД // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 78-86.*

---

³⁶ ЦМ ВНГ. О. 4. Д. 15. П. 1. Инв. № 6109.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

УДК 94(470.44).073+908(470.44)(09)

САРАТОВ В 1842 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕВИЗИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)

М.В. Бульчев¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: bulychev.m@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются документы ревизии хозяйственной деятельности Саратова в 1842 г. Представленные материалы характеризуют город как важный торгово-транспортный центр. Рассматриваются участие разных сословных групп в стационарной торговле, виды торговли, движение разных грузов по Волге. Выявлены причины устойчивого сокращения городских земельных владений.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, история крупного города середины XIX в., история населения, история экономического развития России.

SARATOV IN 1842 (BASED ON THE MATERIALS OF THE AUDIT OF THE ECONOMIC DEPARTMENT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS)

M.V. Bulychev

(Saratov, Russia)
e-mail: bulychev.m@yandex.ru

Annotation. The article analyses the documents of the revision of the economic activity of Saratov in 1842. The presented materials characterize the city as an important trade and transport center. Participation of different class groups in stationary trade, types of trade, movement of different cargoes along the Volga River are considered. The reasons of steady reduction of city land holdings are revealed.

Key words: Saratov Volga region, history of a large city of the mid-19th century, history of population, history of economic development of Russia.

В 1840-1842 гг. в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел произошла очередная реорганизация, приведшая к образованию так называемого «Временного отделения по устройству городского хозяйства», просуществовавшего до 1849 г. Первым действием этой

---

¹ Бульчев Михаил Владимирович (Саратов), к.и.н., доцент кафедры региональной истории и музееведения Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

новой структуры стала обширная по размаху² ревизия городского хозяйства ряда губерний, в том числе и Саратовской³. В губернии были командированы столичные чиновники с инструкциями. В Саратовскую губернию отправили 27-летнего чиновника особых поручений⁴, коллежского секретаря А.Я. Стобеуса⁵. Помощником ему выделили коллежского секретаря Безобразова.

В Российском государственном историческом архиве в фонде Хозяйственного департамента МВД отложилось дело о ревизии Стобеусом и Безобразовым Саратова⁶. Имеются объёмные материалы о ходе ревизии и в фонде Городской думы Государственного архива Саратовской области (Ф. 3, оп. 1, д. 2260).

Присланные столичные чиновники подвергли строгому анализу деятельность городской думы, а также мещанской управы. Среди прочих замечаний было обращено внимание на то, что в городских выборах и в думу, и в мещанскую управу «участвует весьма малое число лиц, в сравнении с общим числом городских обывателей»⁷. Недоумения вызвал и учёт принадлежавших городу территорий (об этом – несколько позже). В донесении от 4 августа 1844 г. А.Я. Стобеус сделал и критический анализ работ различных городских комиссий. Состав членов этих комиссий (особенно первых двух) позволяет сделать вывод о контроле местными чиновниками и городской верхушкой важнейшей городской собственности:

- комиссия об отдаче в оброк городских земель (открыта 30 ноября 1804 г.; председателем был губернатор, среди членов – городской глава, представители дворянства и купечества);

---

² Всего исследованием было охвачено 137 городов империи, в том числе все 14 городских поселений Саратовской губернии (включая посад Дубовку). См.: История Министерства внутренних дел. Ч. III. Кн. 3. СПб., 1862. С. 49.

³ К 1848 г. обследования были окончены лишь в 8 городах губернии. И даже в 1852 г. в некоторых городах ревизовались присутственные места и производилась съёмка городских земель. См.: Там же. С. 449, 690.

⁴ В этой новой структуре было всего пять чиновников особых поручений, что указывает на важность ревизии городов Саратовской губернии.

⁵ Стобеус Александр Яковлевич (28.11.1816-04.05.1890), потомок прусского дворянского рода, православный. После окончания Казанского университета служил чиновником особых поручений МВД. Закончил службу статским советником.

⁶ Дело начато в октябре 1843 г., а закрыто только в мае 1855 г., уже спустя немало лет после реорганизации «Временного отделения». См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 39. Д. 78.

⁷ Там же. Л. 143, 219.

- комиссия о продаже городских земель Саратова (учреждена 14 ноября 1819 г.; председателем был также губернатор, состав членов был более широкий – председатель казённой палаты, губернский предводитель дворянства, городской голова, депутаты купечества);

- комиссия о разборе обывательских мест (открыта 7 июля 1811 г.; основной её задачей было «склонение» городских обывателей к «добровольной сделке» при распределении дворовых мест);

- комиссия для составления городской обывательской книги (открыта в 1838 г.; состояла из городского головы и избранных депутатов и занималась внесением горожан в обывательскую книгу и определением доходов и расходов города);

- комиссии об оценке недвижимых имуществ городских обывателей (были учреждены по всем четырём частям города в 1839 и 1841 гг.).

Сохранились представленные думой ревизорам сведения о городском хозяйстве за 1840, 1841, 1842 и, частично (до июля) 1843 г. Наиболее подробными и близкими по времени к деятельности ревизоров являются сведения о городе за 1842 г., которые в совокупности дают представление о хозяйственном облике Саратова, о некоторых городских проблемах и занятиях его жителей. Нужно также отметить, что какой-либо экстремальной ситуации, способной повлиять на содержание представленных сведений не было: урожайность в губернии была средней, эпидемиологическая обстановка относилась «к числу благоприятных для народного здоровья», что позволяет использовать сведения этого года с предыдущими или последующими периодами истории города.

По сведениям министерства, Саратов в это время относился к числу городов со значительными доходами⁸ и был в двадцатке крупнейших городов империи с населением свыше 25 тысяч человек. По количеству жителей (42 200 человек в 1842 г.) на Волге его опережала только Астрахань (46 000 человек)⁹.

В 1842 г. в Саратове было объявлено 6 купеческих капиталов первой гильдии (один купец – коммерции советник и пять – почётные граждане), 13 – второй и 171 – третьей. Однако определить количество и состав торговцев простым подсчетом численности купцов нельзя. Местные власти отмечали, что мещане часто записываются в купеческое сословие не для торговли, а чтобы воспользоваться льготами, представляемыми

---

⁸ В их число, помимо двух столиц, входили Одесса, Рига, Казань, Астрахань, Нижний Новгород, Киев и Харьков. См.: История Министерства внутренних дел. Ч. III. Кн. 3. СПб., 1862. С. 71.

⁹ Там же. Ч. III. Кн. 2. СПб., 1862. С. 742-743.

купеческим званием¹⁰. Это, отчасти, объясняет значительный количественный рост купцов 3-й гильдии. В городской торговле участвовали и иногородние купцы – 19 капиталов (но все – третьей гильдии)¹¹. Некоторые из них вели не самостоятельное дело, а являлись представителями, комиссионерами купцов-оптовиков. К купеческой торговле имели определённое отношение и приказчики, дума насчитала 47 выданных свидетельств 1-го класса.

Уже традиционно, главнейшими видами саратовской купеческой торговли являлись: хлебная (которой занимались, по сведениям думы, до 70 торговцев), рыбная (53 торговца), соляная (18), сальная (21), лесная (12), панскими¹² товарами (12)¹³. Остальные – преимущественно лавочной или розничной торговлей разными товарами: железными, колониальными¹⁴, галантерейными, москательными¹⁵, стеклянной, хрустальной, фарфоровой посудой, кожевенными и разными крестьянскими товарами.

Довольно сложно точно определить значение мещанской торговли. Всех местных мещан насчитывалось 14 197 человек. Но, судя по числу выданных думой номеров на лавочки и лавки (165), и полагая (по мнению думы) средним числом оборот торговли в каждой до 500 руб. сер., все обороты мещан могли достигать (по расчётам чиновников) 99 тыс. руб.¹⁶ В масштабах торгового оборота одного из крупнейших городов Поволжья, эта сумма была невелика. В основном, роль мещан заключалась «в покупке на базарах и из оптовых лавок и перепродаж» съестных припасов и «других предметов домашнего употребления»: хлеба, соли, овощей, свеч и прочего, а также «разной рухляди»: ниток, тесёмок, пуговиц, иголок и других мелких изделий¹⁷.

Участником торговли в городе являлось и крестьянство. Впрочем, их роль в торговых оборотах губернского города тоже была незначительна.

---

¹⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6, 1862 г. Д. 53. Л. 8 об.

¹¹ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 159-159 об.

¹² Т.е. мануфактурным товаром. К «панскому» в значительной, но не единственной степени относились: шелковые, шерстяные, бумажные, суконные и др. ткани, а также пушной и меховой товар и др.

¹³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 160.

¹⁴ Т.е. привозными, преимущественно продовольственными товарами с юга: кофе, чаем, сахаром, рисом, пряностями и прочим.

¹⁵ К ним относились краски, клей, технические масла и другие химические товары.

¹⁶ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 161.

¹⁷ Там же.

В 1842 г. представлено 11 свидетельств третьего рода и 18 – четвертого. Все они давали право лишь на розничную торговлю. Возможно, значительная часть этих крестьян ограничивалась распродажей товаров на ярмарках и базарах города.

Саратов уже традиционно выполнял функции крупного распределительного пункта для грузов, прибывающих Волгой с верховьев и от Астрахани. Вполне справедливо саратовский краевед и публицист Д. Л. Мордовцев, несколько позже, в середине столетия, указывая на предпочтительность соединения железной дорогой с Москвой именно Саратова (из числа волжских городов), подчёркивал, что здесь находится центральная пристань Среднего и Нижнего Поволжья¹⁸. В навигацию 1842 г. к пристаням города прибыло 281 судно. Из них почти половину (135) составили расшивы, наиболее грузоподъемный тип волжского транспорта, воплотивший в себе лучшие качества многоцелевого речного судна¹⁹. Громоздких белян, приплывших, вероятно, с Камы или от Казани в своё единственное плаванье, было четыре. Пароходное движение было ещё большой редкостью, всего два парохода побывали здесь за весь период навигации. Остальные плавсредства, привезшие грузы к саратовским пристаням – разнокалиберные и разноцелевые суда: осланки, дощаники, кладные и сплавные лодки, коломенки, барки и полубарки, а также плоты и др.

Свыше 60 % стоимости всех грузов, доставленных по реке к городу, составляла астраханская рыба и различные рыбные товары²⁰. Из Саратова эти грузы частично распределялись по разным сухопутным трассам. Поставки прибывшей водой эльтонской и астраханской соли были незначительны, видимо, для нужд города и, отчасти, губернии. Более

---

¹⁸ Мордовцев Д.Л. О важности соединения Среднего Поволжья с центром России и южными морями. Саратов, 1857. С. 4 – 5.

¹⁹ Грузоподъемность расшивы составляла 15 и более тысяч пудов. Для хода вверх по Волге такому судну требовалось 20-55 бурлаков. Наиболее крупные расшивы ходили между Нижним Новгородом и Астраханью.

²⁰ Многие абсолютные показатели в разнообразных ведомостях, представленных думой и другими управленческими органами (особенно произведённые, привезённые, проданные товары в штучном, весовом или денежном выражении), сомнительны по своей точности, по причине несовершенства сбора статистических сведений. Статистические показатели официальных отчётов самим министерством признавались «недостаточными и сомнительными» (см.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 78. Л. 33). Поэтому желательно их использовать лишь в сравнительных характеристиках.

18% стоимости грузов составили колониальные, щепетильные²¹, москательные, галантерейные товары, обычные для крупного волжского города, которые поступали сюда и с верховьев, и из Астрахани (фрукты, чай и др.). Около 17% всех привезённых товаров (в суммарном выражении) пришлось на прибывшие с верховьев лесной и дегтярный товары. Железо и изделия из него, поступавшие с Урала и центра, составили всего 4%. Таким образом, в этот период, как и весь предшествующий, основной поток грузов и товаров поступал в Саратов с низовьев²².

Саратов, в рассматриваемое время, относился к пока ещё небольшой группе развитых городских центров страны, в коммерческой жизни которых ведущую роль в торговых оборотах начинала играть не периодическая форма (ярмарочная), а стационарная (магазинно-лавочная), дополнявшаяся базарами²³.

По оборотам стационарной торговли особенно выделялись довольно крупные заведения – рыбные лабазы²⁴ (64) и соляные (38), все размещённые в арендованных деревянных помещениях. На долю соляных лабазов пришлось свыше 44%, а рыбных – свыше 18% всех магазинно-лавочных торговых оборотов. В лабазной рыбной торговле особенно заметными были иногородние купцы: хотя им принадлежало лишь 11 заведений, обороты их торговли почти в полтора раза превышали показатели собственно саратовских купцов. Заметно было и участие торгующих крестьян. На три их лабаза пришлось около 14% сумм проданных товаров. Мещанская рыбная торговля имела вспомогательное значение. На мещанские 34 лабаза пришлось лишь немногим более 5% рыбных товаров. В соляной же торговле, как и ранее, саратовское купечество доминировало (57% проданной соли), заметно и участие мещан с их 33%. Крестьяне не участвовали в этой торговле²⁵.

В рассматриваемый период базары выполняли важную функцию снабжения горожан из первых рук дешёвыми продуктами питания и

---

²¹ Учитывая отдельно выделенные галантерейные товары, к щепетильным можно отнести парфюмерию, разные «дамские» товары: веера, кружево, перчатки, сумки и проч.

²² Подсчитано по данным ведомости о выгруженных на саратовской пристани товаров в 1842 г. См.: ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 166 об.-199.

²³ Булычев М.В. Динамика торговли в Саратовском Поволжье в первой половине XIX в. // Саратовский краеведческий сборник. Научные труды и публикации. Саратов, 2008. Вып. 4. С. 40-42.

²⁴ Т.е. капитальные бревенчатые или кирпичные складские помещения для хранения товара и оптовой или мелкооптовой торговли.

²⁵ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 136-149.

кормом для их лошадей и скота²⁶. Всегда особым спросом пользовалась ржаная мука, исходя из представленных сведений, на её долю пришлось в этом году (в денежном эквиваленте) около 32%, а ещё и пшеничная мука (сеяная и размольная) – 16%. Популярна у горожан была и гречневая крупа – около 23%, а пшено, горох и солод вместе составляли менее 7%. Остальное пришлось на овёс, сено и солому²⁷.

Промышленная деятельность была пока ещё незначительна. Вырученная в 1842 г. сумма продаж всех товаров предприятий более чем в 14 раз уступала оборотам стационарной торговли. Всего было 51 заведение с 436 работниками²⁸. 15 владельцев городских предприятий принадлежали к купеческому сословию. Если сравнить эти сведения с показателями 1830 г.²⁹, то можно отметить, что никаких позитивных изменений за это время не произошло. По-прежнему, наиболее заметными были купеческо-мещанские 10 салотопенных «заводов», на которых трудилось 70 наемных работников, а реализованная продукция заняла около четверти всех проданных товаров саратовских промышленных предприятий. Действовало 7 прядильных (сарпинковых) заведений (одно купеческое и шесть мещанских, в специально оборудованных деревянных постройках), которые имели самое большое количество наёмных работников – 150. Но объём продаж от общей суммы составил лишь немногим более 8%. Более результативными оказались четыре колокольных «завода» (один купеческий и три мещанские), размещённые в деревянных домах владельцев. В них числилось 37 работников, а сумма проданных товаров составила свыше 17%. Примерно на таком же уровне находились три купеческие табачные «фабрики», помещённые в каменных домах владельцев, в которых трудился 31 работник, а сумма продаж произведённой продукции составила около 14% и 10 кирпичных отдельно стоящих купеческо-мещанских «заводов» с 65 работниками и 15% от общей

---

²⁶ Сведения о наименовании привезённых в базарные дни товаров, их весе /объёме/, на какую сумму (в рублях серебром) представлены в думу рядскими старостами. Нет сведений по мясному, овощному рядам. Представленные данные, конечно, весьма приблизительные, но ими можно оперировать в сравнительных характеристиках.

²⁷ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 193 и об.

²⁸ Подсчитано по данным таблицы о фабриках и заводах города. См.: ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 150 об.-158.

²⁹ В 1830 г. в Саратове насчитывалось 58 предприятий с 713 работниками. См.: *Осипов В.А.* О некоторых чертах развития промышленности города Саратова к концу первой четверти XIX века // Научный ежегодник Саратовского государственного университета за 1955 год. Исторический факультет. Отд. II. Саратов, 1958. С. 25.

суммы продаж. Остальные – это так же размещённые в черте города полукустарного и кустарного типа заведения, устроенные (за исключением чугунного) в собственных домах владельцев: чулочное, суконное, шляпное, чугунолитейное, с незначительным удельным весом продаж произведённой продукции. К ним же добавляются размещённые на выгонной городской земле ещё одно мещанское чугунолитейное заведение и 11 ветряных и одна конноприводная мельницы - все местного значения³⁰.

На городской земле до 3500 мещан (т.е. четверть всех представителей данного сословия Саратова) занималась хлебопашеством. Там же 244 мещанина владели садами. Впрочем, наиболее доходные сады были у купцов. Кроме того, до 250 мещан (мужчин и женщин) были заняты «в чёрных работах» на пристани на погрузке и разгрузке различных товаров. Среди саратовских легковых извозчиков было до 60 мещан, а среди ломовых – 275. Много мещан было в услужении, «но число их, по неимению сведений, показать невозможно». Зато отмечается: «из дел мещанского общества видно, что из числа мещан значится неимущих, не платящих государственных податей 2000 душ»³¹. А это около 17% всех саратовцев данной сословной группы.

В Саратове, как и любом крупном городе, было достаточно ремесленников, обслуживающих потребности жителей. Наиболее заметными видами ремёсел (в каждом из которых было занято от 300 до 100 человек) считались, по данным думы, портной, сапожный, калачный, кузнечный, столярный. Далее, по убывающей (от 100 до 30 человек), значились: плотничный, каменный, штукатурный, тулупный. Постоянных цеховых ремесленников было немного: 50 мастеров, 12 работников и 5 учеников, тогда как временно записавшихся в цех было заметно больше: 684 мастера, 714 работников и 492 ученика.

Необходимой частью инфраструктуры городского пространства Саратова, крупного торгово-транспортного волжского центра, являлись заведения гостинично-трактирного типа. Вложить средства в этот вид предпринимательства могли все лица, имевшие право заниматься торговлей и промыслами. Впрочем, чтобы вести подобную деятельность, нужно было соблюсти ряд формальностей, получить разрешение городских властей. Система штрафов, вплоть до лишения содержателя разрешения на занятие этим промыслом, была средством для упорядочения и

---

³⁰ См.: ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 150-158.

³¹ Там же. Л. 161 и об.

контроля за правомерной деятельностью. Поэтому власти хорошо отслеживали число заведений, их местоположение, количество служащих.

Каменных купеческих гостиниц было 18, лишь две занимали собственные дома владельцев, а остальные – съёмные помещения. Одну съёмную гостиницу держал крестьянин. По-видимому, указанные заведения были пока ещё невелики: их обслуживало лишь 95 человек. Менее привередливые приезжие, а таковых было много, довольствовались 170 гостинными дворами. Все они были деревянными и принадлежали держателям. Это был, главным образом, мещанский промысел (146 дворов), купцы (в том числе один иногородний) держали лишь 21 двор, торгующие крестьяне – три.

По сведениям саратовской думы, в городе действовало 8 трактиров, принадлежавших только местным купцам. В них обслуживали посетителей 42 работника. Все трактиры располагались в наёмных каменных домах. В городе насчитывалось также 20 купеческих и пять казачьих «погребов», торговавшими виноградными винами. Большинство хозяев арендовали помещения в каменных домах. Все эти незначительные «погребки» обслуживало лишь 33 работника. Кроме того, шестерым купцам (в том числе одному иногороднему) и двум мещанам принадлежали совсем уж маленькие «портерные и пивные» лавочки, занимавшие деревянные наёмные помещения, в которых числилось по одному сидельцу. На такой большой город пришлась лишь одна маленькая (два служащих) кондитерская, принадлежавшая иностранцу³².

Особенностью Саратова, по сравнению с другими европейскими губернскими центрами, было наличие обширных городских земель, пожалованных Петром I в 1701 г.³³ Впрочем, в дальнейшем земельные владения Саратова имели устойчивую тенденцию к сокращению: часть земель была отведена городским казакам, под устройство других поселений, или была захвачена дворянами, чиновниками и купцами. В бумагах ревизора содержится копия отчёта собрания Саратовского «градского общества» от 10 февраля 1842 г., на котором рассматривался вопрос о городских землях. Горожане, отмечая изъятие больших участков земель, сетовали, что помещики, занявшие лучшие земли «не ограничились одною таковою Высокомонаршею милостью³⁴, они, в совершенное

---

³² ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2260. Л. 130-135.

³³ Городу отмежевали более 233 тыс. дес. на нагорной стороне и более 65 тыс. – на луговой. См.: *Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени.* СПб., 2010. С. 45.

³⁴ Имеется ввиду указ Павла I о наделении всех «самовольно поселившихся» на городских землях Саратова из расчёта 15 дес. на душу по 5 ревизии 1795 г.

разрушение городской собственности, при межевании³⁵ разобрали лучшие земли, истребили леса и многие тысячи десятин покосов превратили в пашни; сверх того, вместо написанных по 5 ревизии душ, помещены в ведомость Казённой палаты и те, кои вовсе наделены не были, [а] перечислены 797, 798, 799, 800 и 802 годов». Отмечено и потворство чиновников в виде незаконных приписок: «...при обмежевании уездным землемером помещичьих крестьян, показано 3407 душ, вместо действительно поселённых 2700 душ». Да и после Генерального межевания «помещики... вновь присвоили себе из градской земли до весьма большого количества, некоторые присоединением к прежним дачам, а прочие посредством нового самовольного заселения»³⁶. По мнению собрания, помещичьи самозахваты городской земли запустили цепную реакцию противоправных действий: «...смотря же на это своеволие и другого сословия люди, в том числе и граждане [т.е. горожане], завели хутора и при них хлебопашество и скотоводство, а некоторые – сады, огороды и другие хозяйственные заведения, на что со стороны общества также принесены жалобы и по оным чинится исследование о всех самовольно захвативших городскую собственность». Подсчитано, что на городских землях живут 1498 душ купцов и «разного звания мещан», упражняясь в хлебопашестве, а у города сейчас уже нет поблизости выгона для скота, и его приходится отгонять за 10 и более вёрст³⁷. Собрание выступило и против свободной продажи городских земель, так как это подорвало бы основу существования тех горожан, которые на законном основании занимаются хлебопашеством или скотоводством. Распродажа земли нанесёт удар и по городской торговле, ведь в Саратов в большом количестве стекаются извозчики, кормящие скот на городских землях. Собрание потребовало переселения с городских земель казаков Астраханского войска, которые не нужны для охраны города и государственных крестьян, в частности, Саратовской Пригородной слободы, из числа которых «многие уже перешли в городское сословие, а другие, доселе проживая в городе Саратове, завладели выгонною городскою землею, и, сверх того, пользуются одни, без участия граждан, Беклемишевским островом»³⁸.

Ревизия так и не смогла разрешить эту сложнейшую, запутанную саратовскую проблему. В записке, составленной в сентябре 1846 г. уже

---

³⁵ Генеральное межевание происходило на саратовском правобережье в 1798-1801 гг.

³⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 78. Л. 69 об.-71.

³⁷ Там же. Л. 70 об.-72.

³⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 78. Л. 73-75.

титულярным советником Безобразовым, видимо, продолжавшим дело Стобеуса, отмечено, что Саратову было пожаловано Петром I до 200 тыс. дес.³⁹, а «ныне же остается во владении города до 70 тыс. [дес.], но и из них еще предполагаются отрезки... Дело о саратовских землях тянется более 1/2 века; рассматривалось по нескольку раз и по нескольку лет во всех инстанциях»⁴⁰.

Уже значительно позже, в ответах на запросы другой ревизии Министерства внутренних дел⁴¹, которую возглавлял гр. Ю.И. Стенбок, Саратовская городская дума смогла представить более точные сведения о принадлежавших в 1853 г городу 73 638 дес. земли. Сам город занимал 2000 дес, 12 974 дес. было выделено под выгон городских табунов. Из оставшихся 58 664 дес., 497 дес. было занято садами на праве потомственного пользования, под лесом находилось 7 346 дес., а остальная территория отдавалась с публичных торгов в аренду. Кроме того, по решению Сената было оставлено за владельцами, со взысканием с них в пользу города единовременной платы, под садами, пожнями и хуторами – 6 736 дес.⁴²

Уже проанализировав разнообразные затребованные сведения, в донесении в министерство от 4 августа 1844 г. ревизор обобщенно и довольно лестно характеризует город: «Город Саратов, имея более 40 тысяч жителей обоюбого пола, значительное количество торговых капиталов, и, пользуясь особенными выгодами по положению на реке Волге, служит средоточием промышленности обширного края, отдаленного от центра России. В городе Саратове особенно развиты важнейшие отрасли торговой промышленности: хлебной, соляной, рыбной, лесной, дегтярной; по обилию земель в окружности Саратова жители его в значительном количестве занимаются хлебопашеством, скотоводством и садоводством. Не менее важны также в городе Саратове, по сравнению с другими,

---

³⁹ Возможно, автор учитывал только правобережные земли.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 78. Л. 106.

⁴¹ Ревизия проходила в 1854-1855 г. и исследовала современное состояние раскола в губернии. См об этом: *Булычев М.В.* Состояние раскола в Саратовской губернии середины XIX в. (по рукописи А.И. Артемьева) // Памятные даты отечественной и местной истории и документальное наследие. Саратов, 2009. С. 68-76.

⁴² Между прочим, участки, оставленные за владельцами садов, в основном были небольшие: на 966 дес. пришлось 252 хозяина – купцы, чиновники и мещане (наиболее крупный сад – 58 дес., принадлежал купеческой жене А.И. Ховриной). Более заметны участки пожен (т.е. покосов) – 63 владельца 2 698 дес. (здесь выделялись два участка именитого гражданина Е.Н. Карцева – 285 и 118 дес.). Четыре владельца хуторов имели 3 071 дес. См.: ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3090. Л. 13-36, 47.

отдаленными от столиц губернскими городами, ремесленные и фабричные промышленности, а равно и все мануфактурные производства, поддерживаемые требованиями местных потребителей»⁴³.

Представленные думой материалы также подтверждают значение Саратова, прежде всего, как крупного торгово-транспортного центра на Нижней Волге. Материалы ревизии фиксируют уже уходящий в прошлое город. В следующем, 1843 г., на Волге появится первое пароходное общество «По Волге», затем «Меркурий», «Самолёт» и другие. Возрастет скорость движения и объёмы прибывающих в город грузов. В 1856 г. будет построена первая паровая мукомольная мельница, впрочем, проработает она недолго и лишь с 1865 г. возобновит работу. К концу дореформенной эпохи население города удвоится, наметятся изменения в социальной структуре горожан. В 1850-х гг. саратовская общественность заговорит о необходимости соединения города железной дорогой с центром страны, с Москвой. В 1871 г. она будет построена. Это, наконец, даст мощный импульс развитию и торговли, и промышленности Саратова.

Для цитирования: Булычев М.В. (Саратов). Саратов в 1842 г. (по материалам ревизии хозяйственного департамента Министерства Внутренних Дел) // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 87-98.

---

⁴³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 78. Л. 32-32 об.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ВОЛЖСКОГО СТАЛЕЛИТЕЙНОГО ЗАВОДА

С.А. Коробкин¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: sergsar2001@yandex.ru

Аннотация. Эпоха промышленного подъёма в России к. XIX в. – н. XX в. ознаменовалась развитием на территории Саратовской губернии новых видов производства, среди которых – металлургия. Центральное место в этом направлении промышленности занимал Волжский сталелитейный завод, ставший наряду с Царицынским металлургическим заводом «Урал-Волга» крупнейшим предприятием в Саратовском Поволжье. В статье рассматривается малоизученная история этого завода, его структура, ассортимент выпускаемой продукции и рынки сбыта. Описаны условия труда, график работы служащих завода. Обозначены причины столь короткой истории сталелитейного производства в Саратове.

Ключевые слова: Волжский сталелитейный завод, п. Юриш, п. Деконский, Царицынский металлургический завод «Урал-Волга», металлургическое производство, Саратовская губерния.

VOLGA STEEL WORKS: THE HISTORY OF A FORGOTTEN ENTERPRISE

S.A. Korobkin

(Saratov, Russia)

e-mail: sergsar2001@yandex.ru

Annotation. The era of industrial boom was marked by the development of new types of production on the territory of Saratov province, among them - metallurgy. The central place in this direction of industry is occupied by the Volga Steel Works, which became, along with the Tsaritsyn Metallurgical Plant «Ural-Volga», the largest enterprise in the Saratov Volga region. The article deals with the little-studied history of the Volga Steel Plant, its structure, range of products and markets. Labor conditions and work schedule of the plant's employees are described. The reasons for such a short history of steel production in Saratov are outlined.

Key words: Volga Steel Works, Tsaritsyn Metallurgical Plant «Ural-Volga», metallurgical production, Saratov Province.

---

¹ Коробкин Сергей Андреевич, студент обучения Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Рубеж XIX – XX вв. ознаменовался для экономики Российской империи быстрыми темпами промышленного роста, увеличением роли предпринимательства, ростом численности рабочего класса. Развитие промышленности предопределило ускорение процесса урбанизации. По данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи», проведённой в 1897 г., в городах насчитывалось более 16,5 млн. жителей (13% всего населения страны). По сведениям данной переписи, в Саратове проживало 137 100 человек², что ставило его на 12 позицию в списке крупнейших городов империи по численности населения.

Рост промышленных предприятий, активное строительство железных дорог и развитие волжского пароходства способствовали увеличению роли металлургии и машиностроения в экономике Российской империи. В период промышленного подъёма 1890-х гг., сопровождавшегося интенсивным внедрением иностранного капитала, в Саратовской губернии были построены сразу два однопрофильных металлургических предприятия – Волжский стальной и Царицынский металлургический (с 1922 г. – «Красный Октябрь») заводы. Принимая решение о создании нового типа производства в Нижнем Поволжье, предприниматели руководствовались идеей использования дешёвых нефтяных остатков как новым видом топлива, а также выгодным географическим положением Саратова и Царицына³.

У истоков создания крупного металлургического предприятия в Саратове стояла французская компания, которая при участии Русского Торгово-Промышленного банка учредила в 1895 г. «Общество Волжского стального завода»⁴. В планах акционерного общества было строительство южнее города завода с расчётом на использование покупного чугуна и местной руды.

Акционерное общество «Волжский стальной завод» было тесным образом связано с именем предпринимателя П.П. фон Дервиза, являвшимся крупнейшим акционером Торгово-Промышленного банка. Саратовская губерния была одной из финансово-промышленных «вотчин» Дервиза. Помимо тесной связи с Волжским заводом, его капиталы через банковские структуры присутствовали в Обществе РУЖД,

---

² Население городов по переписи 28-го января 1897 года // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1897 - 1905. С. 18.

³ Клячко А.Х. Кризис перепроизводства 1900-1903 годов в Саратовской губернии // Труды Саратовского экономического института. 1951. Т. 3. С. 120.

⁴ Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 265.

Глухоозёрском цементном заводе в Вольске, Обществе пароходства на Волге и других компаниях⁵.

В 1898 г. общество Волжского стального завода, через своего представителя горного инженера В.В. Воронцова, обратилось в Саратовскую городскую управу с ходатайством «о дозволении заводу делать в окрестностях Саратова геологические исследования <...> на различные необходимые материалы», в частности, железной руды⁶. Разрешение городских властей было получено, и в августе того же года предприниматели сообщили о нахождении залежей руды в районе Клещёвского и Трофимовского разъездов и заявили о желании взять в аренду участки городской земли для её дальнейшей разработки. Городская Дума выразила своё согласие и создала специальную комиссию, главной задачей которой стало обеспечение интересов города от данной сделки⁷. Однако осмотр, проведённый членами комиссии на местах разведок Волжского завода, показал скудность залежей руды. Эксперты не сочли возможным дать конкретное заключение о размере рудных слоёв, сославшись на дефицит данных. При этом они не исключали, что на больших глубинах могут оказаться более мощные рудоносные слои, но отмечали, что «все рудные богатства могут ограничиться восьмидюймовыми пластами»⁸. По итогам своей работы комиссия предложила Управе сократить площадь сдачи земли (не более 2 000 десятин), и не сдавать эту землю в аренду на 90 лет (как того требовал представитель завода), или до полной выработки⁹.

Очевидно, акционеры Волжского завода имели большую уверенность в рудниковых запасах окрестностей Саратова, о чём говорят предложенные городу условия. Однако, никакой доказательной базы в основе подобных суждений не было. Когда завод был построен, выяснилось, что пласты руды слишком незначительны для промышленной разработки.

Общество стало испытывать финансовые трудности. Ещё до открытия производства, 27 ноября 1897 г. были выпущены дополнительные облигации на сумму 750 тыс. рублей, которые приобрёл Петербургский частный и Русский Торгово-Промышленный банки¹⁰. В виду нехватки дешёвого сырья, промышленный гигант был обречён на работу в

---

⁵ Клячко А.Х. Указ. соч. С. 120.

⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1528. Л. 84.

⁷ Там же. Л. 84.

⁸ Там же. Л. 84 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Бовыкин В.И. Указ. соч. С. 266.

условиях дефицита оборотных средств, и вскоре, с началом производства, предприниматели стали нести убытки. В 1898-1899 гг. убытки предприятия составили 120 тысяч рублей. За год цена акций упала с 187 рублей до одного рубля¹¹. В июне 1898 г. правление Частного банка с Русским Торгово-Промышленным дополнительно приобрели 2 500 акций Общества Волжского стального завода. В качестве альтернативы привозному чугуну 23 января 1899 г. акционеры приняли решение о строительстве доменной печи для выплавки этого металла на самом предприятии. Руду пришлось привозить с Урала. Кроме того, за короткий период цена нефтепродуктов выросла вдвое, что принесло дополнительные расходы. Вместо использования подорожавшего мазута приходилось использовать уголь для работы мартеновских печей, доставляемый из Донбасса. В связи с этим, капитал предприятия был увеличен с 1,5 до 3 млн. рублей. Незадолго до этого Частный банк начал переговоры о создании «синдиката» для предоставления акционерному обществу аванса в размере 1 200 000 руб. за счёт нового выпуска его акций¹².

Приобретение столичными банками всё большего количества ценных бумаг и создание «синдиката» говорит о росте коммерческого интереса к этому производству на раннем этапе. Об это свидетельствует ещё и тот факт, что в 1899 г. в состав правления акционерного общества вошёл представитель Частного банка К.Л. Вахтер¹³.

В 1900 г. для повышения эффективности управления была учреждена администрация по делам «Акционерного общества Волжского стального завода». В конце того же года руководство завода заявило о желании расторгнуть договор об аренде городской земли из-за отсутствия в ней руды пригодной для промышленного производства, и потребовала от городских властей вернуть залог с процентами в размере 30 000 рублей. Любопытно, что ещё до заключения договора производственный инспектор завода Свешников отмечал незначительность залежей руды в городской земле. Несмотря на это, предприниматели взяли на себя обязательство начать добычу уже с 1 января 1899 г., т.е. через 15 дней после заключения соответствующего договора с городом¹⁴. Стоит ли говорить, что двух недель явно недостаточно для организации полноценных изысканий на площади в 2 000 десятин. Разумеется,

---

¹¹ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894 – 1917). Т. 2. Ч. 2. / Под ред. И.В. Пороха. Саратов, 1999. С. 52.

¹² Бовыкин В.И. Указ. соч. С. 266.

¹³ Там же. С. 266.

¹⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1528. Л. 152 об.

городские власти не пошли на выполнение выдвинутых требований, и дело было подано на рассмотрение в Саратовский окружной суд, который признал «апелляционные доводы и требования администрации Волжского завода не заслуживающие уважения»¹⁵.

Волжский стальной завод стал крупнейшим предприятием в Саратовской губернии, на котором трудилось свыше 1 000 человек (на раннем этапе 2 000). Основная часть рабочих проживала в близлежащих посёлках Юриш и Деконский, от 76% до 93% мужского населения которых трудилось на этом предприятии¹⁶. Названные по именам владельцев здешних земель В. Юриша и Г. Деконского, посёлки состояли из группы мелких деревянных построек и полужемлянок, беспорядочно разбросанных по склонам оврага Мутный Ключ. Большая часть жителей проживала в условиях антисанитарии. Из-за некачественного водоснабжения были распространены холерные заболевания. «Нет дома, где не было лихорадки» - отмечала местный фельдшер¹⁷.

И всё же, при заводе было организовано медицинское обслуживание. Имелась больница на 20 мест, размещавшая в бараке, аптека и амбулатория¹⁸. За врачебную помощь рабочим полагались бесплатные лекарства, которые предоставлялись исключительно по назначению своего заводского врача. Затраты на лечение в других больницах предприятие не возмещало¹⁹. В целом медицинская помощь при заводе была ничтожна. Больных рабочих обслуживали два фельдшера, которые «являлись и хирургами, и терапевтами, вообще специалистами по всем болезням»²⁰. Кроме того, медицинское помещение плохо отапливалось, из-за чего, однажды, больного пришлось отправить в городскую больницу, где он через сутки скончался²¹.

В 1900 г. на заводской территории был освящён храм Петра и Павла, построенный «тщанием служащих и рабочих Волжского стального завода». Церковь была «деревянная, обложенная камнем, с такою же колокольней»²². К церковному приходу относились посёлки при заводе (Юриш и Деконский), а также Муравлевка, Верхняя Стрелковка,

---

¹⁵ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1528. Л. 153-154.

¹⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894 – 1917). С. 52.

¹⁷ Лопуховский А. Волжский сталелитейный завод // Саратовская земская неделя. 1904. № 9. С. 110.

¹⁸ Там же. С. 109.

¹⁹ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 457. Л. 14.

²⁰ Гумин А. Заводская поликлиника // Коммунист. 31.12.1946.

²¹ Лопуховский А. Указ. соч. С. 109.

²² Справочник Саратовской епархии. 1912 год. Саратов, 1912. С. 20.

Рокотовка, Юнгеровка и Заплотина (в общей сложности 252 двора и 1 408 человек)²³. Ныне все эти населённые пункты входят в состав Заводского района Саратова.

Тогда же при храме была открыта церковно-приходская школа, сохранившаяся за счёт завода. Количество учащихся возрастало. Только за 1904 г. оно увеличилось с 67 до 95 человек, из-за чего возникла необходимость в расширении учебного заведения. В этой связи руководство предприятия обращалось за финансовой помощью к губернскому присутствию²⁴.

После революции церковь и школа при ней были закрыты. В 1929 г. бывшее церковное здание было передано под красный уголок²⁵. Затем, в перестроенном здании, которое к тому моменту оказалось на территории авиационного завода, находилась модельная мастерская²⁶. В период с 2009-2010 гг. это строение, наряду с другими корпусами обанкротившегося САЗа, было снесено.

Будучи крупным предприятием, завод обладал весьма обширной производственной инфраструктурой, в состав которой входила нефтекачка, водокачка, электростанция, была проведена железнодорожная ветка.

Промышленный гигант состоял из 10 цехов: прокатного, сталелитейного, чугунолитейного, модельного, молотового, тигельного, механического, строительного, котельного и хозяйственного²⁷. Крупнейшим из них был сталелитейный, насчитывающий 349 рабочих. 800 человек (из 1 003), по данным за 1900 г., были застрахованы «С.-Петербургским об-м страхований» на случай смерти на площадке производства, получение инвалидности и временную потерю трудоспособности²⁸. Средняя зарплата рабочих завода составляла 32,5 руб. в месяц, или 390,6 руб. в год²⁹. Для сравнения, в среднем по Саратовской губернии в 1900 г.

---

²³ Справочник Саратовской епархии. 1912 год. С. 20.

²⁴ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 230. Л. 54.

²⁵ *Кортин Б.* Комбайнстрой сегодня // Поволжская правда. 23.11.1931.

²⁶ План заводской территории ЗАО «САЗ». Сайт Саратовского авиационного завода // URL: http://saz.ucoz.ru/news/skhema_zavoda/2014-02-28-4 (Дата обращения: 20.11.22).

²⁷ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 224. Л. 19.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 523. Л. 23 об.

заработная плата в сфере металлообработки составляла 324,4 рубля в год (т.е. около 28 руб. в месяц)³⁰.

Как и на ряде других предприятий, на Волжском стальном заводе существовала система натуральной выдачи части зарплаты в виде продуктов, порой низкого качества. Рабочие покупали товар в кредит в лавочках, и контора завода сама с ними расплачивалась. Порой продукты по такой схеме продавались по особой расценке³¹. Карательная система штрафов забирала до половины заработка.

Рабочие трудились в две смены по 12 часов: первая – с 6 часов утра до 6 вечера, ночная – 6 часов вечера до 6 утра³². Опоздание на 10 минут без указания причины приравнивалось к прогулу без права прохода на заводскую территорию. Работа в цехах начиналась по сигналу свистка³³. Цеховые рабочие объединялись в артели, которые находились в распоряжении начальника цеха. Общее руководство производством осуществляло заводоуправление³⁴. Наиболее тяжёлые условия труда были в мартеновском (сталелитейном) и прокатном цехах, в которых шло непрерывное производство. В этих цехах царил невыносимая жара от печей, и был сухой, наполненный копотью, воздух. «Проходя по цехам – пишет автор заметки в периодическом издании «Саратовская земская неделя» - мы видели, как рабочие забрасывали в зияющие жерла печей материалы, а другие <...> рядом обедали на грязных, черных от копоти столах»³⁵. В 1946 г. в газете «Коммунист» была опубликована заметка, в которой приводились воспоминания мастера ремесленного училища В. Карева: «Работали за грошовую плату от 6 часов утра почти до самой ночи в адских условиях. Завалка мартеновских печей, подвозка сырья – всё делалось вручную. Недели не проходило, чтобы кто-нибудь из рабочих не получил ожога или увечья»³⁶.

Тем не менее, служащие завода были застрахованы и числились за «Санкт-Петербургским обществом страхования». В случае смерти на производственной площадке полагалась выплата семье в размере тысячекратного дневного заработка. На случай инвалидности – компенсация 2-х тыс. кратного заработка. В случае временной потери

---

³⁰ Клячко А.Х. Материалы о положении промышленных рабочих Саратовской губернии // Труды Саратовского экономического института. 1949. Т. 2. С. 61.

³¹ Там же. С. 63.

³² ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 224. Л. 46.

³³ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 457. Л. 45.

³⁴ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 230. Л. 101.

³⁵ Лопуховский А. Указ. соч. С. 106.

³⁶ Карёв В. Любите свой завод // Коммунист. 20.05.1940.

способности к труду – посуточная выплата в размере 50% от дневного заработка³⁷. Поскольку несчастные случаи на производстве были не редки, можно предположить, что страховые выплаты осуществлялись весьма избирательно, и далеко не всегда полученные увечья признавались по факту работы на производстве.

Известны имена людей, которые в разные годы руководили заводом. В 1897 г. на должность главного инженера был назначен известный горный инженер, прибывший в Саратов с Урала, А.Ф. Шуппе, в ведении которого было строительство, проектирование и оборудование нового предприятия. Первым управляющим завода стал Л.П. Василевский, занимавший свою должность до 1900 г., после чего его сменил В.П. Ануфрович, проработавший на своей должности чуть более года. В мае 1901 г. новым управляющим стал В. Урбанович³⁸.

Предприятие специализировалось на выпуске высоких сортов мартеновской стали, фасонных стальных отливок, ковальной и катаной стали специальных профилей. Продукция имела широкий рынок сбыта. В частности завод, по данным за 1904 г., выполнял заказы КВЖД и РУЖД, осуществляя поставку фасонного литья для паровозов, составные части вагонов и железнодорожных стрелок. Осуществлялось производство стальных остовов для электрических машин Московского электрического общества. Среди заказчиков были такие саратовские предприятия, как гвоздильно-проволочный завод Гантке, машиностроительный завод Беринга, паровые мельницы (заказывающие мельничные шары). Кроме того, завод занимался изготовлением колокольных языков для церквей³⁹. Выпускаемая продукция имела высокое качество. В сравнении с царичынским собратом, металлургическим заводом общества «Урал-Волга», «Саратовская сталь была по качеству лучше»⁴⁰. В 1900 г. руководство Волжского стального завода вело переписку по поводу участия во всемирной выставке в Париже 1900 г. в составе 16-й группы российской экспозиции⁴¹.

Однако, из-за отсутствия продуманной логистики поставок сырья, деятельность Волжского завода постепенно ликвидировалась. Если в 1898 г. сумма производства составляла 500 000 руб., то уже в 1900 г. около – 400 000 руб. Количество рабочих уменьшилось практически вчетверо.

---

³⁷ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 523. Л. 22.

³⁸ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 230. Л. 38.

³⁹ Там же. Л. 230.

⁴⁰ Карёв В. Указ. соч.

⁴¹ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 457. Л. 15.

Если в 1898 г. на предприятии трудилось около 2 000 человек, то в 1902-1903 гг. насчитывалось лишь 600 рабочих⁴².

Значительную роль в крахе промышленного гиганта сыграл экономический кризис 1900-1903 гг. охвативший всю российскую промышленность. Первые кризисные тенденции наблюдались уже в 1899 г. Кризис начался в легкой промышленности, но поразил в большей степени тяжелую. В общей сложности в России закрылось до 3 тыс. предприятий⁴³. Саратовский край относился к числу районов, наиболее пострадавших от кризисных явлений. В этот период металлообработка отесняется со своих позиций в промышленности региона. Старший фабричный инспектор в своем отчёте за 1900 г. указывал, что «стальной завод не смог создать достаточного рынка для своей деятельности благодаря недостаточной покупательной силе населения, обедневшего после ряда неурожаев и других экономических причин»⁴⁴. В 1901 г. объёмы производства сократились на 20%. Заметно уменьшилось количество рабочих (с 1 000 до 683), а в сентябре администрация завода сократила рабочее время формовщиков. Через год молотовый цех был переведён на 4 дневную рабочую неделю⁴⁵.

Существенно сократились финансовые обороты и конкурирующего металлургического завода «Урал-Волга» в Царицыне. На предприятии были перебои в поставках топлива и металла. Позже была введена 4-х дневная рабочая неделя. Однако, выгодное географическое положение и удобный доступ к источникам сырья (прямое железнодорожное сообщение с Донбассом и Криворожским рудным бассейном), а также более эффективное управление позволили успешно преодолеть кризисные явления. Уже с 1903 г. завод начал увеличивать объёмы производства, в то время как Волжский стальной переживал упадок. В условиях постоянных перебоев поставок сырья, предприятие не могло выдержать соперничества с царицынским конкурентом. В 1903 г. Волжский стальной завод был передан в аренду «Урало-Волжскому»

---

⁴² Саар Г. Саратовская промышленность в 90-х и в начале 1900-х гг. Саратов, 1928. С. 20.

⁴³ История России XX - начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М., 2007. С. 21.

⁴⁴ Цит. по: Клячко А.Х. Кризис перепроизводства 1900-1903 годов в Саратовской губернии. С. 121.

⁴⁵ Клячко А.Х. Указ. соч. С. 126.

обществу, что фактически ознаменовало его поражение в конкурентной борьбе⁴⁶.

Первые два года работы под «крылом» бывших конкурентов ознаменовались стабилизацией объёмов выпускаемой продукции и незначительным увеличением числа рабочих (с 600 до 650 человек). Однако, в 1905 г. их количество сократилось до 500 человек, что являлось отражением революционных потрясений⁴⁷.

12 января 1905 г. служащие Волжского стального завода, вместе с рабочими предприятий Беринга, Гантке, железнодорожных мастерских и депо, присоединились к всеобщей стачке. Все предприятия города остановились. 13 января в письме старшему фабричному инспектору заводоуправление сообщало что «в виду тяжёлого экономического положения завода, находящегося в аренде, забастовка может повлечь за собой окончательное закрытие завода»⁴⁸. После забастовок на завод были направлены вооружённые «стражники», дежурившие в каждом цехе. Рабочим не разрешалось собираться в количестве более трёх человек⁴⁹. В условиях периодических простоев и сокращения производства, рабочие прокатного цеха были полностью переведены на сдельную зарплату. На фоне забастовок последовала новая волна увольнений. Количество рабочих сократилось вдвое.

В январе 1906 г. серьёзно истощились запасы угля, из-за чего завод в очередной раз оказался под угрозой закрытия. Причиной стала задержка доставки купленного угля из Донбасса по линиям Екатеринославкой и Юго-Восточной железных дорог⁵⁰. В последний год своей работы завод испытывал дефицит заказов, из-за чего началось поэтапное сокращение оставшихся 300 рабочих. Полный расчёт с ними был назначен на 1 августа 1906 г, тогда же производство было окончательно остановлено⁵¹. Однако, в справочном издании за 1908 г. завод всё ещё значился как «временно закрытый», что может говорить о надеждах собственников на восстановление производства⁵². На самом деле начался

---

⁴⁶ Маркушина С.В. Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX в. Вольск, 2013. С. 66.

⁴⁷ Приложение к всеподданнейшему отчёту Саратовского губернатора за 1905 г. Ведомость № 4; То же за 1903, 1904 гг.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 230. Л. 82.

⁴⁹ Карёв В. Указ. соч.

⁵⁰ ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 230. Л. 108.

⁵¹ Там же. Л. 111.

⁵² Иванов П.Г., Хачко А.К. Справочная книга русских и иностранных предприятий. СПб., 1908. С. 119.

демонтаж оборудования, пошли под слом корпуса. Остатки завода продали на слом саратовскому купцу 2-гильдии М.И. Калюбанову, который из вывезенных строительных материалов построил 7-8 домов и сколотил немалые капиталы за счёт продажи оборудования⁵³. После краха Волжского сталелитейного завода подобных предприятий в губернии больше не возникало⁵⁴.

Оставшись единственным металлургическим предприятием на юго-востоке страны, Царицынский завод компании «Урал-Волга» закрепил за собой обширный рынок сбыта, охватывающий Астраханскую, Саратовскую, Самарскую, Ставропольскую, Тамбовскую губернии, а также Донскую и Уральскую, Кубанскую, Черноморскую казачьи области. В общей сложности 73% от общего объёма производства железных изделий в Поволжье приходилось на долю этого промышленного гиганта, что предопределило его устойчивый рост в последующие годы⁵⁵. В 1912 г. предприятие перешло в собственность компании ДЮМО, ставшей частью синдиката «Продамет»⁵⁶.

В 1921 г., на месте, где располагался колосс сталелитейной промышленности, началось возведение завода «Звезда» по выпуску сеялок, но строительство его так и не было завершено. В начале 1930-х гг. на этом месте были построены завод комбайнов и завод тяжелых зубострогальных станков. В связи с угрозой военного нападения на СССР, 5 августа 1937 г. в соответствии с решением Совета Труда и Оборона СССР, саратовский завод комбайнов был переориентирован на производство авиационной техники⁵⁷.

Саратовскому авиационному заводу спустя столетие было суждено повторить судьбу своего предшественника. На рубеже эпох, в 1990-е гг. предприятие, как и вся страна, столкнулось с серьёзными экономическими трудностями. В 2003 году САЗ окончательно прекратил производство самолётов Як-42 и перешёл на их техническое обслуживание. В

---

⁵³ Карёв В. Указ. соч.

⁵⁴ Металлургическое производство появится в Саратовском крае только в 2013 г., когда был открыт металлургический мини-завод в г. Балаково.

⁵⁵ В 1922 г. завод, именуемый в простонародье «Французским», получил название «Красный Октябрь». Претерпев несколько коренных реконструкций, предприятие существует и по ныне, оставаясь одним из крупнейших в г. Волгограде.

⁵⁶ Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. М., 1968. С. 100-101.

⁵⁷ Крылатые годы / Д.С. Лосин, И.И. Климов, В.С. Борисов; под ред. А.Г. Бондаряка. Саратов, 1981. С. 29.

2012 г. завод, просуществовавший 80 лет, прекратил своё существование⁵⁸.

Таким образом, судьба Волжского стального завода отражает негативные реалии эпохи промышленного подъёма, характерной чертой которой стало грюндерство – учредительная горячка, сопровождающаяся массовым беспорядочным образованием акционерных обществ. Ещё во времена работы завода в печати поднимался вопрос: как могло возникнуть подобное предприятие в Саратове, где нет залежей железной руды? Санитарный попечитель А. Лопуховский, проверявший условия работы на заводе, объясняя причины создания такого производства писал: «В середине 1890-х гг. в Россию хлынули иностранные предприниматели, строившие металлургические предприятия с надеждой на казённые заказы, или просто продать акции. Большинство этих предприятий было дутое, отыскивался кусочек руды – сейчас же на бирже поднимался шум о 100% содержании железа в руде, и акции поднимались как опара. В конце концов, изумлённым акционерам доставались пустые стены, а капиталы уходили в карманы ловких биржевых дельцов». Ещё один публицист начала XX в., экономист Б.Ф. Бранд отмечал, что крах ряда предприятий в тот период «является результатом стеснения кредита, а с другой стороны несолидной организацией некоторых предприятий, что вообще свойственно всякой грюндерской эпохе». Акционерное общество «Волжский стальной завод» обладало всеми признаками грюндерства, что объясняет многочисленные просчёты и активное распространение мифа в местной печати о промышленных залежах руды в Саратовской губернии, проводимое с целью привлечения капитала для организации столь прибыльного дела, обречённого, в виду местных условий, на неудачу.

Для цитирования: Коробкин С.А. Очерк истории Волжского Сталелитейного завода // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 99-110.

---

⁵⁸ Аристархов В.А., Бернадский А.Ф., Егоров Г.И. Судьба... История Саратовского авиационного завода. Саратов, 2014. С. 177.

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94(47).084 + 930.85 + 069.8 + 069.02:93/99

СЛОН КАК СИМВОЛ СТАЛИНСКОГО СССР: ЭВОЛЮЦИЯ ЭКСПОЗИЦИИ СОЛОВЕЦКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА В 1980–2010-Е ГГ.¹

Н.В. Турыгина²

(Санкт-Петербургский государственный университет)
e-mail: n.turygina@spbu.ru, turyginan@mail.ru

Аннотация. Соловецкий музей-заповедник оказался первым музеем, открыто поднявшим в своей экспозиции тему памяти жертв политических репрессий, символом которых стал ГУЛАГ. Разработанный еще при Советской власти в 1980-х гг. экскурсионный контент трансформировался в тематическую экспозицию 1989 г., построенную на принципах гуманизма. Одновременно были проведены Дни памяти, ставшие ежегодными. Русская Православная Церковь поддержала деятельность музея-заповедника по сохранению памяти об узниках Соловецких лагерей и тюрем 1920–1930-х гг. установлением поклонных крестов и проведением литий и поминальных служб. По накоплению археологического и архивного материала выставка опять трансформировалась. На современном этапе возрожденный Соловецкий Спасо-Преображенский ставропигиальный мужской монастырь совместно с Соловецким музеем-заповедником с 2013 г. издают воспоминания узников и с 2015 г. регулярно проводят конференцию «История страны в судьбах узников Соловецких лагерей», объединяющую ученых, священнослужителей и родственников бывших заключенных СЛОНа. На наш взгляд, таким образом происходит ресакрализация пространства Соловецкого архипелага, обретшего новые символы, а Соловецкий монастырь совместно с Соловецким музеем-заповедником снова играет роль культурного и духовного центра, определяющего подходы к восприятию и анализу прошлого, исходя из христианских ценностей, а не «правозащитных норм».

Ключевые слова: политические репрессии, Соловецкий лагерь особого назначения, Соловецкий музей-заповедник, ГУЛАГ, гуманизм, культура покаяния, музейная экспозиция, memory studies, православие

THE SLON AS A SYMBOL OF THE STALINIST USSR: THE EVOLUTION OF THE EXPOSITION OF THE SOLOVETSKY MUSEUM IN THE 1980–2010s

N.V. Turygina

(St. Petersburg, Russia)

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ № 21-48-04402 «Святые и герои: От христианизации к национализму: Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

² Наталья Валерьевна Турыгина (Санкт-Петербург), к.и.н., старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Annotation. *The Solovetsky Museum-Reserve turned out to be the first museum to openly raise in its exposition the theme of memory of victims of political repression, the symbol of which was the GULAG. Developed during the Soviet era in the 1980s, and based on the principles of humanism, the excursion content was transformed into a thematic exposition in 1989. At the same time, the museum conducted the Memorial Days, which became annual. The Russian Orthodox Church supported the activities of the museum to preserve the memory of the prisoners of the Solovetsky camps and prisons of the 1920s and 1930s by installing the worship crosses and holding the memorial services. As the archaeological and archival material accumulated, the exposition underwent a transformation again. At the present stage, the revived Solovetsky Spaso-Preobrazhensky Stavropol Monastery together with the Solovetsky Museum-Reserve since 2013 have been publishing memoirs of prisoners and since 2015 have regularly held a conference "The history of the country in the fates of prisoners of the Solovetsky camps", bringing together scientists, clergy and relatives of former prisoners of the SLON. In our opinion, this is how the space of the Solovetsky Archipelago, which has acquired new symbols, is being resacrated, and the Solovetsky Monastery, together with the Solovetsky Museum-Reserve, again plays the role of a cultural and spiritual center that determines approaches to the perception and analysis of the past based on Christian values, and not "human rights norms".*

Key words: political repression, Solovetsky special purpose camp, Solovetsky Museum-Reserve, GULAG, humanism, culture of repentance, museum exposition, memory studies, Orthodoxy

19–26 ноября 1988 г. в Доме культуры Московского электролампового завода при поддержке общества «Мемориал»³ проходила т.н. «Неделя совести», где была открыто поднята тема памяти жертв политических репрессий сталинского террора. Сотрудники Соловецкого государственного музея-заповедника, в духе новых веяний, с марта по июнь 1989 г. подготовили экспозицию памяти Соловецкого лагеря особого назначения. Соловецкий музей-заповедник оказался первым учреждением, затронувшим тему ГУЛАГа в своей экспозиции. Сделано это было за счет энтузиазма научных сотрудников музея-заповедника А.В. Мельник и А.А. Сошиной, которых поддержали художник А.С. Баженов и фотограф, краевед и публицист Ю.А. Бродский. Когда экспозиция была готова, 7 июня 1989 г. при большом стечении посетителей выставки, включая членов семей бывших заключенных, прошли Дни памяти, которые решено было проводить ежегодно. Русские эмигранты, среди которых были и бывшие соловецкие узники, выразили искреннюю благодарность за сохранение памяти о невинно убиенных. 8 июня 1989 г. состоялась лития по делу о Кремлевском заговоре 20 октября

---

³ Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал"» признана Министерством юстиции РФ некоммерческой организацией – иностранным агентом (дата включения в реестр иноагентов – 4 октября 2016 г.)

1929 г. На Аллее памяти был заложен первый Соловецкий камень⁴. Дата была выбрана неслучайно: именно 7 июня 1923 г. прибыла на архипелаг первая группа заключенных СЛОНа.

Соловецкий музей-заповедник оказался первым учреждением, затронувшим тему ГУЛАГа в своей экспозиции. Дальнейшие трансформации экскурсионного маршрута и эволюция экспозиции дают нам возможность проследить, как менялась в музейном пространстве репрезентация этой трагической страницы отечественной истории, как эволюционировала политика памяти в отношении СЛОНа в условиях отсутствия единой концепции⁵.

Открытие экспозиции в июне 1989 г. предшествовал опыт проведения тематической экскурсии «Соловецкий лагерь особого назначения». В информационной справке для экскурсоводов, составленной А.В. Мельник в 1987 г., акцент в тематической экскурсии по соловецким лагерям и тюрьме был смещен на хозяйственную деятельность лагеря. «После победы Великой Октябрьской Социалистической революции произошла ломка старого бюрократического государственного аппарата и психологии победивших масс. Молодое советское государство искало новые пути решения многих стоящих перед ним задач, вырабатывая новый подход к общественным институтам, казавшимся ранее незыблемыми»⁶, – это едва ли не самая дипломатичная и мягкая формулировка, которую можно встретить в описаниях опыта исправительно-трудовых лагерей. В рамках официального дискурса СЛОНа представлялся исправительным учреждением нового типа. Главным, на что обращалось внимание экскурсовода, были вопросы хозяйственной организации и различные культурные и научные инициативы. Особенно подчеркивалось, что все памятники Соловецкого монастыря

---

⁴ Сошина А.А. К 20-летию экспозиции «Соловецкие лагеря особого назначения» // Соловецкий сборник. Выпуск 6. Архангельск, 2010. С. 167–173.

⁵ Полян П.М. Историомор, или Трепанация памяти. Битва за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте. М., 2016; Лебедева О. Одно прошлое — две памяти: Сравнительный анализ экспозиции музея истории Беломорско-Балтийского водного пути и музея Соловецкого лагеря особого назначения // *Laboratorium*. 2018. № 10 (2). С. 134–148; Этле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М., 2020; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / Под ред. А. Миллера, Д. Ефременко. СПб., 2020; Иванова О.В. Коммеморативные практики музеев памяти: опыт Музея истории ГУЛАГа // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1366–1418; Фокин А., Козлов Д. Витязь на распутье: российские исследования памяти на рубеже 2010-2020-х годов // *Laboratorium*. 2023. № 15(1). С. 75–99 и др.

⁶ Архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 2.

были взяты под охрану: это было условием существования исправительно-трудовых лагерей на территории бывшего монастыря. Весь материал тематической экскурсии должен был убедить, что «к концу 1920-х гг. Соловки стали крупной экономической единицей Карелии, мощным, хорошо организованным хозяйством, некоторые отрасли которого можно было считать образцовыми для всего Северного края»⁷. В основном экскурсия была посвящена представителям научной и творческой интеллигенции. Завершалась же она упоминаниями о визитах Максима Горького и М.И. Пришвина на Соловки и сведениями о закрытии лагеря с началом Великой Отечественной войны и приближением фронта, когда лагерь был передан отряду Северного военно-морского флота⁸. Понятно, что в официальных методических рекомендациях экскурсоводам тогда и речи не могло быть о реабилитации жертв политических репрессий или вообще об «узниках совести». Но и проведение такой тематической экскурсии было шагом вперед в освещении темы. Как вспоминают участники студенческих отрядов экскурсоводов предшествовавших ей лет, «экскурсоводам категорически запрещалось давать развёрнутую информацию о СЛОНе – Соловецких лагерях особого назначения, можно было лишь скороговоркой сообщать, что «в 1923–1939 гг. здесь располагался лагерь особого назначения для уголовных элементов и контрреволюционеров». Никакие сравнения с монастырской тюрьмой и условиями содержания в ней, хотя таковые и напрашивались, не разрешались»⁹, пугали, что среди туристов «встречаются проверяющие в штатском, способные испортить жизнь чрезмерно разговорчивым гидам»¹⁰. Тем большим контрастом стала новая экспозиция 1989 г., в разработке которой принял участие автор вышепротитированных рекомендаций.

В пояснительной записке 1989 г. к тематико-экспозиционному плану выставки «Соловецкий лагерь особого назначения 1923–1939 гг.» в перечне задач выставки, размещенной в 6-м зале Настоятельского корпуса, указаны следующие: дать представление о месте и значении соловецких лагерей; рассказать о жертвах репрессий 1920–30-х годов на

---

⁷ Архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Ананченко М.Ю. «Биармы» на Соловецких островах: начало 1980-х // Известия Русского Севера. Архангельск, 2020. № 5 (77). С. 36. О табуированности темы упоминают и Е.Ф. Луцковская, и Т.С. Минаева: Луцковская Е.Ф. Студенческий отряд экскурсоводов – путевка в жизнь // Известия Русского Севера. Архангельск, 2020. № 5 (77). С. 53; Минаева Т.С. СОЭ «Биармы» в зеркале истории // Известия Русского Севера. Архангельск. 2020. № 5 (77). С. 63.

¹⁰ Чудинов А.В. Первые из «Биармов» // Известия Русского Севера. Архангельск. 2020. № 5 (77). С. 18.

примере ряда соловецких заключенных из числа научной, творческой интеллигенции, рабочих и крестьян; воспитание принципов гуманизма в сознании посетителей; способствовать сбору материалов по этой теме для создания на Соловках комплекса «Мемориал»¹¹. Хотя ответственные за открытие новой экспозиции сотрудники отмечали ограниченность площади помещения и недостаточную укомплектованность фондов, не позволявших всесторонне раскрыть тему, они также понимали важность и своевременность ее открытия в тот переломный для общественного сознания момент.

Важно отметить, что авторы экспозиции подчеркивали разные судьбы соловецких узников, не концентрировались на какой-то одной группе заключенных, что станет отличительной чертой постоянно углубляющейся экспозиции.

В составленной А.А. Сошной в 1991 г. справке для экскурсоводов новой выставки содержится характеристика социального состава первых пяти тысяч узников, прибывших в июне 1923 г. на Соловки: «представители русской аристократии и государственного аппарата дореволюционной России; участники белого движения; представители интеллигенции; представители всех дореволюционных политических партий; нэпманы; уголовные элементы, проститутки, осужденные по бытовым статьям; советские военные чекисты, осужденные по политическим и иным статьям»¹². В конце 1920 – начале 1930-х гг. меняется социальный облик соловецких заключенных, среди новых партий узников были «раскулаченные крестьяне; деятели науки и культуры, арестованные по процессам «вредителей»; представители национальных партий и течений; представители Коминтерна; коммунисты, обвиняемые в троцкистском, бухаринском и других уклонах; осужденные по закону от 7 августа 1932 г. за расхищение социалистической собственности; население пограничных районов страны по обвинению в шпионаже; молодежь по обвинению в подготовке террористических актов против членов правительства, а также уголовные элементы. 70–80% узников составляли политические заключенные (ст. 58), 20–30% – уголовники»¹³. Данные характеристики примечательны тем, что в них отдельной группой не выделялись священнослужители. Кроме того, в тот период еще не было данных о реальном количестве узников, хотя этот вопрос чаще всего возникал у посетителей выставки. С отсылками на материалы газеты «Новые Соловки», воспоминания бывших узников Соловецких лагерей и материалы Государственного архива Карельской АССР

---

¹¹ Архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 2.

¹² Там же. Ед. хр. 505 (3). Л. 11.

¹³ Там ж. Л. 13–14.

транслировались разрозненные данные о расстрелах, числе заключенных на тот или иной год¹⁴.

Помимо обозначения путей дальнейшей архивной эвристики, в этот период уже удалось обнаружить важный фактологический материал, развенчавший некоторые мифы. В частности, были выявлены в архивах сведения о том, что 29 октября 1929 г. по делу о кремлевском заговоре были расстреляны 36 заключенных¹⁵, а не 300, как утверждалось в воспоминаниях соловецких узников и фильме Марины Голдвостской «Власть Соловецкая» (Мосфильм, 1988). Справка А.А. Сошной заканчивалась перечислением некоторых биографий, в основном представителей научной и творческой интеллигенции. В отдельную группу были выделены украинские писатели. Были представлены биографии как погибших от болезней, истощения и расстрелянных, так и выживших и поделившихся воспоминаниями, но среди них не упоминаются представители церкви и духовенства, за исключением священника Павла Флоренского¹⁶. Это весьма важный момент для понимания трансформации, эволюции репрезентации данной темы в музейном пространстве Соловецкого архипелага в дальнейшем.

В 1991 г. был принят закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»¹⁷, который привел к активизации сбора сведений, поискам следов бывших концентрационных и исправительно-трудовых лагерей и тюрем НКВД–ОГПУ на Крайнем Севере, в Сибири, а, фактически, по всей России, комплектованию фондов по истории ГУЛАГа в музеях различных регионов. Отдаленное и изолированное расположение Соловецкого архипелага привело к тому, что археологические следы ГУЛАГа сохранились тут лучше, чем в других местах, сохранилась архитектура построек и значительный культурный слой, который уже с 1960-х гг. частично разрабатывался сотрудниками музея-заповедника (в частности, археологическая разведка А. Куратова на острове Анзер в 1964 г.). В 2004–2013 гг. проводились исследования топографии лагеря, которые вслед за А.А. Сошиной и А. В. Мельник продолжила О.В. Бочкарёва. Параллельно шла работа в архивах, переписка с бывшими заключенными и их семьями¹⁸.

---

¹⁴ Архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 505. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 22–28.

¹⁷ Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» // [Электронный ресурс] // Система Гарант. - URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/3961224/paragraph/20410:0> (дата обращения: 02.08.2023)

¹⁸ Шутьгина М.В. Становление археологии ГУЛАГа // Соловецкий сборник. Вып. 8. Архангельск, 2012. С. 34–48.

В 1990-е гг. выставка «Соловецкий лагерь особого назначения» в ее передвижном первоначальном варианте посетила Ленинград, Минск, Москву, Киев, Архангельск, Ярославль и нашла эмоциональный отклик посетителей. Этот опыт был учтен в дальнейшей работе. В 2000-х гг. Соловецким музеем-заповедником был создан ряд временных, передвижных и планшетных тематических выставок по истории лагерей и тюрьмы, в которых отражались результаты научной работы: «Дело № 747 / 1 «Кремлевский заговор», «Соловецкое общество краеведения», «Поисковая работа Соловецкого музея-заповедника», «История Секиро-Вознесенского скита», «Хотелось бы всех поименно назвать...», «Дорога к покаянию». Начинает составляться соловецкий мартиролог¹⁹, открывается виртуальный музей как единая база данных узников, а также их воспоминаний²⁰.

В рамках коммеморативных практик стоит отметить, что первыми стали съемки художественно-публицистического фильма «Власть Соловецкая» в 1987–1988 гг. (реж. М.Е. Голдовская, автор сценария В. Листов), затем вышел в 1989 г. документальный фильм о Д.С. Лихачеве «Я вспоминаю» (реж. В. Виноградов). В июне 1989 г. вместе с открытием новой выставки «Соловецкий лагерь особого назначения 1923–1939 гг.» были проведены первые Дни памяти жертв репрессий, был открыт памятный камень в Аллее памяти, а новая улица, примыкавшая к Аллее памяти, в эти же дни была названа улицей Павла Флоренского. Впервые с 1929 г. на Соловках была совершена панихида по погибшим в лагере. Аллея памяти стала своего рода новым местом паломничества на Соловецкий архипелаг.

В 1990 г. с Соловков были вывезены 2 камня как символы памяти о жертвах политических репрессий²¹. Один из них по инициативе общества «Мемориал» при поддержке Правительства Москвы был торжественно открыт 30 октября 1990 г., в День памяти жертв политических репрессий, в Москве на Лубянской площади, в сквере у здания Политехнического музея. Второй по инициативе Архангельской областной организации «Совесть»²² при поддержке администрации

---

¹⁹ Соловецкий мартиролог. Списки имен Соловецких заключенных // [Электронный ресурс] // SolovkiЭнциклопедия: Международный образовательный проект о Соловках, Соловецком монастыре и концлагере, 1998–2023. URL: https://www.solovki.ca/passional/passional_10.php (дата обращения: 02.08.2023).

²⁰ SolovkiЭнциклопедия: Международный образовательный проект о Соловках, Соловецком монастыре и концлагере, 1998–2023. // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.solovki.ca/> (дата обращения: 02.08.2023).

²¹ Архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 505 (3). Л. 19.

²² «Общество «Совесть» являлось региональным отделением общества "Мемориал".

Архангельской области и мэрии Архангельска был установлен в Архангельске в сквере на пересечении Обводного канала и улицы Гагарина 30 октября 1992 г. Часть средств на их установку собрали бывшие политзаключенные, а часть предоставили правозащитные организации. Еще один соловецкий камень по инициативе общества «Мемориал» был открыт 4 сентября 2002 г. в Санкт-Петербурге в сквере на Троицкой площади²³. На данном этапе наблюдалось объединение усилий общественных организаций и представителей органов государственной власти по увековечиванию памяти жертв политических репрессий в СССР.

Что касается музея, то накопленные научные сведения, вкуче с материальными свидетельствами эпохи, включая археологические находки и архивные документы, развитие концепции с усилением внимания к теме специфики советских репрессивных мер и современных мер по увековечиванию памяти жертв политических репрессий потребовали пересмотра экспозиции. Новая стационарная выставка «Соловецкие лагеря и тюрьмы. 1920–1939 гг.» открылась в 2010 г. в помещениях лагерного барака 1926–1927 гг. Ее главная цель, по словам ее куратора О.В. Бочкарёвой, состояла в том, чтобы «достоверно и последовательно показать организацию деятельности репрессивных структур на архипелаге: концентрационных лагерей 1920–1929 гг., исправительно-трудовых лагерей 1929–1937 гг., соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД 1937–1939 гг.», с освещением истории создания репрессивной системы, начиная с 1917 г.²⁴.

Книги отзывов на экспозиции, ставшие предметом исследования доктора социологии Зузанны Богумил, говорят о трансформации восприятия выставки²⁵. В конце 1980-х–1990-х гг. выставка произвела эффект разорвавшейся бомбы, и отзывы 1989–1990-х гг. были развернутые, эмоциональные, трепетные, ставили вопросы о необходимости помнить, желании или нежелании ворошить прошлое и принимать или не принимать его. В более поздних отзывах 2005–2007 гг. эта страстность исчезает. Отзывы 2010-х гг. более сдержанные, стандартизированные, менее эмоциональные. Закономерно встает вопрос о причинах таких изменений в реакции посетителей. Трансформировалась ли тема советских политических репрессий из трагической страницы живой памяти

---

²³ Архив Соловецкого музея-заповедника. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 199. Том 4. Л. 61–67.

²⁴ Бочкарёва О.В. Соловецкий музей-заповедник и тема «Сталинские репрессии в СССР» // Соловецкий сборник. Вып. 8. Архангельск, 2012. С. 200–206.

²⁵ Богумил З. Как меняется восприятие истории: Соловецкий лагерь в отзывах посетителей выставки об истории СЛОИ // История страны в судьбах узников Соловецких лагерей. Вып. 5: Материалы 5-й международной научно-практической конференции, Соловки, 1–7 июля 2019 г. Соловки, 2020. С. 301–318.

в вопрос отечественной истории? О чем свидетельствует такое нейтральное спокойствие? Может быть, новая выставка породила новые отзывы или же новые проблемы современности вызвали новую реакцию общества, и история ГУЛАГа перестала быть «актуальным прошлым»?

Израильский социолог российского происхождения Дмитрий Скульский, изучая музейные экспозиции по истории ГУЛАГа, на основе книг отзывов посетителей Томского музея истории политических репрессий пришел к выводу, что многими посетителями XXI в. подобные экспозиции воспринимаются в рамках познавательно-развлекательного маршрута, и ими не осознается в полной мере негативный прошлый опыт, а сами музеи не становятся местами памяти и покаяния, как можно было бы этого ожидать²⁶. На наш взгляд, этот вывод можно было бы экстраполировать и на экспозицию «Соловецкие лагеря и тюрьмы. 1920–1939 гг.» Другой вопрос, в какой форме должна происходить коммеморация и могут ли быть заданные стандарты в ее организации?

С начала 1990-х гг. в истории Соловков обозначается еще одна тенденция. После восстановления Соловецкой монашеской обители постановлением Священного Синода РПЦ от 25 октября 1990 г. и возвращения в монастырь 20 августа 1992 г. святых мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа, были установлены поклонные кресты в местах смерти соловецких заключенных, проведены поминальные службы по жертвам политических репрессий. Это привело к ресакрализации соловецкого пространства и обозначило пути преодоления этого травматичного в нашей истории опыта. Иеромонах Прокопий (Пашенко), анализируя вопросы памятования и забвения, указывает на то, что травматический опыт необходимо не просто пережить, но возвыситься над ним, что довольно сложно сделать только с помощью секулярных методик, где наиболее распространенным является позиция жертвы, пострадавшей под действием внешней среды, что лишает человека свободы выбора и возможности преображения²⁷. Довольно долго дискурс был направлен на реабилитацию политических заключенных именно с позиции жертвы и верховенства внешней среды, что не давало выйти из

---

²⁶ Skulskiy D. When memorials cease to commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a place of non-patriotic remembering // *Museum and Society*. 2019. Vol. 17. № 3. P. 408–409.

²⁷ *Иеромонах Прокопий (Пашенко)*. Лекция «Посттравматический рост и опыт христиан, переживших гонения. Между памятью и забвением» // *История страны в судьбах узников Соловецких лагерей*. Вып. 7: Материалы 7-й научно-практической конференции, Соловки, 29 июня – 3 июля 2021 г. Пос. Соловецкий, 2022. С. 157–158, 163–164.

этой ситуации, кроме как разорвав прежние связи. Однако христианские ценности, религиозное сознание позволяют сконцентрироваться на внутреннем росте, не разрушая внешнюю ситуацию, а находя понимание конструктивных путей жизни.

Указом Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 25 марта 2000 г. было установлено, что 10 августа по старому стилю (23 августа н. ст.) следует праздновать день памяти Собора новомучеников и исповедников Соловецких. Ныне в Соборе указано 68 имен, от митрополита до мирян²⁸. В 2009 г. Святейший Патриарх Кирилл благословил Соловецкий монастырь на создание специального центра по изучению подвига Русской Церкви в XX в. Результатом проделанной работы стала презентация интернет-проекта «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке»²⁹, прошедшая в дни Соловецких праздников в обители в 2015 г.³⁰ Так обозначилось сосуществование двух подходов в освещении истории СЛОНа – религиозного и политического.

Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь совместно с Соловецким музеем-заповедником инициировал издание книжной серии «Воспоминания соловецких узников» в 2013 г., а с 2015 г. проведение научно-практической конференции «История страны в судьбах узников Соловецких лагерей»³¹, объединяющей не только ученых, но и родственников бывших заключенных. Анализ этих издательских проектов свидетельствует о стремлении к всестороннему изучению и принятию прошлого для построения светлого будущего.

К воспоминаниям узников обращаются в Соловецком музее-заповеднике не только в ходе тематической экскурсии, но и практически на всех объектах показа, будь то причал, Троицкий собор, Большой Заяцкий остров, озерно-канальная система, Секирная гора и Свято-Вознесенский скит или о. Анзер, а цитаты из мемуаров представлены в изучаемой нами экспозиции, что свидетельствует о попытках преодолеть

---

²⁸ Собор новомучеников и исповедников Соловецких // [Электронный ресурс] // Сайт Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря. URL: <https://solovki-monastyr.ru/saints/martyrs/?ysclid=lkv0g8li3y825771542> (дата обращения: 02.08.2023).

²⁹ Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке: Биографическая база данных и собрание материалов. // [Электронный ресурс] - URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/> (дата обращения: 02.08.2023)

³⁰ Начал работу интернет-проект «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке» // [Электронный ресурс] - URL: <https://solovki-monastyr.ru/news/806/> (дата обращения: 02.08.2023)

³¹ История страны в судьбах узников Соловецких лагерей. Вып. 1-7. Архангельск-Соловки, 2016-2022.

посттравматический стрессовый синдром и примирить настоящее с прошлым. В данном контексте уместно вспомнить биографическую книгу австрийского психиатра Виктора Франкла, выжившего узника Освенцима, «Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере», изданную впервые в 1946 г. и с тех пор переведенную на 24 языка и не раз переиздававшуюся. Она представляет собой анализ психологической трансформации заключенных: от первоначального шока, «бреда помилования», черного юмора, отстраненного любопытства, мыслей о самоубийстве, апатии, регрессии, деперсонализации человека в лагере к поискам внутренней свободы, поискам путей сохранения себя и преодоления обесценивания своей жизни. Среди способов сохранить человеческое достоинство В. Франкл называет любовь и веру в Бога³². Ему вторят и воспоминания бывших соловецких узников: Д.С. Лихачева, Б.Н. Ширяева, В.Я. Дворжецкого, Г.А. Андреева, Ю.Д. Бессонова, Н.П. Анциферова и др.³³. Опыт заключенных концентрационных лагерей XX в., вне зависимости от страны их расположения, в чем-то схож. Различны попытки вписать его в национальный исторический нарратив.

Зарубежная либерально-демократическая историческая и публицистическая литература, а также ее последователи в отечественной среде упрекают российское общество в отсутствии интроспективного отношения к ГУЛАГу, неприятию социальной ответственности за массовые преступления и в оправдании, если не реабилитации Сталина и сталинизма, символом эпохи которого и был ГУЛАГ, параллельно обвиняя РПЦ в подчинении государству и его имперским амбициям на этом пути³⁴. В странах Запада уже довольно давно политика памяти

---

³² Франкл В. Сказать жизни "да": психолог в концлагере / Под ред. Д.А. Леонтьева; [пер. с нем. Д.Ш. Орловой, Д.А. Леонтьева]. М., 2004. С. 20, 22, 29–30, 32, 35–38, 45–46, 50, 52, 54, 56–57, 71–72, 75, 91–95.

³³ Умнягин В.В. В поисках единства. О Соловках и не только. М., 2023. С. 132–133, 136, 156–159.

³⁴ Kaple D. Gulag Boss: A Soviet Memoir by F.V. Mochulsky. Oxford, 2010. P. 180; Adler N. Reconciliation with – or rehabilitation of – the Soviet past? // Memory Studies. 2012. № 5 (3). Pp. 327–338; Khlevnyuk D.: 1) Victims' Categorizations: Making Sense of Purges in Karelia and on Solovki // Laboratorium. 2018. № 10 (2). Pp. 122–133; 2) "Framing" and "Screening" the Gulag // Communist and Post-Communist Studies. 2022. № 55 (3). Pp. 1–20; The Future of the Soviet Past: The Politics of History in Putin's Russia / Ed. by A. Weiss-Wendt and N. Adler. Bloomington, IN, 2021; Soroka G., Krawatzek F. When the Past Is Not Another Country: The Battlefields of History in Russia // Problems of Post-Communism. 2021. № 68 (5). Pp. 353–367; Zavadsky A., Dubina V. Eclipsing Stalin: The GULAG History Museum in Moscow as a Manifestation of Russia's Official Memory of Soviet Repression // Problems of Post-Communism. 2021. Pp. 1–13; Sniegon T. Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making "Patriotic" Sense of the Gulag

заняла важное место в манипулировании общественным сознанием, активно внедряются новые концепции (как национального, так и общеевропейского) прошлого. Политика забвения «неудобных» страниц своей истории в отношении неудобных стран (России) превращается в «культуру отмены». Идеологизация и политизация истории приводит к тому, что авторы сочинений о советском прошлом играют в богов, творя суд истории³⁵.

Оставляя в стороне политизированное словоблудие, направленное на отвлечение внимания от насущных проблем России и возвращение в русском мире комплекса вины, отметим, что в этой литературе остается без внимания официальный тезис российских властей о стремлении выстроить преемственность культурного опыта и восстановить межпоколенные связи. После распада СССР российская власть и общество предпринимали усилия не отказываться от прошлого, а сохранить преемственность в истории государства – черту, присущую России с давних времен, но не понятую западным миром, что и породило ангажированность и предубежденность зарубежных и некоторых отечественных публикаций, занятых поисками виноватых и требующих суда над ними.

Параллельно в зарубежной историографии зачастую обесценивается роль православной Церкви в соловецких коммеморациях, либо ей отводится роль инструмента государственной политики в этом вопросе.

Между тем, мы можем констатировать, какое большое значение имеет самостоятельная деятельность РПЦ по поиску путей преодоления трагического прошлого в истинно русском духе покаяния и прощения³⁶. Сегодня Соловки – место памяти, памяти о традициях личного поиска пути к Богу и памяти о брэнности политических амбиций и страстей, ведущих к человеческим жертвам. И в этом отношении символично, как государство (через ту же музейную экспозицию «Соловецкие лагеря особого назначения») и Церковь (через поминальные практики) идут к одной цели, дабы избежать новых страданий за грехи

---

in Present-Day Russia // Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia / Ed. by N. Bernsand and B. Törnquist-Plewa. Leiden-Boston, 2022. Pp. 105-140 etc.

³⁵ Однако такой подход нельзя назвать конструктивным в современном историческом дискурсе. Подробнее см.: *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. М., 2019. С. 526–541.

³⁶ О этом писал еще Ф.М. Достоевский, предвидевший как реки крови по отречении от веры, так и очищение страданием и прощение в покаянии. См.: *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Т. 1. М., 1935. С. 76, 100; Т. 2. М., 1935. С. 257–258, 385–386, 412.

наши, в которых, как писал Ф.М. Достоевский, каждый «за всех и за вся виновен»³⁷.

Для цитирования: *Турьгина Н.В.* СЛОН как символ сталинского СССР: эволюция экспозиции соловецкого музея-заповедника в 1980–2010-е гг. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 111-123.

---

³⁷ Достоевский Ф.М. Там же. С. 356.

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

УДК 94(443.611)+929Скотт

«СТЕКЛЯННЫЙ УЛЕЙ»: ПАРИЖ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ДЖОНА СКОТТА

Д.А. Беспалова¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: dbespalova421@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается образ Парижа в травелогге британского газетного редактора и издателя Джона Скотта. Образ Парижа у Дж. Скотта дуалистичен. Он видит и доверчивость неуверенных в завтрашнем дне простолюдинов и парижецентризм людей образованных. Но акцентирует он как раз образ столицы Франции как культурной столицы Европы. Ему импонирует открытость Парижа к просвещению, но его пугает деградация нравов, хотя взаимосвязь между этими явлениями он и не устанавливает. Париж, по Скотту, город, который предоставляет возможности на любой вкус, в том числе, и желающему понаблюдать сквозь стекло за человеческим роєм.

Ключевые слова: Париж, травелог, парижане, Джон Скотт, публичная жизнь.

«THE GLASS BEE-HIVE»: PARIS THROUGH THE EYES OF BRITISH TRAVELER JOHN SCOTT

D.A. Bespalova

(Saratov, Russia)
e-mail: dbespalova421@gmail.com

Annotation. The article examines the image of Paris in the travelogue of British newspaper editor and publisher John Scott. The image of Paris by J. Scott's is dualistic. He sees both the credulity of the commoners, who are unsure of the future, and the Paris-centrism of educated people. But he emphasizes the image of the French capital as the cultural capital of Europe. He is impressed by the openness of Paris to enlightenment, but he is afraid of the degradation of morals, although he does not establish the relationship between these phenomena. Paris, according to Scott, is a city that provides opportunities for every taste, including those who want to watch the human swarm through the glass.

Key words: Paris, travelogue, Parisians, John Scott, public life.

1792 – 1815 гг. перевернули жизни многих европейцев. Пали прежние кумиры, новые идеи овладели умами, немислимое оказалось возможным, преступление становилось подвигом, а подвиг преступлением, герои тиранами, мерзавцы вождями. Местом, где клокотала

---

¹ Беспалова Дарья Алексеевна, лаборант-исследователь НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи».

магма человеческих страстей была Франция, жерлом этого вулкана – Париж. Окончание эпохи революционных и наполеоновских войн, установление в Европе долгожданного мира дало европейцам возможность лучше рассмотреть нарушителей спокойствия, революционеров, чей вождь готов был установить новый европейский порядок при гегемонии Франции. И наибольший интерес к Франции и французам проявили англичане – усиленно формировавшие свой образ главного победителя «корсиканского чудовища»². В ближайшие дни, следовавшие за сражением 18 июня 1815 г., закрепившегося в исторической памяти как «Ватерлоо», через Ла-Манш во Францию поспешили как коммерсанты, спешащие заполнить международные экономические лакуны, так и масса просто любопытных, жаждущих взглянуть на поверженных бывших врагов. Удивительно было наблюдать за этим потоком любопытных из Лондона через Гент и Брюссель в эти края, хотя такие путешествия тогда трудно было назвать удобными и комфортными. Иногда даже говорят, что именно там и тогда родились первые туроператоры, первый организованный туризм³. Помимо полей под Ватерлоо, где все закончилось, местом паломничества англичан, стал Париж, где все когда-то началось. Ну а те, кто не мог себе позволить путешествие во Францию, с наслаждением читали описания путешествий других: толчок в своем развитии получил и жанр тревелогов⁴. Конечно, журналисты откликнулись на этот читательский спрос.

Среди прочих отправляется во Францию и шотландский журналист и редактор «Drakard's Paper» (будущая «The Champion») Джон Скотт (1784-1821). Как отмечает его биограф Патрик О'Лири, человеком он был в отца вспыльчивым, а в мать литературно одаренным⁵. Дж. Скотт разделял реформаторское рвение вигов и даже некоторые тезисы радикальной оппозиции, он не отказывался редактировать либеральные издания газет⁶. О'Лири полагал, что Джон Скотт отправился в путешествие вслед за своими коллегами по профессии, рассчитывая на

---

² Гладышев А.В. Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2019. Вып. 18. С. 167-182.

³ Гладышев А.В. Ватерлоо как место памяти: мемориально-музейный ландшафт и политика преодоления прошлого // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18-20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск, 2017. С. 134-139.

⁴ Общие тенденции в эволюции жанра тревелогов в Англии см.: Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII - первая треть XIX в. Севастополь, 2022.

⁵ O'Leary P. Regency Editor: Life of John Scott. Aberdeen, 1983. P. 1.

⁶ Ibid. P. 18.

возможное «денежное обогащение, получение личного удовольствия и восстановление своего здоровья»⁷.

В ходе путешествия он пишет свое «Посещение Парижа в 1814 году: обзор морального, политического, интеллектуального и социального состояния французской столицы»⁸, которое выйдет в свет уже в 1815 г. Сам Дж. Скотт признавался, что тема Франции стала уже «избитой» в периодической печати, но надеялся, что это не мешает ему составить свое видение этой страны. Больше всего его интересовали национальный характер французов и манеры парижан⁹.

Увидевшее свет «Посещение Парижа...» было встречено британскими читателями двояко: кто-то больше критиковал, кто-то больше хвалил. Провигский «The Edinburgh Review»¹⁰ квалифицировал Дж. Скотта как красноречивого и философски настроенного путешественника, выказывал сомнения относительно его писательского таланта: язык автора – «язык скорее сатирика, чем беспристрастного оценщика национальных ценностей и характеров»¹¹. Уильям Вордсворт написал Дж. Скотту письмо, в котором высказал слова благодарности за данные ему наставления в аналогичное путешествие и подтвердил наблюдения Скотта относительно характера французского населения¹².

Но, несмотря на критику, интерес к событиям во Франции, подстегнутый «Ста днями» Наполеона, побудил Дж. Скотта написать

---

⁷ O'Leary P. Op. cit. P. 56.

⁸ Scott J. A Visit to Paris in 1814: Being a Review of the Moral, Political, Intellectual, and Social Condition of the French Capital. Philadelphia, 1815.

⁹ O'Leary P. Op. cit. P. 59. Эти сюжеты стали едва ли не «классическими» и в других британских травелогах. Например: *Underwood T.R. A narrative of memorable events in Paris preceding the capitulation, and during the occupancy of that city by the allied armies in the year 1814; being extracts from the Journal of a Détenu, who continued a prisoner, on parole, in the French Capital, from the year 1803 to 1814; also anecdotes of Buonaparte's Journey to Elba.* London, Longmans, 1828.; *Alison A. Travels in France during the years 1814–1815: comprising a residence at Paris, during the stay of the allied armies, and at Aix, at the period of the landing of Bonaparte.* 2 v. Edinburgh, 1816. См. также: *Кулакова Е.А. Маркиз Лондондерри и его книга о путешествии в Россию в 1836-1837 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2010. Сер. 2. Вып. 4. С. 134-139.*

¹⁰ О нем см.: *Еремин В.С. Шотландский литературно-критический журнал «The Edinburgh Review»: взгляд из XXI века // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2018. С. 188-193.*

¹¹ O'Leary P. Op. cit. P. 64.

¹² Ibid. P. 66. См.: *Вухорев А.А. Французская революция и «тотальная война» 1792 – 1815 гг. в оценках Уильяма Вордсворта // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2022. Вып. 25. С. 24-35.*

продолжение своего травелога. В 1816 г. вышло его сочинение «Новое посещение Парижа в 1815 году через Брюссель: включая прогулку по полю битвы при Ватерлоо»¹³. Новое путешествие, новые взгляды и новые мысли.

Историки сегодня обращают особое внимание на феномен «первой встречи»¹⁴. Начнем изложение впечатлений Дж. Скотта от Франции и французов с его предвкушений, горизонтов ожидания от встречи с «Другим», от встречи с Парижем. Он признавался, что с приближением к этому городу его охватывали беспокойные чувства, и он все больше погружался в раздумья¹⁵. Что это за «вулкан» событий, которые стали предметом тревог и неопределенности в постоянно меняющемся мире?¹⁶ Он хочет посмотреть на «логово, из которого только что выгнали льва», чьего недавнего здесь присутствия достаточно, чтобы с любопытством созерцать даже самые обычные сорняки и кусты¹⁷. Наверное, это особое чувство видеть то, что еще недавно видел повелитель Европы.

Первые впечатления Дж. Скотта от Парижа, внутреннего устройства общества и его жизни положительны. Париж в глазах путешественника едва ли не рай воплоти. Это место, в котором могут удовлетворить все желания «чувственного человека, предоставляя ему разнообразные и искусные удовольствия; восхитить беззаботного, даруя ему множество пленительных наслаждений; удовлетворить вкус, сочетая мастерство, элегантность и чувство; навести на размышления и приятно занять исследователя, изображая события далекой эпохи и изображая нравы, давно вышедшие из употребления; удовлетворить и потребности ученого, предоставляя ему обширные коллекции всех материалов человеческого знания; и, наконец, доставлять непревзойденное удовольствие изучающему человечество, обнаруживая и даже демонстрируя для непосредственного наблюдения все, что может дать глубокое понимание характера и состояния»¹⁸.

Рефреном через весь травелог проходит мысль: Париж — это «стеклянный улей». В этом месте можно наблюдать, как его обитатели «опыляют» друг друга, как они выполняют свою работу. «Здесь на виду у

---

¹³ *Scott J. Paris revisited, in 1815, by way of Brussels: including a walk over the field of battle at Waterloo. Boston, 1816.*

¹⁴ *Гладышев А.В. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 182–204.*

¹⁵ *Scott J. A Visit to Paris in 1814... P. 64.*

¹⁶ *Ibid. P. 65.*

¹⁷ *Ibid. P. 66.*

¹⁸ *Ibid. P. 67.*

всех делают то, чего в других местах непринято делать»¹⁹. Французам эта прозрачность даже нравится. Путешественник даже склонен считать, что в этом и есть сущность их существования. По словам Джона Скотта, французские обитатели столицы живут только ради суеты и внимания общества²⁰. Дж. Скотт в этом отношении не открывает для своих читателей что-то принципиально новое во французском характере, он, оправдывая ожидание, добавляет новых красок.

Ярким проявлением этого желания французов привлечь внимание общества является выражение, которое услышал путешественник от парижанина, утверждавшего, что «Париж, бесспорно, является Афинами Европы». Парижанин обосновывал это наличием в городе больших сокровищ искусства, оружейных трофеев, экзотических объектов, которые размещались в дворцах, театрах, садах и других объектах городского убранства²¹. Представление Парижа как культурной столицы Европы дело в общем-то не новое, но теперь подобные восторги могли вызвать оскомину у британцев-победителей. Внешнее величие, респектабельность, комфорт – все это красивая обложка, за которой скрывались грязные и узкие улицы, а дома нуждались в ремонте²².

Джону Скотту парижская жизнь напомнила венецианскую картину: «такая плывущая и роящаяся живость, разнообразие и веселье – такая демонстрация характеров, состояний и контрастов, занятий и развлечений, мужчин и женщин»²³. Ему нравится Сена, которая должна была бы стать привлекательным местом для водных прогулок, но этого французы не разглядели: «вкус парижан отнюдь не водный»²⁴.

Путешественник обращает внимание на доверчивость простолюдинов, становящихся жертвами всяких шарлатанов и мошенников. Распространение гадалок и колдунов говорит лишь об упадке общества, ноющем чувстве беспокойства и тревоги. Подобные проявления характерны для тяжелых периодов, переживаемых обществом, ведь народу нужно где-то найти уверенность, хоть бы и ложную, в будущем дне. Но общество в целом не деградировало. На улицах Парижа относительно спокойно, в них нет места дракам и пьянству, вульгарному обращению и жестокости²⁵. Таким образом, на первый взгляд перед нами красивый и полный возможностей столичный город, где каждый сможет

---

¹⁹ Scott J. A Visit to Paris in 1814... P. 67.

²⁰ Ibid. P. 68.

²¹ Ibid. P. 72.

²² Ibid. P. 82.

²³ Ibid. P. 111.

²⁴ Ibid. P. 113.

²⁵ Ibid. P. 137.

реализовать и раскрыть свой потенциал, но, если погрузиться во внутрь «улья», то сразу проявляются проблемы.

Двойственность Парижа ярко демонстрирует Пале-Рояль. В этом месте как отмечает Джон Скотт добродетель и порок живут в непосредственном соседстве друг с другом; это место беспутное и веселое, убогое и элегантное, занятое и праздничное одновременно²⁶. Точнее подобрать место-символ Парижа той поры нельзя, оно хорошо подходит для описания их природу. Место, которое наводит страх и вызывает воспоминания о жестоких событиях и при этом несет в себе столько увеселительного и свободного.

Не обошел вниманием рассказчик и парижанок. Эта тема в травелоге стала самой противоречивой и местами шокирующей²⁷. Начать стоит с того, что свой рассказ Скотт начинает со сравнения французских женщин с колдуньями. У этих колдуний своя магия, проявляющаяся в том, как они преподносят себя, находясь в обществе. И секрет их, по словам Джона Скотта, заключается в откровенной демонстрации своих женских особенностей: «ее взгляд, ее повороты, вся ее манера говорить и действовать дышат сексуальностью»²⁸. Он приходит к выводу, что французская женщина – это творение манер²⁹. И если она познала секрет успеха, то, безусловно, начинает тихо управлять теми, кто попал под ее чары: торговцы отдают заботы о своей лавке жене, джентльмены без ее разрешения не пригласят в свой дом гостя и таких примеров много³⁰.

Миссия женщины в подобном обществе быть прилежной и верной мужу женой, примером нравственности своим детям. Но о какой нравственности и верности может идти речь, если с младенчества, по уверению автора травелога, девочки подслушивают разговоры своих матерей, из которых юным умам становится ясно, как мало в реальности ценится постоянство партнеров в браке. О своих развратных похождениях парижанки вспоминают как об очередном пройденном и законченном романе, как о легкой интрижке³¹. В Лондоне, якобы, совсем другое отношение к порокам. В Париже, если женщина и перейдет границу нравственности, то ее положение в обществе останется прежним. Даже к куртизанкам относятся терпимо, если они своим поведением не

---

²⁶ Scott J. A Visit to Paris in 1814... P. 147.

²⁷ Так она была расценена в одном североамериканском обзорном издании из Северной Айовы: North-American Review and Miscellaneous Journal. 1816. P. 398-399.

²⁸ Scott J. A Visit to Paris in 1814... P. 242.

²⁹ Ibid. P. 243.

³⁰ Ibid. P. 244.

³¹ Ibid. P. 246.

противоречат нормам хорошего общества³². В этом Джон Скотт видит опасность, которую несет обществу такой разгульный и не порицаемый обществом образ жизни. Ему страшно наблюдать, как добродетельная девушка и блудница могут сидеть рядом и одинаково претендовать на внимание кавалеров, которые хоть и должны понимать разницу социальных ролей девушек ведут себя по отношению к ним одинаково³³.

Дж. Скотт упоминает некоего французского священника вернувшегося с Реставрацией Бурбонов во Францию из английской эмиграции. Священник сетовал, что со времен революции парижане превратились в дьяволов, все изменилось к худшему, но, что касается женщин, то их он находит очень соблазнительными³⁴. Скотту кажется, что женщины в Париже сродни красивому фантику, на который и клюют мужчины, а содержание конфетки мало кому интересно.

Довелось Дж. Скотту видаться в Парижских салонах и с русскими. Он вспоминает, как одна дама изрекла: «Париж — это прекрасный город, а не такое маленькое местечко, как Москва!»³⁵. В целом автор травелога остается в плену стереотипа о «варварстве» русских³⁶.

Еще одной излюбленной темой для Джона Скотта стало описание культурно-просветительных мест. Посещение Лувра стало в тот период своего рода привычкой всех путешественников. Их влекла идея проникнуть в место, где собраны пятники человеческого гения, символы самых тонких струн человеческой души. Джон Скотт не стал исключением. Для него поход в Лувр стал своего рода восхождением на Олимп, где его окружали бессмертие и проявления человеческого интеллекта³⁷. Он обращает внимание, что все музеи, выставки и библиотеки открыты и готовы принять публику, желающую удовлетворить свои научно-исследовательские потребности. Таким образом, посещение Парижа превращается в высшее наслаждение, которое для чужестранца становится

---

³² Scott J. A Visit to Paris in 1814... P. 253.

³³ Ibid. P. 255.

³⁴ Ibid. P. 261.

³⁵ Ibid. P. 267.

³⁶ Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов». М., 2019; Гладышев А.В. Военная история без истории сражений // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 163. Беспалова Д.А. Французская армия в период наполеоновских войн глазами Арчибальда Элисона // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2022. Вып. 25. С. 77. См. также: Еремин В.С. Образ армии союзников на страницах британских травелогов в 1814–1815 гг.: к постановке проблемы // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, А.С.Мезина. Саратов, 2021. Вып. 22/23. С. 183–196.

³⁷ Scott J. A Visit to Paris in 1814... P. 300.

доступным во всех его разнообразных вариациях: «стол, стул, огонь, перо и чернила предоставляются посетителю самых великолепных библиотек: ему остается только войти, сесть и заниматься; какую книгу он ни пожелает, ему принесут; самые редкие гравюры, самые редкие медали, самые прекрасные картины и статуи – все это представят ему в зависимости от его вкуса или стремления»³⁸.

Образ Парижа в травелоге Дж. Скотта, естественно, дуалистичен, иначе автора обвинили бы в необъективности. Он видит и доверчивость неуверенных в завтрашнем дне простолюдинов и парижецентризм людей образованных. Дж. Скотт, ходил не только по центральным улицам, он видел и непарадный Париж. Все дело в акцентах, а акцентирует он как раз образ столицы Франции как культурной столицы Европы. Ему импонирует открытость Парижа к просвещению, но его пугает деградация нравов, хотя взаимосвязь между этими явлениями он и не устанавливает. Париж – город, который предоставляет возможности на любой вкус, в том числе, и желающему понаблюдать сквозь стекло за человеческим роем.

Для цитирования: Беспалова Д.А. «Стеклянный улей»: Париж глазами британского путешественника Джона Скотта // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 124-131.

---

³⁸ Scott J. A Visit to Paris in 1814... P. 331.

ВОЕННАЯ ПРОЗА В.М. ГАРШИНА:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг.

О.В. Кочукова¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме литературно-художественного отражения исторических процессов. На примере военной прозы В.М. Гаршина, посвященной Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., выявляется взаимосвязь историко-культурного контекста и литературного текста, рассматривается соотношение критериев художественной правды и исторической достоверности. Автор приходит к выводу о присутствии в военной прозе Гаршина двух неразделимых дискурсов – дискурса народной войны и жертвенного дискурса. В тексте статьи показано столкновение различных тенденций в общественной мысли послевоенного периода, которые обусловили сочетание в «военном цикле» Гаршина протеста против войны с протестом против крайнего увлечения «антивоенной» тематикой и обесценивания подвига участников войны.*

Ключевые слова: литературно-художественные исторические источники, военная проза, исторический контекст, культурный текст, жертвенный дискурс русской литературы, освободительная война, народная война, Русско-турецкая война 1877-1878 гг., В.М. Гаршин, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев.

MILITARY PROSE OF V.M. GARSHIN: HISTORICAL AND
CULTURAL CONTEXT OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR 1877-1878

O.V. Kochukova

(Saratov, Russia)
e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Annotation *The article is devoted to the problem of literary and artistic reflection of historical processes. Using the example of military prose by V.M. Garshin, dedicated to the Russian-Turkish War of 1877-1878, reveals the relationship between the historical and cultural context and the literary text, and examines the relationship between the criteria of artistic truth and historical authenticity. The author comes to the conclusion that there are two inseparable discourses in Garshin's military prose – the discourse of the people's war and the discourse of sacrifice. The text of the article shows the clash of various trends in social thought of the post-war period, which led to the*

---

¹ Кочукова Ольга Викторовна (Саратов), к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

combination in Garshin's «military cycle» of protest against the war with a protest against the extreme passion for «anti-war» themes and the devaluation of the feat of the war participants.

Key words: literary and artistic historical sources, military prose, historical context, cultural text, sacrificial discourse of Russian literature, liberation war, people's war, Russian-Turkish war of 1877-1878, V.M. Garshin, L.N. Tolstoy, V.S. Soloviev.

Использование произведений художественной литературы в качестве исторического источника вполне возможно и допустимо тогда, когда произведение написано участником и очевидцем описываемых исторических событий и явлений, создано в непосредственной хронологической близости к ним, фиксирует характерные особенности восприятия исторической реальности, содержит авторскую рефлекссию, выражает общественное мнение (мнение определенной социальной группы, политических и интеллектуальных элит). Такие произведения имеют черты сходства с публицистическими и мемуарными источниками, по сути приближаясь к беллетризованной мемуаристике. Но само по себе это сходство не отменяет необходимости отдельного внимания исследователя-историка к специфике литературной формы.

Произведение художественной литературы содержит исторический контекст, но остается, прежде всего, литературным текстом. Предметом исследования, соответственно, является взаимодействие исторической реальности (исторического контекста) и литературного текста. Таким образом, историк, обращающийся к художественно-литературным источникам, стоит перед необходимостью использовать методы и достижения литературоведения и культурологии. В частности, в отечественном гуманитарном знании достаточно популярно использование историко-семиотического подхода. Принадлежность конкретного литературного произведения к более общему и пространному культурному тексту эпохи в специальных исследованиях хорошо изучена на примерах петербургского текста русской культуры, евангельского текста и др.² Писатель всегда конструирует субъект и объект восприятия и следует сложившемуся литературному канону с учетом роли языка, который систематизирует восприятие реальности, дает способы ее описания и понимания.

Вместе с тем представляется, что литературно-художественные источники обладают не только спецификой, но и одним явным

---

² См.: Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367; Евангельский текст в русской словесности / Отв. ред. И.С. Андрианова. Петрозаводск, 2020.

преимуществом, которое обусловлено их потенциалом влияния на общественное мнение. Литературные тексты в символах и образах, в традициях национального литературного канона формируют художественную картину мира, и этим определяется сила воздействия литературных произведений на формирующуюся память современников о недавних событиях. Зачастую именно литературные тексты закладывают фундамент, первый пласт в исторической памяти современников. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что мемуары участников и очевидцев исторических процессов по-другому «прочитываются» современниками, нежели романы, рассказы, повести (и в количественном отношении читателей и в качественном, в смысле формирования структуры сознания под воздействием прочитанного). Таким образом, ценность литературно-художественного источника для историка определяется тем, что он создан под непосредственным воздействием исторического контекста и в силу его принадлежности к культурному тексту эпохи особым образом повлиял на общественное сознание и историческую память современников.

Работа историка с литературно-художественным источником предполагает специфику исследовательского подхода. Применение междисциплинарных методов исследования также включает использование критериев художественной правды и исторической достоверности – возможно, очень близких, но явно не идентичных понятий. В рамках данной статьи поставлена цель обратиться к обозначенным проблемам на примере военной прозы В.М. Гаршина, посвященной событиям Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Всеволод Михайлович Гаршин (1855-1888) добровольно отправился на фронт в качестве вольноопределяющегося, принимал участие в походе и сражениях войны с Османской империей, получил ранение, лечился в госпитале, и непосредственно «по горячим следам» посвятил войне несколько содержательных, оригинальных по содержанию и выдающихся по литературным приемам рассказов. Главный герой всех гаршинских рассказов о войне – рядовой Иванов. Мотивы, поступки, впечатления, переживания, жизненный путь и трагизм судьбы рядового Иванова формируют обобщающий образ представителя молодого поколения российского общества на войне – добровольца, движимого побуждениями социально-психологического и морально-нравственного свойства, формирующего новые представления о феномене войны.

Рассказы Гаршина составляют единый цикл. К ним относятся: «Четыре дня» (1877, опубликован в «Отечественных записках»), «Очень

коротенький роман» (1878, напечатан в сатирическом журнале «Стрекоза»), «Трус» (1879, «Отечественные записки»), «Денщик и офицер» (1880, «Русское богатство»), «Воспоминания рядового Иванова» (1882, «Отечественные записки»).

Рассказ «Денщик и офицер», опубликованный в журнале «Русское богатство», сопровождался авторским подзаголовком «Люди и война», а сама эта публикация имела смысл анонсирования цикла рассказов под соответствующим названием. Нетрудно заметить, что название «Люди и война» отсылало к роману-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», но при этом, вероятно, (по характерной расстановке приоритетов в названиях этих двух произведений) настраивало не на эпическое выражение общего (массового, социального, исторического) в единичном (личном, индивидуальном, психологическом), а на лирическое проникновение единичного и личного в общий поток истории. Ассоциация задуманного Гаршиным названия с романом Толстого для современников была ясной и несомненной, чем и определялось то, что в речевом употреблении приоритетность элементов спутывалась. Корреспонденты Гаршина были склонны писать и говорить не «Люди и война», а «Война и люди». Так, И.С. Тургенев писал В.М. Гаршину: «Ваше последнее произведение "Война и люди" окончательно утвердило за Вами в моем мнении первое место между начинающими молодыми писателями. Это же мнение разделяет и граф Л.Н. Толстой, которому я давал прочесть "Войну и людей"»³.

Первый по времени, детальный и глубокий опыт историко-литературного исследования гаршинского цикла о войне принадлежит русскому и советскому военному историку В.А. Апушкину (1868-1937), о котором М. Горький писал (в письме к В.Г. Короленко): «Генерал Апушкин – лучшее, что есть среди военных». На рубеже XIX-XX вв. в «Военном сборнике» была опубликована серия очерков В.А. Апушкина «Война 1877 года в корреспонденции и романе», представляющая собой, в сущности, самостоятельное монографическое исследование. Шестой очерк «Психология войны» полностью посвящен военной прозе В.М. Гаршина. В.А. Апушкин не только исчерпывающим образом сформулировал главную тему гаршинского литературного цикла («психология участника войны, данная изнутри»), но и определил социально-психологический тип этого, характерного для исторического момента войны 1877 года, участника (рядовой из

---

³ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 12. Кн. 2. М., 1978. С. 273-274.

вольноопределяющихся, добровольно принявший решение пойти на войну; своего рода участник войны «от общества», «от интеллигенции»⁴.

Обозначенное, таким образом, еще более чем столетие назад исследовательское поле изучения социально-психологического типа участника войны (характерного, специфичного и ведущего для определенной эпохи) предполагает обращение к современному опыту гуманитарного научного знания в постижении интеллектуальной, нравственно-этической и эмоционально-психологической составляющих восприятия современниками военных периодов истории.

В российской истории XIX столетия три главные войны определили траекторию эволюции общественного сознания как в отношении осмысления феномена войны как таковой, так и в формировании исторической памяти о крупных военных противостояниях в качестве «точки сборки» национального самосознания. В современной исторической науке представлены интересные опыты изучения мифологем и интеллектуальных концепций войн XIX века. Прежде всего, это имеющая длительную традицию изучения концепция Отечественной войны 1812 года как «народной войны» (в том числе, в ее значительно различавшихся либеральной и консервативной версиях, как это хорошо показано в новой монографии В.С. Парсамова⁵). В исторической памяти война 1812 года стала победоносной войной нации, в которой она обрела отправной исторический момент своего самосознания. В отношении Крымской войны 1853-1856 гг. основное значение имел факт поражения, сопряженный в то же время с героическим подъемом армии и общества, актуализировавшим историческую память о войне 1812 года. Мысль о возможности победы над врагом не военно-тактической, а нравственной укрепила историческую параллель «Бородино-Севастополь», получила развитие тема народной войны и народного героизма, окрашенного, правда, более в трагический тон (жертвенный героизм). В конечном счете, переживание военного поражения внесло существенную коррективу в дальнейшую историческую траекторию концепции народной войны, породив основу для «жертвенного дискурса» в осмыслении феномена народной войны. Так, в исследовании М.С. Федотовой, посвященном отражению Севастопольской обороны в культурной

---

⁴ Анушкин В.А. Война 1877-1878 гг. в корреспонденции и романе Ст. 6. «Психология войны» (Гаршин) // Военный сборник. 1903. № 1. С. 176-178.

⁵ Парсамов В.С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. М., 2020.

памяти Российской империи, сделаны интересные наблюдения о том, как тема героического исполнения долга и трагической обреченности обусловила присоединение евангельского текста о жертве Христа, наличие в культурных откликах на войну отсылок к пасхальным сюжетам и др.⁶ Русско-турецкой, третьей из крупнейших войн Российской империи в XIX в., посвящено немало исследований, тем не менее, интеллектуальный контекст этой войны изучен все еще недостаточно. Между тем, именно Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. принадлежит особое место в изменении общественных представлений о войне как таковой и об исторической роли России в международных военных конфликтах. Новой была концепция «освободительной войны» (понятие, которое имело широкое хождение в дореволюционной историографии и встречается в ряде современных исследований⁷). Эта концепция, с одной стороны, продолжала традицию памяти о народных, отечественных войнах (см. попытку рассмотрения трех войн XIX в. в едином историческом и цивилизационно-религиозном контекстах в недавних исследованиях Л.В. Мельниковой⁸), но с другой стороны, присоединяла новый исторический смысл в базовом целеполагании участия России в военных противостояниях великих держав.

Освободительная русско-турецкая война 1877-1878 гг. имела своей целью не собственное национальное спасение и величие, не защиту от узурпатора и претендента на мировую гегемонию (освободительный смысл войны 1812 года и особенно заграничных походов 1813-1814 гг. в отношении европейских народов, ставших жертвой агрессии Наполеона) и не восстановление попорченной исторической справедливости в пределах церковной традиции (религиозный конфликт церковью как предпосылка Крымской войны). В идеологическом, интеллектуальном смысловом пространстве национального самосознания война была

---

⁶ Федотова М.С. Миф о Севастопольской обороне 1854-1855 гг. в культурной памяти Российской империи. СПб., 2022.

⁷ См., напр.: Епанчин Н.А. Освободительная война 1877-1878 гг. СПб., 1902; Богданович Л.А. Двадцатипятилетие великой освободительной войны. М., 1902; Кочукова О.В., Кочуков С.А. В Сербию из Саратова. Русские добровольцы в борьбе за национальную свободу южных славян (1876). М., 2023; Кочукова О.В. Поэтические образы освободительной войны России на Балканах (по материалам журналов 1870-х гг. «Нива» и «Пчела») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Вып. 2. С. 141-146.

⁸ Мельникова Л.В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 г. М., 2002; она же. Русская Православная Церковь и Крымская война, 1853-1856 гг. М., 2012; она же. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 2020.

направлена не на устранение каких-либо возникших препятствий к собственному национальному росту. Единственная цель войны, заявленная в политической сфере и обсуждаемая в сфере культурной, была связана с национальным освобождением балканских народов (православных и славянских, то есть родственных России в этноконфессиональном отношении). Принципиально новым элементом концепции освободительной войны, войны «за други своя», стало *историческое бескорыстие*, предполагавшее отсутствие расчетов в отношении последующих приобретений непосредственно для самой России. И в данном отношении характерной стала трансформация сущности понятий, полученных в качестве исторического наследия Отечественной 1812 г. и Крымской войн (народная война и народный героизм самопожертвования во имя долга). Центральной темой в культурном отражении новой войны должно было стать изображение подвига и трагизма добровольной жертвы русского народа и русского образованного общества. Особую специфику конкретной военно-политической ситуации составляло то, что это была первая война, в которой принимали участие вооруженные силы, сформированные в ходе мобилизации в рамках всеобщей воинской повинности. Соответственно, как справедливо отмечает современный исследователь А.А. Тесля, в публичном пространстве и в художественной литературе появился новый феномен – «воюющий народ», а сами события войны теперь воспринимались не в качестве относящихся прежде всего к солдатам и офицерам как людям особой социальной группы, а как реальность, непосредственно «принадлежавшая» всей читающей публике. А.А. Тесля, в частности, рассмотрел в целом очень распространенный в литературе эпохи персонаж вольноопределяющегося на примере романа В.И. Немировича-Данченко «Плевна и Шипка»⁹.

В целом в русской культуре 1870-х гг. рефлексирующий представитель молодого «героического» поколения стал фигурой знаковой. Тяготение к созданию позитивного образа героя было явлением новым после длительного периода преобладания нигилистических, критических и обличительных настроений. «Героическое поколение» 1870-х годов составляли представители российской интеллигенции, родившиеся в 1840-1850-е годы и вступившие в активную фазу общественной деятельности на стадии «вживания» российского общества в реалии,

---

⁹ Тесля А.А. Риторика и логика репрезентации Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в российском публичном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 4. С. 67.

созданные Великими реформами Александра II, ставшие активными участниками подвижнической просветительской деятельности в народе в качестве земских учителей и врачей, «хождения в народ» и других форм революционно-народнического движения¹⁰, добровольческого движения в период Сербо-турецкой войны 1876 г. и Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Ценности и поведение «героической молодежи» вызывали глубочайший интерес современников, их удивление, восхищение, но зачастую и отторжение, осуждение, неприятие¹¹. Яркий пример художественного отражения общественной реакции на распространение социально-психологического типа героя-борца встречаем в известном стихотворении в прозе И.С. Тургенева «Порог». В конце текста автор приводит две реплики, символизирующие собой «голос общества», они раздаются по адресу молодой девушки, решающей на то, чтобы принести всякую возможность личного счастья в жертву борьбе за поставленные цели – один голос: «Дура!», а другой: «Святая!»

Это поколение сформировало целую плеяду героев русской литературы, но столь же правомерно и утверждение о том, что сама русская литература в значительной мере формировала ценностные ориентиры «героического поколения». Феномен героико-жертвенного поведения получил свое преломление в целом ряде произведений выдающихся русских писателей эпохи, среди которых И.С. Тургенев, В.М. Гаршин, В.Г. Короленко и др.

В характеристике молодого поколения 1870-х гг. вполне применимо понятие *этоса*, определяющего стиль жизни общественной группы, принятой в ней иерархии ценностей, культурных предпочтений и типа поведения. Как известно, понятие этоса отделяется от общепринятой в обществе морали; скорее оно является принадлежностью субкультуры. Соответственно, предметом изучения может стать героический этос молодого поколения интеллигенции 1870-х гг. – так, как он получил отражение в русской культуре и в том виде, как он ею же был сформирован. Основой героического этоса поведения можно считать героизацию бескорыстно-жертвенного типа поведения, предполагавшего принесение своего личного благополучия, перспектив карьерного роста и материального успеха в жертву целям общественной пользы и

---

¹⁰ См.: Седов М.Г. Героический период революционного народничества: из истории политической борьбы. М., 1966.

¹¹ См.: Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879-1881 гг. М., 2014. С. 19-26.

общественного блага. Представляется, что героико-жертвенный тип поведения в принципе был свойственным лучшим представителям молодого поколения 1870-х гг., находил отражение в разных формах общественной активности, а его истоки в целом связаны с нравственными характеристиками общества, сопротивлявшегося наступавшей власти ценностей эпохи капитализма, исключительному стремлению к материальному успеху и личному благополучию. В таких условиях традиционные (христианские в своей основе) ценности русской культуры – даже внешне и демонстративно отвергаемые – получали переосмысление не только в мечтах об идеальном социалистическом обществе, но и в разнообразных поведенческих моделях, предполагавших принесение собственной жизни и собственных интересов в жертву определенным образом понятому благу.

Е.М. Гаршин, брат писателя и автор воспоминаний о нем, писал: «...каждый мыслящий человек чувствовал в этом молодом писателе плоть от плоти, кровь от крови своего несчастного поколения..., начиная с «Четырех дней» через все его рассказы проходит образ рефлексирующего молодого человека, томимого стремлением к познанию общего смысла жизни, чтобы в нем потопить свои личные страдания и сомнения»¹². Произведения В.М. Гаршина, действительно, были ярким воплощением общественных настроений эпохи.

Что же представляли собой взгляды В.М. Гаршина на войну? Самое распространенное мнение, которое чаще всего высказывалось и современниками и потомками, сводится к тому, что он был принципиальным противником войны как таковой, осуждал ее и главным содержанием «военного» цикла рассказов было обличение «ужасов войны». Тем не менее, вдумчивые авторы специальных исследований, в которых затрагивалась тема военной прозы Гаршина, всегда избегали однозначных утверждений. В.А. Апушкин был первым, кто показал разницу в отношении к войне Л.Н. Толстого и В.М. Гаршина. Но и он задавался вопросом: что означало вступление Гаршина на военную службу и участие его, принципиального противника войны, «гуманиста чистой крови», в военных действиях, и не было ли это «актом самоотречения»¹³?

---

¹² *Гаршин Е.М. Литературные беседы // Современники о В.М. Гаршине. Воспоминания. Вступит. ст., подгот. текста и примечания Г.Ф. Самосюк. Саратов, 1977. С. 38.*

¹³ *Апушкин В.А. Указ. соч. С. 189.*

Так был ли В.М. Гаршин противником войны? Самым оправданным для решения этого вопроса является исторический подход, предполагающий внимательное отношение к аутентичным историческим источникам (в данном случае, к письмам и документам, относящимся непосредственно к «военному» периоду биографии писателя) и учитывающий хронологическую последовательность фактов и явлений этой биографии, отражающую становление и эволюцию во времени общественно-политических убеждений под влиянием разнообразных исторических факторов. В сущности, это означает задачу восстановления исторического контекста в личной биографии Гаршина.

Думается также, что принцип историзма вполне применим и в отношении работы с литературными текстами. В связи с этим, важно отметить один немаловажный факт: Апушкин заложил традицию выстраивать логику военного цикла Гаршина, исходя из воображаемой хронологии биографии главного героя всех его рассказов – рядового Иванова. При таком подходе «первым» является рассказ «Трус», в котором герой принимает решение отправиться на войну, «вторым» (или «срединным») – «Воспоминания рядового Иванова», где отражено непосредственное участие в военном походе, а «третьим», «завершающим» – «Четыре дня», где герой предстает раненым, один на один с осознанием ужаса и бессмысленности войны. С такой трактовкой сложно согласиться историку, ведь реальная хронология написания рассказов диктует совершенно иную логическую последовательность: первый по времени написания текст – «Четыре дня» (1877), второй – «Трус» (1879), а заключительными являются «Воспоминания рядового Иванова» (1882). Авторская логика в постижении и изображении войны продиктована историческим контекстом, и в этой логике автор шел не в направлении осознания «ужасов войны», а напротив, от этого осознания к объяснению (и оправданию) мотивации того самого «рефлексирующего молодого человека», который принял непростое, но выстраданное и обоснованное решение принять в ней участие и разделить с русской армией весь ее боевой путь.

Восстановление исторического контекста в биографии В.М. Гаршина, пожалуй, следует начинать с семьи, детства и воспитания писателя. Он родился в 1855 г. в семье отставного военного, в Старобельске (Харьковская губерния), где постоянно квартировали кавалерийские полки. Детские воспоминания неразрывно связаны с рассказами офицеров, бывавших дома, бесконечными историями об обороне Севастополя, в которой участвовали двое братьев матери писателя. «Впечатлительный ребенок рано узнал, что такое родина, царь, русская

беззаветная храбрость, долг, тяжелые походы», – вспоминал Е.М. Гаршин. Самый яркий эпизод достаточно раннего детства Всеволода Гаршина был связан с родившейся у ребенка мыслью «идти в поход служить царю и отечеству». Проявивший «столь ранний геройский дух» мальчик со всей серьезностью начал приготовления к тяжелому и дальнему походу и «искренне верил в возможность немедленно сделаться солдатом»¹⁴.

Примечателен уже сам по себе факт отражения в ранней биографии Гаршина исторического контекста, связывавшего для людей русского девятнадцатого столетия в едином смысловом пространстве Бородино, Севастополь и непосредственную современность. В этом смысле детские воспоминания были параллельны исторической памяти поколений. Но, конечно, непосредственно отношение Гаршина к войне определили более поздние исторические обстоятельства середины 1870-х гг. – времени его молодости (студенческие годы). Студент Горного института в Петербурге проявлял большой интерес к общественным настроениям эпохи и летом 1876 г. был уже всецело захвачен охватившим всю Россию «славянским движением». Это движение было очень неоднородным по питавшей его социально-психологической мотивации участников (среди которых были патриоты-консерваторы, славянофилы, но также и гуманисты-западники, возмущенные «азиатским» насилием над человеческим достоинством балканского населения, и наконец, представители «героической молодежи», не исключая некоторых деятелей революционного народничества). Балканские события для «героической молодежи» стали поводом проявиться их глубинному стремлению к «всепоглощающему подвигу». Историк литературы Ф.Д. Батюшков, присутствовавший на литературном диспуте в Неофилологическом обществе, на котором обсуждалось предложенное В.М. Гаршиным прочтение библейской легенды об Аггее (царе, добровольно перешедшем к жизни простого человека), выразил это стремление следующими словами: «... отказаться от индивидуальной жизни, слиться с жизнью масс, взять на себя долю общего горя, идти со всеми, быть если не нищим, то слугою нищих»¹⁵.

Внутренняя потребность личной жертвы во имя блага униженных и обездоленных народных масс как характерная черта сознания разночинной интеллигенции и «кающихся дворян» актуализировала

---

¹⁴ Гаршин Е.М. В.М. Гаршин. Воспоминания // Современники о Гаршине. С. 22-23.

¹⁵ Батюшков Ф.Д. Памяти Гаршина // Современники о Гаршине. С. 165-166.

глубинные пласты христианской культуры, отзываясь памятью о добровольной жертве Христа во имя людей («Нас ради человек и нашего ради спасения...»). Архетипичность темы жертвы была настолько глубокой, что уходила своими корнями и в дохристианские времена¹⁶. Не будучи предметом рационалистического мышления, жертвенная тема становилась очень сильным эмоционально-побудительным мотивом определенного типа социального поведения. Представители «героической молодежи» чаще всего изначально не до конца осознавали всех возможных страшных последствий войн, революций, политического террора (всего того, что связано с пролитием крови) в основном потому, что в их сознании была акцентирована готовность к пролитию собственной крови, к принесению себя в жертву (быть убитым на войне, казненным за участие в акциях политического террора), а не ответственность за неизбежное пролитие чужой крови.

Гаршин-студент в 1876 году осознавал себя частью молодого поколения и, совершенно точно, на тот момент не только не был противником войны, но на войну рвался с непреодолимой силой влечения. Его настроения этого времени хорошо реконструируются по письмам к матери, друзьям и родственникам.

Как и для абсолютного большинства представителей русского общества, для Гаршина основным побудительным мотивом, питавшим освободительный настрой и готовность к военным подвигам, было возмущение «турецкими зверствами» – массовыми репрессиями и карательными акциями в отношении славянского населения территорий Османской империи, охваченных повстанческим движением. В период восстания в Герцеговине (1875 г.) и в Болгарии (1876 г.) страницы российской прессы были переполнены яркими и возмущающими сознание образами сожженных городов и сел, бегущего от репрессий населения, жестоких казней героев славянской борьбы за свободу, немыслимого насилия в отношении беззащитных детей, женщин, стариков. Описывались варварские виды казни (сажание на кол, сжигание заживо), изображались набеги нерегулярных военных отрядов (башибузуков и черкесов) на населенные пункты в Герцеговине и Болгарии, акции насилия в отношении священников, женщин и детей. Сообщения газет были основаны на многочисленных свидетельствах очевидцев событий. Например, болгарский художник и публицист Станислав

---

¹⁶ См.: *Жирар Р.* Насилие и священное. Пер. с франц. Г. Дашевского. М., 2010; *Эрлих С.* Своевременность жертвы // Новый мир. 2011. № 12; *Ранчин А.* Изучая жертву. Комментарии на полях статьи Сергея Эрлиха // Новый мир. 2011. № 12.

Доспевский, сопровождавший в 1876 г. в поездке по Болгарии американского журналиста Я. Мак-Гахана, передавал в русскую периодическую печать сведения о событиях, свидетелем которых ему довелось быть. В «Московских ведомостях» печатались подробные хроники «турецких зверств» с указанием места происшествий. «Кара-Мусал. В этом селе было 140 домов. Все село было ограблено и дотла сожжено турками окрестных сел... Церово. В нем было 190 домов, из коих 60 были сожжены войском Гассан-паши. Здесь были убиты турецкими солдатами 22 мужчины, одна женщина и одно дитя. Солдаты отрезывали многим из них нос, уши или отрубали им пальцы и руки и после того уже их убивали... Лисичево, в коем находилось 186 домов. Из них сожжено башибузуками 64, причем было убито 30 мужчин, 10 женщин и 15 детей. Чувство стыда не позволяет передать сцены глумления и позора, которым подвергался здесь, как и во многих других селах, женский пол. Из этого села были отведены турками в Пазарджик по обвинению в бунте, кроме мужчин, несколько десятков женщин, которых терзали и позорили на дороге самым зверским образом. Некоторым из них были распороты животы, а другие были изрезаны на куски»¹⁷.

В российской прессе печатались обращения общественных и церковных деятелей Сербии с призывами о помощи. Эти обращения были составлены таким образом, что вызывали у читателей эмоциональный отклик особой силы. Так, митрополит сербский Михаил писал: «Православные братья! К вам уже донеслись тяжелые стоны и раздирающие душу вопли родного вам сербского народа в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии, стоны и вопли той бедной райи, которая пятьсот лет страдает в мучениях тяжелого гнета азиатских варваров!... Подобно христианским мученикам времен языческих гонений, этот геройский народ выносил и выносит все беды и несчастия, какие только может выдумать зверское своеволие безбожных азиатских угнетателей-турок, желающих истребить и уничтожить православный славяно-сербский народ на Балканском полуострове... Да позволено будет нам упомянуть о некоторых из многих фактов, неслыханных деяний с бедной райею и тем воскресить забытые вами, братья русские, времена монгольско-татарского ига, которого вы не потерпели и тем давно избавились от многих ужасов и бед, заставляющих бедную райю покидать свою родину, очаги и спасать жизнь свою в бегстве... Но, о ужас! Во второй половине XIX

---

¹⁷ Доспевский С. Зверства турок в Филиппопольском санджаке и состояние несчастного населения разоренных в нем сел // Болгары в России. По страницам российской печати XIX века / Сост. И.Ю. Мельникова. М., 2010. С. 152-154.

столетия, наперекор христианской цивилизации, наперекор человеческой гуманности – живых людей сажают на кол! Живых людей, привязав к вертелу, жарят на огне!!! Бог свидетель, все это делают турки с бедной райею!.. Кажется, бесчувственная скала зарыдала бы при виде этих бед, несчастий и зол, которые переносят страдальцы и мученики, наши братья в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии... Родные нам братья и сестры! Вы, счастливо наслаждающиеся драгоценной свободой, вспомните все беды, которые перенесли в борьбе за нее ваши деды, воспряньте духом и услышите призывающий вас голос, полной мольбы, бедной, гибнущей райи, или во имя славянской национальности, во имя единой святой православной церкви, наконец, во имя гуманности, братья русские! вы не откажитесь подать посильную помощь бедным, брошенным всеми на произвол судьбы, вашим братьям славянам! Вспомните слова Спасителя: “Понеже сотвористе единому сих братий моих меньших, Мне сотвористе”»¹⁸.

Исторический контекст вполне объясняет эмоциональный подъем и запальчивость суждений студента Гаршина, писавшего в июне 1876 г. Н.С. Дрентельну в ответ на получение известий о событиях из жизни Горного института: «За сообщение новостей из профессорского мира весьма благодарен, хотя, по правде сказать, электрофорная машина Теплова и соединение физического и химического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30 000 безоружных старцев, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями не уменьшают вероятностей совершения подобных вещей»¹⁹. На тот момент война за торжество справедливости и во имя спасения жертв истории представляется Гаршину практическим способом борьбы с мировым злом. Именно поэтому с таким негодованием он отнесся к критике воинственных настроений среди русской молодежи со стороны многих деятелей революционно-народнического движения, обдумывавших, насколько эти настроения могут повредить борьбе за приближение социальной революции в России. О народническом журнале «Вперед» он пишет, что тот «все, что только может быть святого для всякого честного человека: родину, братство, свободу, честь, – жизнь человеческую самую, наконец, и ту считает ничем в виду «великого дела». Пусть, дескать, режут детей; это не может помешать великому делу социальной революции, следовательно, и мешаться в это не надо, мы лучше будем шпионские физиономии серной

---

¹⁸ Московские епархиальные ведомости. 1875. 5 октября.

¹⁹ Гаршин В.М. Письма. М., 1934. С. 85-86.

кислотой ошпаривать. Черт бы их побрал всех! Хоть бы Герцен с Бакуниным, честные люди, были живы; а то они гадят, подлецы, а прихвостни с благоговением читают и с не меньшим распространяют»²⁰.

Письма матери (Е.С. Гаршиной) пестрят сообщениями о знакомых и незнакомых, совсем молодых и уже пожилых, отставных военных и не имевших никакого военного опыта людях, решившихся отправиться в качестве добровольцев на Сербо-турецкую войну в армию, возглавленную прославленным русским генералом М.Г. Черняевым. Воодушевленный рассказами и газетными очерками о героях-добровольцах, Гаршин отправляет домой вырезки из газет и фотографию Черняева, а невесте Р.В. Александровой сообщает о своей личной решимости не медлить с отправкой в Сербию: «Если меня пустят, прощайте, моя дорогая; живой я, должно быть, не вернусь. Не поминайте дурным человека, который любил вас больше всего на свете, кроме, разве, одной правды»²¹. Но личный, потаенный психологический мотив к участию в войне Гаршин объяснил только в письме к матери: «В Сербию едут некоторые, кончившие курс у нас в Институте в этом году... Да и правда. Лучше смерть, чем жизнь позорная. А жизнь, действительно, позорная. Латкинен говорит Дорошенке (один из кончивших в этом году), что студенчество ему надоело, хочется, мол, жить. А Д. отвечает, что пока он был студентом, тогда он жил хоть будущим, а теперь нет ничего, нечем жить. Отвешивать золото да кислоты на Монетном дворе»²². Экзистенциальная мотивация была связана с обостренным переживанием бессмысленной повседневной реальности, стремление выйти за ее пределы подпитывало героико-романтические настроения.

В. Гаршин пишет стихотворение, посвященное русским добровольцам. Оно в целом замечательно отражало настроения эпохи, но подчеркнутое противопоставление свободного, добровольного желания идти на освободительную войну традиционным войнам «по приказу» («по прихоти владыки») стало причиной отказа в публикации со стороны редакции «Нового времени» (несмотря на то, что именно это издание во многом стояло у истоков формирования общественного интереса к балканским событиям середины 1870-х гг.).

*Друзья, мы собрались перед разлукой.
Одни – на смерть идут,*

---

²⁰ Гаршин В.М. Письма. С. 93-94.

²¹ Там же. С. 87.

²² Там же. С. 89.

*Другие с затаенной в сердце мукой
Прощанья часа ждут...*

*Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать,
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать.
И не числом солдат, коней, орудий,
Не знанием войны,
А тем, что в каждой чистой груди
Завет родной страны.
Она на смерть за братьев нас послала,
Своих родных сынов...
Мы победим или в бою погибнем...*

Отправка добровольцем на Сербо-турецкую войну не состоялась; причиной стал отказ Гаршину в выдаче документов и заграничного паспорта в связи с тем, что он был лицом призывного возраста. Но с началом Русско-турецкой войны вполне сформированное к тому времени желание идти на войну было реализовано незамедлительно: дожидаться призыва не входило в его планы, и сразу же вслед за публикацией Манифеста о начале войны, он сообщает матери: «Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули. Благословите меня»²³. Родительское благословение было получено телеграммой.

В. Гаршин вместе со своим товарищем, студентом Василием Афанасьевым прибыл в Кишинев для поступления вольноопределяющимися (добровольцами или, как иногда называли, «охотниками») в 138-й Болховский пехотный полк. Вскоре он был принят в него в качестве рядового 5-й роты, которой командовал Иван Афанасьев (брат Василия Афанасьева). Однополчанин Гаршина С. Михеев (впоследствии военный историк, автор полковой истории «болховцев») вспоминал: «Тщедушный и слабый по сложению юноша Гаршин сразу отказался от тех льгот, которые принято было давать интеллигентным нижним чинам, и которыми он тем более мог пользоваться, что находился в роте брата своего близкого товарища. Он одинаково с другими рядовыми нес в походе все солдатское снаряжение, не исключая ранца с полной выкладкой, спал вместе с солдатами в палатке и нес наравне с ними всякую

---

²³ Гаршин В.М. Письма. С. 116.

службу. Несмотря на свою физическую слабость и трудность похода, он не только сам никогда не был в числе отсталых, но и подбадривал других, более крепких по здоровью своих товарищей в роте»²⁴.

Фронтовые письма В. Гаршина родственникам и друзьям передают всю полноту его личного военного опыта. Восприятие войны быстро теряет романтическую окраску, каждодневные впечатления формируют основу для реалистического изображения военной повседневности. Война, какой ее увидел Гаршин, означала многодневный утомительный поход, постоянное преодоление тяжелых климатических условий, болезней, повседневных бытовых тягот, представляла нескончаемую картину человеческих страданий, пугала ужасающей и неотступной близостью смерти. В мае 1877 г. он пишет матери: «Дорога ужасная, дождь шел каждый день, чернозем размок. Ноги по колени в грязи. Выдерживаем мы с Васей поход так, что сами удивляемся. Правда, сделав 30 верст с ранцем (впрочем, почти пустым), бросаешься на что ни попало и спишь как убитый до самого «генерал-марша» (побудки)». Но спешит при этом добавить, что «наше положение сравнительно с солдатским еще очень хорошо: нас не посылают на работу вытаскивать обоз. А те пройдут 30 верст, да почти сейчас же идут назад верст за 5 вытаскивать на руках обоз из страшнейшей грязи»²⁵.

Военные впечатления Гаршина уже на тот момент формируют основу творческих замыслов, среди которых в качестве центральной темы ему виделась тема изображения русского солдата. «Если Бог приведет меня вернуться, напишу целую книгу. Русский солдат – нечто совершенно необыкновенное. Совершенные дети». Автор истории Болховского полка С. Михеев подтверждал, что темы военных рассказов Гаршина были взяты им непосредственно из быта этого полка. Он отмечал особый дружеский характер отношений, установившихся у Гаршина с солдатами: его звали не «барин», как других вольноопределяющихся из дворян, а в качестве исключения – «Михайлыч». «Михайлыча» просили написать под диктовку письмо домой, рассказать «про турецкую землю», почитать «про божественное»²⁶. Воспоминания об отношении Гаршина к солдатам («серой шинели») оставил еще один «болховец» В.М. Кулешов. Он писал: «Внезапная смерть какого-нибудь солдата

---

²⁴ Михеев С. Полковые воспоминания о Всеволоде Гаршине (Из материалов для составления истории полка) // Разведчик. 1903. № 673. С. 791.

²⁵ Гаршин В.М. Письма. С. 118.

²⁶ Михеев С. Указ. соч. С. 791; История 138-го пехотного Болховского полка. Сост. капитан Михеев. М., 1903. С. 112-114.

бесконечно печалила Гаршина. Однажды я рассказал виденный мной случай, как насмерть раздавило рядового артиллерийской повозкой. Гаршин выслушал, ничего не сказал и с намернувшейся слезой вышел из палатки»²⁷. Гаршина возмущали случаи рукоприкладства и грубого обхождения офицеров с солдатами. С. Михеев использовал осторожную формулировку: «офицеры далеко не всегда разделяли его гуманные воззрения по отношению к солдатам, особенно по части рукоприкладства»²⁸ Эти впечатления сформировали основу содержания рассказа «Денщик и офицер».

Самое угнетающее впечатление на Гаршина производил вид жертв войны – раненых и убитых. Тема жертвы, первоначально воспринятая (на стадии принятия решения идти на войну) как идеал самопожертвования и пролития собственной крови на алтарь спасения обездоленных народов, обретает более сложную структуру: среди обезображенных трупов не только болгары – жертвы «турецких зверств», и не только павшие русские герои-освободители, но и турки, лично, может быть, совсем не причастные к тем самым «зверствам», но пришедшие на войну, повинувшись приказу. В одном письме к матери Гаршин рассказывает о личном знакомстве с «болгарскими ужасами», о которых до сих пор так много читал в газетах: «Сейчас вернулись из деревни Общая могила, названной так в память истребления болгар... Здесь было до 70 домов черкес, татар, абхазов и пр. Все это бежало, предварительно вконец разорив болгар. Что они рассказывают – просто ужас... Я видел одного болгарина, израненного в трех местах»²⁹ (Письма, с. 129). В другом письме скупые строчки, передающие впечатления от увиденных трупов турок: «... турок уже зарыли, но мы еще застали целые кучи убитых»; «... турки обезображены ужасно; все штыковые раны и прикладом»; «... убитые турки – рослые ребята, сытые и толстые; раны на них жестокие: у одного четверть черепа снесена прикладом»³⁰

Именно эти тяжелые впечатления войны, ставшие основой переосмысления и трансформации образа жертвы, были положены Гаршиным в основу его первого рассказа из военного цикла – рассказа «Четыре дня», написанного непосредственно в период войны и опубликованного в прессе еще до ее окончания, в 1877 г. Главное в этом

---

²⁷ Яцимирский А.И. Воспоминания писателей-самородков о их старших братьях // Русская мысль. 1902. Кн. 11. С. 118.

²⁸ Михеев С. Указ. соч. С. 791.

²⁹ Гаршин В.М. Письма. С. 129.

³⁰ Там же. С. 126-127.

произведении – передача ощущений и размышлений рядового Иванова, оказавшегося в невообразимо сложном положении: раненый солдат, забытый на поле боя, четыре дня проводит в непосредственной близости от разлагающегося трупа убитого им турка.

«Передо мной лежит убитый мною человек. За что я его убил?

Он лежит здесь мертвый, окровавленный. Зачем судьба пригнала его сюда? Кто он? Быть может, и у него, как у меня, есть старая мать. Долго она будет по вечерам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север: не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец?

А я? И я также... Я бы даже поменялся с ним. Как он счастлив: он не слышит ничего, не чувствует ни боли от ран, ни смертельной тоски, ни жажды... Штык вошел ему прямо в сердце... Вот на мундире большая черная дыра; вокруг нее кровь. Это сделал я.

Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что и мне придется убивать людей, как-то уходила от меня. Я представлял себе только, как я буду подставлять *свою* грудь под пули. И я пошел и подставил.

Ну и что же? Глупец, глупец! А этот несчастный феллах (на нем египетский мундир) – он виноват еще меньше. Прежде, чем их посадили, как сельдей в бочку, на пароход и повезли в Константинополь, он и не слышал ни о России, ни о Болгарии. Ему велели идти, он и пошел. Если бы он не пошел, его стали бы бить палками, а то, быть может, какой-нибудь паша всадил бы в него пулю из револьвера. Он шел длинным трудным походом от Стамбула до Рущука...

Чем же он виноват?

И чем виноват я, хотя я и убил его? Чем я виноват?»³¹

Содержание рассказа «Четыре дня» убеждает в том, что из всех трудностей личного опыта войны сложнейшей представлялась Гаршину именно необходимость убивать людей. И это заставляет более внимательно отнестись к обстоятельствам, при которых молодой писатель был ранен. Согласно полковой реляции, в Аясларском сражении «рядовой Всеволод Гаршин примером личной храбрости увлек вперед товарищей в атаку, во время чего и ранен в ногу»³². Скорее всего, формулировка полковой реляции всего лишь в общепринятой форме отражала действительный факт проявленного героизма. Но героизм заключался в том, что Гаршин вместе с боевыми товарищами принял участие

---

³¹ Гаршин В.М. Избранное. М., 1984. С. 24-26.

³² История 138-го пехотного Болховского полка. С. 114.

в сложном эпизоде Аясларского дела, за что и был произведен в офицеры. При этом трудно предположить, зная болезненное отношение Гаршина к необходимости пролития крови на войне, что он лично увлек за собой в атаку нескольких товарищей. Воспоминания В.М. Кулешова, лучше всех знавшего ситуацию, так как он в день Аясларского сражения стоял в построении третьим от Гаршина, заставляют предположить простой элемент случайности и даже, возможно, некоторой растерянности и невнимательности во время боя, который и стал причиной того, что он невольно «увлек вперед товарищей». В.М. Кулешов писал: «Наша рота начала стрелять залпами, постепенно отодвигаясь к кустарникам. Турки опустили в котловину, на минуту исчезнув из прицела. Гаршин, не заметив отодвигавшейся цепи, продолжал стрелять. Через несколько минут турецкие войска словно вынырнули из котловины, и Гаршин оказался, так сказать, между двух огней: с одной стороны – турки, с другой в нескольких шагах цепь наших войск»³³. Сходным образом излагал события брат Гаршина: «Болховский полк... медленно отступал, продолжая отстреливаться; брат, не заметив этого, оставался на прежней позиции, поминутно стреляя и, таким образом, едва не попал в плен. Однако, товарищи во время заметили, в какой опасности он находился, ринулись на выручку своего однополчанина и тем увлекли в наступление и весь русский отряд, действовавший на Аясларских высотах»³⁴.

В ходе сражения Гаршин был ранен в ногу и после лечения в госпитале завершил свой боевой путь. Как вспоминал Е.М. Гаршин: «Главной наградой для него было возвращение на родину, к матери, в Харьков, куда он был отправлен на излечение. Так, по крайней мере, смотрели на это мы, домашние, искренне радуясь, что брат отделался легкой раной..., и что он, таким образом, избавлялся от всех ужасов зимнего похода»³⁵. Но новые обстоятельства периода окончания войны и изменившийся характер общественных настроений не могли доставить особой радости самому Гаршину.

«Отраженная реальность» войны 1877-1878 гг. в общественном мнении была достаточно парадоксальной: сам масштаб общественного интереса к вызвавшему ее международно-политическому и культурно-идеологическому контексту находился на своем «пике» в преддверии войны, он был уже значительно снижен после неудачного окончания

---

³³ Яцимирский А.И. Указ. соч. С. 120.

³⁴ Гаршин Е.М. В.М. Гаршин. Воспоминания. С. 25-26.

³⁵ Там же. С. 26.

Сербо-турецкой войны 1876 г., сменился временным подъемом весной-летом 1877 г., а затем стала нарастать волна потери интереса, разочарования и роста критических настроений, причем победоносное завершение войны не изменило этой парадоксальной логики, но только внесло некоторую новую специфику в общий процесс. Неоправданные завышенные ожидания в отношении хода войны, ее последствий и итогов сменились столь же неоправданным разочарованием. Возможно, это было связано с тем, что проблема прагматических интересов России на Балканах в общественном мнении осталась непроработанной. Война не стала моментом национального единства, напротив, она сыграла свою роль в эскалации общественно-политических дискуссий современников и усилении противостояния власти и общества. Реальность разбивала славянофильскую мифологию «единого славянства», готового объединиться под эгидой России и выявляла масштаб разногласий среди «братушек», наряду с неожиданным для русского общества «инструментальным» и ситуационным отношением политиков молодых балканских государств к стране-освободительнице. Русское общество оказалось неготовым к принятию неизбежной цены победы, связанной с жертвами войны. Предметом острой критики стали военные неудачи, ошибки командования, вскрывшиеся факты злоупотреблений в интендантской части, подвергшейся общему процессу коммерциализации в рамках принятия государством либерально-буржуазной модели экономических отношений. Наконец, большую роль в «охлаждении» общества к идейно-ценностной основе войны сыграли заключительные фазы военного конфликта: неудовлетворенное желание русской армии вступить победным маршем в Константинополь и последовавшее дипломатическое сокращение результатов русской победы на Берлинском конгрессе «великих держав». Процесс «остывания» российского общества по отношению к целям и ценностям освободительной войны, разумеется, объяснялся объективными причинами, но для самих современников он имел другой смысл, нежели для историков. В этом «остывании» было много несправедливого и незрелого, что хорошо почувствовал И.С. Тургенев, писавший еще в январе 1877 г.: «Итак – славянский пыл испарился? – Это меня не удивляет, потому что он всегда держался на одной поверхности, в так называемых высших слоях общества; но что религиозный жар остыл – это для меня менее понятно, так как можно было предполагать, что народ им был охвачен. Изю всего этого вывод один: сверху донизу мы не умеем ничего крепко желать – и нет на свете правительства, которому было бы легче руководить своей страной. Прикажут – на стену полезем; скомандуют: оставь! – мы с

полстены опять долгой на землю. И все то благо, то добро. Но только немножко досадно иногда бывает, что седые волосы нажил – а уму-разуму не научился и ошибаешься, как школьник»³⁶.

Но самое главное заключалось в том, что непосредственно для участников освободительной войны изменившиеся общественные настроения были не просто «досадны», а переживание собственной роли в качестве «ошибавшегося школьника» глубоко травмировало сознание. «Остывание» общества на поверку оказывалось дегероизацией военного подвига, десакрализацией мотивов участия в войне, обесцениванием личного экзистенциального опыта. И наверное, Гаршину могло быть вдвойне тяжело это переживание, так как он не мог не сознавать, что его рассказ «Четыре дня», посвященный переосмыслению темы жертвы и самопожертвования, оказался составной частью этого сложного и неоднозначного процесса.

Первоначальной реакцией на этот процесс Гаршина можно считать рассказ «Очень коротенький роман». Примечательно, что серьезные размышления писатель пока еще скрывал в форме по меньшей мере иронической (рассказ был опубликован в сатирическом журнале «Стрекоза»). Герой рассказа – уже знакомый читателю вольноопределяющийся Иванов, но только уже после войны и... на деревянной ноге. На войну как на крестовый поход, несмотря на то, что времена рыцарей давно прошли, героя отправил любимая девушка – Маша (настолько «знаковое» имя в русской литературе!):

«- Послушайте, - сказала она мне однажды: - вы честный человек?

- Могу допустить это, - отвечал я.

- Честные люди делом подтверждают свои слова. Вы были за войну: вы должны драться»³⁷.

Но ветреная и непостоянная Маша, столь непохожая на героиню «Капитанской дочки» – несомненная персонификация русского общества второй половины XIX века – выходит замуж за другого, а инвалиду войны достается роль шафера на свадьбе («кому нужен дырявый, нештопанный чулок? Всякий старается отбросить его носком подальше от своей ноги»).

«Я пошел драться из-за Маши, но я честно исполнил свой долг и относительно родины. Я бодро шел по Румынии под дождем и пылью, в жар и холод. Я самоотверженно грыз сухари «компании». Когда

---

³⁶ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма в 18 т. Т. 15. Кн. 2. 1877. М., 2014. С. 28-29.

³⁷ Гаршин В.М. Избранное. С. 51.

случилась первая встреча с турками, я не струсил: за это мне дали крест и произвели в унтер-офицеры. Когда случилась вторая встреча – что-то хлопнуло, и я хлопнулся о землю. Стон, туман... Доктор в белом переднике, с окровавленными руками... Сестры милосердия... Моя отрезанная нога с родимым пятном ниже колена...

Когда покидаешь город, как следует, двуногий, а возвращаешься в него с одной ногой и обрубок вместо другой – это чего-нибудь стоит, поверьте мне»³⁸.

Следующие рассказы гаршинского цикла о войне («Трус» и «Воспоминания рядового Иванова») предельно углубляли авторскую рефлексию и были максимально включены в исторический контекст осмысления сущности войны в русской культуре конца 1870-1880-х гг. Осуждение войны как таковой стало темой «антивоенных» произведений живописи (В.В. Верещагин) и философской прозы (Л.Н. Толстой). Именно заочная дискуссия с Л.Н. Толстым составляет, как представляется, внутреннюю ось итоговой рефлексии В.М. Гаршина на тему войны 1877-1878 гг. Относительно потребности вступить в дискуссию с Толстым осталось непосредственное свидетельство Гаршина в письме к Латкину: «Я чувствую настоятельную потребность говорить с ним. Мне кажется, что у меня есть сказать ему кое-что. Его последняя вещь ужасна. Страшно и жалко становится человека, который до всего доходит "собственным умом"». «Последняя вещь» Толстого, о которой идет речь – религиозно-философский трактат «В чем моя вера?» (1882).

Л.Н. Толстой писал: «...догадаться, что то, что в нашей жизни считается не только необходимым и естественным, но самым непререкаемым и доблестным – любовь к отечеству, защита, возвеличение его, борьба с врагом и т.п. – суть не только преступление законов Христа, но явное отречение от них – догадаться, что это так – ужасно трудно». И далее: «...нам теперь, привыкшим называть людей, посвятивших свою жизнь убийству, – христоробивым воинством, привыкшим слушать молитвы, обращенные ко Христу о победе над врагами, славу и гордость свою полагающим в убийстве, в некоторого рода святую возведшим символ убийства, шпагу... нам теперь кажется, что Христос не запретил войны...»³⁹. Дискуссия о «христоробивом воинстве» впоследствии стала темой столкновения «князя» (Толстого) и «генерала»

---

³⁸ Гаршин В.М. Избранное. С. 52.

³⁹ Толстой Л.Н. В чем моя вера? // URL: <https://www.tolstoy.ru/online/online-publicism/v-chem-moya-vera/index.xhtml> (Дата обращения: 14.11.2023).

(Достоевского) в знаменитых «Трех разговорах» В.С. Соловьева⁴⁰. «Генерал» выдвигал веские аргументы против перенесения философии непротivления из личной сферы в политическую, убеждая, что отказ от войны в конкретной ситуации может обернуться отказом от борьбы со злом, отказом от защиты слабого против сильного. И самым сильным аргументом «генерала» в тексте В.С. Соловьева было напоминание о бесчеловечных недавних примерах геноцида в истории («турецких зверствах»).

Гаршин размышлял над толстовским пониманием войны много раньше, чем были написаны «Три разговора», и, видимо, тот контекст, который больше всего взволновал его лично, как непосредственного участника минувшей войны – о значении личного выбора человека: идти или не идти на войну, начатую за правое дело (а сомнений относительно правоты побуждения вступить за униженные и угнетаемые народы у Гаршина не было никогда). Ответ Толстого, данный им в начале 1880-х гг., был категоричен: личный отказ от участия в войне есть человеческий подвиг истинного христианина; он же есть путь к преодолению войны как всеобщего бедствия человечества («Стоит человеку только сделать то, чего ему хочется, – отказаться от того, чтобы идти на войну, – и его послали бы копать канавы и не замучили бы в Севастополе и Плевне»⁴¹). Ответ Гаршина был прямо противоположен по смыслу и он имел в своей основе совершенно иные этические основания: война есть несомненное общее горе, а личное участие в общем горе не может для честного человека иметь альтернативы. Этот ответ просто и ясно выражен словами сестры милосердия в рассказе «Трус»:

«Кто вам сказал, что я люблю войну? ... Война – зло; и вы, и я, и очень многие такого мнения; но ведь она неизбежна; любите вы ее или не любите, все равно, она будет, и если не пойдете драться вы, возьмут другого, и все-таки человек будет изуродован или измучен походом... Вот что: по-моему, война есть общее горе, общее страдание, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится»⁴².

Обращает на себя внимание, что Гаршин, как и позже философ В. Соловьев сомневался в том, что моральный пример непротivления злу в сфере политики может оказаться действительно действующим на

---

⁴⁰ См.: Парсамов В.С. Философский диалог в творчестве Жозефа де Местра и Владимира Соловьева («Санкт-Петербургские вечера» и «Три разговора»: опыт сравнительного анализа) // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 102-112.

⁴¹ Толстой Л.Н. В чем моя вера? // URL: <https://www.tolstoy.ru/online/online-publicism/v-chem-moya-vera/index.xhtml> (дата обращения: 14.11.2023)

⁴² Гаршин В.М. Избранное. С. 66.

других опытом. Сомнительные перспективы искоренить войну, как писал военный историк В.А. Апушкин, в логике толстовского непротивления требовали отказаться от причастности народу, который был воспитан тысячелетней общественно-государственной жизнью в традициях повиновения «закону, пророкам и преданию»⁴³.

Важно отметить, что в центральном и заключительном рассказах гаршинского цикла «Люди и война» тема разоблачения сущности войны получала свое продолжение. Но протест против войны, концентрация внимания на ее жертвах не отменяли протеста против общественного увлечения «антивоенной» тематикой, в котором начинали проявляться черты обесценивания подвига участников минувшей войны, забвения их памяти, и, наконец, потери моральной готовности к достойному принятию грядущих вызовов, к сожалению, неизбежных войн.

«Мне кажется, что нынешняя война - только начало грядущих, от которых не уйду ни я, ни мой маленький брат, ни грудной сын моей сестры... Ты всем существом своим протестуешь против войны, а все-таки война заставит тебя взять на плечи ружье, идти умирать и убивать»⁴⁴.

Еще один пример несовпадения позиции Гаршина и Толстого относился к изображению присутствия на войне царя. Г.А. Русаков сообщал о реакции Толстого на сцену царского смотра в Плоэшти в «Воспоминаниях рядового Иванова» («это описание меня неприятно поразило»). Толстому напомнили о его собственной сцене Аустерлица с образом царя в «Войне и мире», на что был ответ: «Но у меня описаны ощущения Ростова, а у Гаршина о них говорится как об ощущениях самого автора, точно эти ощущения присущи всем»⁴⁵.

В рассказе Гаршина, действительно, было показано внутреннее моральное единство «человеческого потока» солдатской массы и царя.

«Люди шли быстрее и быстрее, шаг становился больше, походка свободнее и тверже. Мне не нужно было принаравливать к общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли вперед, туда, где уже гремела музыка и раздавалось оглушительное "ура!" Не помню улиц, по которым мы шли, не помню, был ли народ на этих улицах, смотрел ли на нас; помню только волнение, охватившее душу, вместе с сознанием страшной силы массы, к которой принадлежал и которая

---

⁴³ Апушкин В.А. Указ. соч. С. 190-200.

⁴⁴ Гаршин В.М. Избранное. С. 55.

⁴⁵ Толстовский ежегодник. М., 1912. С. 71-72.

увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нет ничего невозможного, что поток, с которым вместе я стремился и которого часть я составлял, не может знать препятствий, что он все сломит, все исковеркает и все уничтожит. И всякий думал, что тот, перед которым проносился этот поток, может одним словом, одним движением руки изменить это направление, вернуть назад или снова бросить на страшные преграды, и всякий хотел найти в слове этого одного и в движении его руки неведомое, что вело нас на смерть. «Ты ведешь нас, - думал каждый, - тебе мы отдаем свою жизнь; смотри на нас и будь покоен: мы готовы умереть»⁴⁶.

Гаршин не только показывал воодушевляющее влияние царского присутствия на войне на русскую армию, но и изображал ответное эмоциональное состояние императора, подчеркивая чувства сострадания и тяжести принятия ответственности за судьбы и жизни всех солдат и офицеров.

«Я помню бледное, истомленное лицо, истомленное сознанием тяжести взятого решения. Я помню, как по его лицу градом катились слезы, падавшие на темное сукно мундира светлыми, блестящими каплями; помню судорожное движение руки, державшей повод, и дрожащие губы, говорящие что-то, должно быть приветствие тысячам молодых погибающих жизней, о которых он плакал»⁴⁷.

Художественный текст Гаршина в данном случае был основан на личном историческом опыте и следовал исторической достоверности. Царский смотр войск в Плоэшти произвел большое впечатление на Гаршина – участника войны. В письме матери с фронта он рассказывал: «В пыли и в поту пришли в Плоэшти. И когда увидели государя, солдат нельзя было узнать, так они воодушевились». В этом же письме он описывал свои впечатления от облика императора, постаревшего, на его взгляд. «Грусть на добром лице» была понята солдатами, «влюбленными» в царя: «Жалеет он нас! Видно, и у него воля не своя»⁴⁸. Те же самые чувства описывал и другой личный свидетель смотра в Плоэшти, автор «Истории Болховского полка»: «Все тяжести и невзгоды похода сразу были забыты, люди точно возродились, когда проходили мимо обожаемого монарха»⁴⁹. Вслед за этими строчками автор полковой истории, признаваясь в своем «неумении хорошо сказать» приводил

---

⁴⁶ Гаршин В.М. Избранное. С. 175.

⁴⁷ Там же. С. 176.

⁴⁸ Гаршин В.М. Письма. С. 122.

⁴⁹ История 138-го пехотного Болховского полка. С. 50-51.

отрывок из «Воспоминаний рядового Иванова», ручаясь за абсолютную достоверность художественного текста Гаршина.

Е.М. Гаршин в своих воспоминаниях сообщал, что его брат очень сомневался, стоило ли главу с описанием царского смотра войск оставлять в рассказе, с учетом того, что собирался печатать ее в «Отечественных записках». Но реакция их редактора оказалась для автора «Воспоминаний рядового» неожиданно сочувственной: обратившись ко всей редакции и присутствовавшим на тот момент авторам, М.Е. Салтыков-Щедрин заявил: «Вот вы все пишете, пишете... А вот Гаршин написал такое, что в Гатчине будут читать и плакать будут»⁵⁰.

Рядовой Иванов в рассказе Гаршина делает важное признание: «никогда не было во мне такого полного душевного спокойствия, мира с самим собой и кроткого отношения к жизни, как тогда, когда я испытывал эти невзгоды и шел под пули убивать людей»⁵¹. Писатель и участник русско-турецкой войны Гаршин делает столь же важное признание в реальной жизни (в 1882 г., в письме к брату, реагируя на слухи о новом возможном обострении в мировой политике): «Правда ли, что война так возможна? Не дай ее, конечно, бог, а лично я не был бы недоволен... лучше конца, как на войне, надо поискать»⁵².

Представляется, что именно личный экзистенциальный опыт войны, пережитый в культурном контексте исторической памяти о народном героизме в войнах, которые вела Россия в XIX столетии, предопределил глубокое осмысление Гаршиным двух неразделимых дискурсов – дискурса народной войны и жертвенного дискурса: внутренняя потребность разделить жизнь, подвиг, страдание «массы серых шинелей» была ведущим личным мотивом писателя и осевой темой его литературного «военного» цикла. В этом осмыслении соединялись художественная правда и историческая достоверность. Но сам по себе «гаршинский» способ осмысления войны вообще и исторического опыта Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в частности был выражением целого общественного типа участников войны «от общества» («воюющего народа»), который и нашел выражение в образе вольноопределяющегося рядового Иванова. Этот способ осмысления приводил Гаршина в ситуацию дискуссии с новыми, послевоенными тенденциями развития общественной и философской мысли. Уверенность Гаршина в

---

⁵⁰ См.: *Гаршин Е.М.* Как писался «Рядовой Иванов» // *Современники о Гаршине.* С. 34.

⁵¹ *Гаршин В.М.* Избранное. С. 163.

⁵² *Гаршин Е.М.* Как писался «Рядовой Иванов». С. 35.

собственной правоте пересиливала преклонение перед авторитетом Л.Н. Толстого, талант которого, разумеется, не освобождал от возможных заблуждений. И здесь историческая достоверность суждений Гаршина-участника войны 1877-1878 гг. хотя и вступала в противоречие с идеями и суждениями Толстого-мыслителя, но продолжала традиции исторической достоверности Толстого-участника Крымской войны и автора «Севастопольских рассказов».

Для цитирования: *Кочукова О.В.* Военная проза В.М. Гаршина: историко-культурный контекст русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 132-159.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ЛЮДОВИКА XI
И ЕГО ПОЛИТИКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ:
ПОЭТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

А.В. Нефёдов¹

СГУ имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: sasha.nefedov.2020@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается механизм реконструкции событий прошлого современным кинематографом и создания ностальгического образа реальных исторических событий. Особое внимание уделено репрезентации выдающейся личности, её роли в истории, взаимосвязанности научного и художественного образов. Исследование посвящено образу Людовика XI – монарха и человека, представленного во французском кинематографе XX – начала XXI вв. Интерес представляют художественные методы формирования образа монарха, цели и задачи создателей фильмов, их взгляд на исторический процесс.

Ключевые слова: Людовик XI, французский кинематограф, образ монарха, историческая память.

THE REPRESENTATION OF THE PERSONALITY OF LOUIS XI AND
HIS POLITICS IN FRENCH CINEMA: POETICS AND REALITY

A.V. Nefyodov

(Saratov, Russia)
e-mail: sasha.nefedov.2020@mail.ru

Annotation. The article examines the mechanism of reconstruction of the events of the past by cinema and the creation of a nostalgic image of real historical events. Special attention is paid to the representation of a historical personality and its role in the history of his native country, as well as the degree of interconnectedness of scientific and artistic images. The research is based on the image of Louis XI as a monarch and a man, presented in the French cinema of the XX – early XXI centuries. Of interest are the artistic methods of creating the image of the monarch, the goals and objectives of the directors, their view of the historical process.

Key words: Louis XI, the French cinema, the image of the monarch, historical memory.

Вопросами презентации исторических событий и личностей в кинематографе давно и активно занимаются искусствоведы и культурологи, по этой проблематике защищают свои диссертации философы².

---

¹ Нефёдов Александр Владимирович, студент Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

² Например, см.: Макиенко М.Г. Иллюзия реальности в художественных фильмах (на примере исторического кинематографа) // Вестник Московского

Исторический жанр в кинематографе изучается с точки зрения его влияния на историческую память³. Обсуждается также взаимодействие научных исследований и кинематографических образов⁴. Примером того, как серьезное научное исследование историка легло в основу сценария к художественному фильму может служить книга Натали Земон Дэвис «Возвращение Мартина Герра» (1983 г.): исследовательница приняла участие в написании сценария к одноименному фильму. Актуализируется данная проблематика и в рамках возникшей в конце 1990-х – начале 2000-х гг. междисциплинарной исследовательской области «*media and memory*»: агенты медиации (посредники между прошлым и обществом) включаются в анализ культурной памяти. Потребление истории через кинематограф, превращение истории в «товар» стало с легкой руки Джерома де Гру составляющей «публичной истории» (*public history*)⁵.

Связь художественного образа с научным образом (в конструктивистском понимании результатов труда историка) на примере репрезентации образа Людовика XI во французском кинематографе второй половины XX – начала XXI вв. и стала предметом нашего внимания.

Фильмография Людовика XI довольно обширна, она насчитывает более десятка фильмов и телесериалов. Для нашего исследования мы отобрали три кинофильма: «Если бы нам рассказали о Париже» 1956 г.

государственного университета культуры и искусств. 2010. № 2. С. 93 – 98; *Он же*. Проблема исторической судьбы народа в российском кинематографе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 5. С. 243 – 247.

³ *Чистякова В.О.* Отечественное военное кино 1911-2011 годов: медиатизация памяти // Культурологический журнал. 2012. № 3(9). С. 1-14; *Ерохина Т.И.* Феномен памяти в массовой культуре: контрпамять и постпамять в отечественном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 269-274.

⁴ *Sobchak V.* The Persistence of History: Cinema, Television, and the Modern Event. New York, 1996; *Niemi R.* History in the Media: Film and Television. Santa Barbara, 2006; *Грибан И.В., Неволин А.В.* Кино как источник формирования исторической памяти: из опыта деятельности студенческого кино клуба «Двадцать пятый кадр» // Бюллетень науки и практики. 2017. № 9 (22). С. 184-188; *Тузинэк А.* Кино как медиум для создания «образов прошлого» и «образов другого» // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 10 (783). С. 302-315; *Ходнев А.С.* История и кино: культурное взаимодействие и противоречия // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2 (2). С. 115-121; *Михайлин В.Ю.* Ритуализированный конфликт Нового времени в зеркале позднейшей фиктивной традиции // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2022. – Вып. 25. С. 108-124.

⁵ *De Groot J.* Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. New York, 2009. P. 13.

(реж. С. Гитри), «Тайна бургундского двора» 1961 г. (реж. А. Юнебель) и «Людовик XI, расколота власть» 2011 г. (реж. А. Эльман; в России демонстрировался под названием «Людовик XI, угроза королю»). Выбор данных фильмов обусловлен тем, что Саша Гитри как автор исторических пьес и киносценариев был весьма популярен и, несомненно, влиял своими произведениями на формирование массовых представлений о прошлом в период господства в историографии структуралистской парадигмы. Фильм Юнебеля того же периода вообще стал культовым во Франции. Кинолента Эльмана появилась относительно недавно, когда благодаря усилиям историков личность Людовика XI была уже во многом демифологизирована, когда на смену структурализму пришла новая парадигма с ее акцентированием феномена сознания, а философия постмодернизма декларировала размытие границ между научным и популярным знаниями о прошлом.

Правление Людовика XI (1461–1483) считается временем возрождения Франции после Столетней войны и наращивания ею финансовой и военной мощи⁶. Еще дофином участвовавший в мятежах против своего отца, вступив на престол, Людовик XI стал успешно бороться с феодальным сепаратизмом (война Лиги общественного блага, борьба с герцогами Бургундским и Бретонским), для чего часто использовал дипломатические переговоры, подкупы, интриги, предпочитая их военным действиям. Он проводил последовательную политику укрепления королевской власти, централизации и территориального объединения Франции, развития экономики королевства (покровительствовал ремеслам, способствовал созданию шелкового производства, развитию внутренней и внешней торговли). Историки часто отмечают интеллектуальные способности этого короля, его трезвый ум, энергичность и прозорливость, а, с другой стороны – подозрительность, жестокость по отношению к предателям, тягу к деспотичности и корыстное благочестие⁷. В романтической историографии XIX в. Людовик XI был представлен как жестокий государь-тиран, разрушитель рыцарской идеологии и традиции. В позитивистской историографии он выглядит как централизатор, создатель собственного образа государя, принесшего Франции внутренний мир, экономическую стабильность и величие. Методологический бунт гуманитариев начала XX в. растворил образ собственно Людовика XI в «картинах мира», ментальности и

---

⁶ Люблинская А.Д. Столетняя война и народные восстания XIV–XV веков. М., 1972. С. 144.

⁷ Ле Руа Ладюри Э. Королевская Франция (1460–1610): от Людовика XI до Генриха IV. М., 2004. С. 89–91; Эрс Ж. Людовик XI. Ремесло короля. М., 2007. С. 19–21; Пти-Дютайи Ш. Царствование Людовика XI. СПб., 2022. С. 22.

проблематике рецепции, но позитивистский взгляд на неразборчивого в средствах «короля-экономиста» и централизатора сохранился, как и традиционный взгляд на этого монарха, как на параноидальную личность и олицетворение тирании, жестокости, беспринципного цинизма. Людовик XI не смог пройти без потерь через горнило литературы. Работники пера, творящие в любых жанрах – от большого романа до простого памфлета или так называемого исторического труда, – подхватывали одни и те же лозунги, даже не пытаясь искать истину. Фигура короля четко обрисована, и читателям нравится ее узнавать. Постепенный пересмотр такого восприятия Людовика XI Валуа, получившего прозвище «Всемирный паук» за методы ведения политики – лесть, подкупы, шпионаж и нескончаемую сеть интриг, которую искусно он умел плести, начался в 1930-е гг. Взлет интереса к личности Людовика XI во французской историографии начинается с 1960-х гг. и продолжается до середины 1980-х гг. И речь теперь идет именно о его личности и психологии не только как государственного мужа, но и как человека с его повседневными страхами, переживаниями, горизонтами ожидания; акцентируются общественные запросы XV в. на «величие» короля. На фоне «социального пейзажа» и стоявших перед королем проблем Людовика XI представлен во всей противоречивости его действий и поведения. Постмодернистская атака на историков с ее тезисами о демократизации труда историка и антисциентистским пафосом открыла ящик Пандоры разнообразных псевдонаучных интерпретаций и повысила роль художественных образов как маяков для массового сознания любителей истории. Не имея возможности разобраться в наступившем эпистемиологическом хаосе, массовый потребитель «исторического товара» удовлетворяет свой интерес через масс-медиа.

Связаны ли с этими зигзагами историографии кинематографические образы Людовика XI?

По сюжету «Если бы нам рассказали о Париже...» профессор истории, полагаясь исключительно на свою память и заранее предупреждая о собственной предвзятости, рассказывает группе заинтересованных студентов историю города Парижа с 1240 г. до настоящего (т.е. до 1950-х гг.) времени. Сам по себе фильм, таким образом, представляет из себя видео-хрестоматию, рассказанную «интересным языком», как говорит сам профессор. По ходу своего изложения он упоминает и Людовика XI. Своё повествование о нём профессор предваряет в фильме словами «Он сам мог стать великим королём, обожал Францию и был Людовиком XI».

Действия короля здесь немногочисленны, но весьма показательны: он принимает Филиппа де Коммина, искусственного царедворца и дальновидного дипломата, историка, создавшего образ Людовика XI как

«образцового» государя нового типа, с которым обсуждает создание типографии (книгопечатание – это последнее на тот момент слово техники – при Людовике использовалось для распространения литературы и памфлетов на французском языке⁸), вспоминает создание почты, казнь кардинала Балю, сожалеет о своей непривлекательности и том, что его подданные – «дурные» люди; встречается с супругой, принимает ремесленников. Все вышеперечисленные усилия Людовика способствовали интенсификации процесса объединения земель Франции. Королевская почта позволяла быстрее доставлять приказы, типография – быстрее их издавать. В фильме же король говорит о том, что делал это для блага народа, проявившего неблагодарность.

В фильме Гитри художественный образ тесно взаимосвязан с образом, бытовавшим в научном знании того времени, о чём свидетельствует и сюжетная фабула. Режиссёр художественными средствами создаёт образ короля-буржуа (он говорит о ремесленниках: «Моя личная армия»). Людовик до абсурдного патриотичен (он обращается королеве: «Я не смогу делить с вами постель, ибо вы иностранка, а королю Франции не пристало рассказывать государственные секреты при иностранцах даже во сне»), любит своё государство, не чурается мыслей о народном и посмертном признании («Люди глупы и злы. Когда я создал конную почту, то думал, что им хоть это пойдёт на пользу. Однако во всех своих письмах они пишут, как им плохо. Меня ненавидят»). При этом король в фильме Гитри – неоднозначный персонаж. Рассказчик признаёт его таланты, но в то же время сам Людовик будто бы не любит самого себя («Королю нельзя быть уродом. А я уж чересчур... Пусть не пишут мой портрет»). Ближе всего к сути его образа подошёл бы термин «мизантроп». Таким образом, Людовик XI здесь – хрестоматийный персонаж, внешне неприглядный, однако почитаемый за свой вклад в развитие столицы Франции. Не просто так профессор, завершая повествование, произносит: «Этот странный король, что так возвысил ремесленников, чтобы Париж стал столицей мира». В целом, образ Людовика, созданный в фильме Гитри, соответствует его историографическому имиджу короля-централизатора Франции.

Следующий фильм 1961 г. «Тайна бургундского двора» режиссёра Андре Юнебеля – игровое приключенческое кино, где на первый план выступают личность, её чувства и эмоции, а контекст эпохи предстает в виде размытого силуэта. На композиционный каркас и игровую основу накладывается попытка отразить в судьбах героев и перипетиях сюжета дух времени, определённую историческую концепцию, взгляд авторов картины на прошлое и на конкретные персонажи.

---

⁸ *Ле Руа Ладюри Э.* Королевская Франция (1460–1610). С. 89–91.

Сюжет разворачивается в 1468 г., о чём можно догадаться по проходящей в Перонне встрече, на которой исторические Людовик XI и Карл Смелый должны были продлить мирный договор и уладить конфликт, возникший из-за вторжения войск короля в Бретань. Однако начавшееся по прибытии короля в Перонн антибургундское восстание в Льеже, о причастности к которому Людовика Карл немедленно узнаёт, чуть было не приводит к гибели короля. Главные герои картины – влюблённые друг в друга шевалье де Невиль и графиня де Бовэ, крестница Людовика XI. В графиню также влюблён и герцог Карл Смелый, который планирует свергнуть короля и захватить власть. Именно влюблённым предстоит спасти Людовика от заговора герцога и графа Сенака, пережив при этом множество приключений, красочно показанных в фильме. Несмотря на то, что король здесь снова является второстепенным персонажем, его образ весьма колоритен и ярок, как и подобает игровому кино.

Хотя, надо признать, что роль короля в сюжете и этого фильма невелика: будучи крёстным отцом графини де Бовэ и другом её дяди, графа д' Эслена, он намеревается выдать её за герцога Карла, однако после похищения отказывается от этой идеи. Людовик посылает д' Эслена в Льеж в 1468 г., перед поездкой в Перонн, с грамотой, призывающей повиноваться герцогу, но становится жертвой Сенака, подменившего грамоты. В конце фильма король благословляет брак де Невилья и графини. По сути, всё своё экранное время он занят заботами о государстве. В моменты, когда монарх не интересуется делами крестницы, он говорит только о политике. Таким образом вновь подчеркивается образ Людовика в его государственном величии. Он, словно монумент, возвышается на фоне драматичных событий и психологически острых переживаний главных героев фильма. Вместе с тем, показано, что Людовику не чужды и собственно человеческие интересы и пристрастия: он любит играть в шахматы и охотиться, что, по его собственным словам, его успокаивает.

В картине Юнебеля Людовик XI представлен во всей противоречивости его личности и поступков, но при этом достаточно однозначно решающий вопрос о соотношении личных чувств и общественного долга. Это, прежде всего, политик властолюбивый, хитрый, осторожный и рассудительный, все помыслы которого заняты делами державы («Политика не имеет отношения к моим чувствам», графине де Бовэ: «Вы имеете не больше прав на чувства, чем я или мои дочери. Вы не человек, а один из оплотов короны. Счастьем приходится пренебречь, когда на карту поставлены интересы государства»; «Они (Господь и король – А.Н.) одинаковы для всех жителей Франции»). Это все тот же образ короля, посвятившего себя созданию сильной, единой Франции. И,

даже несмотря на свою внешнюю шутливость, он величественен и твёрд духом, что заметно по его репликам (на церковном суде, грозящем лишить короля престола: «Разве сюзерену позволительно разговаривать со своим господином сидя?»). В целом же, Людовик в данном фильме не совершает решительных поступков, а его спасение – дело рук де Невилля. Таким образом режиссёр проводит мысль о том, что королевская власть, справедливая в своих целях и применяемых средствах, нуждается в защите верных слуг от коварства и предательства неверных вассалов.

Последний фильм, к рассмотрению которого мы обратились, – «Людовик XI, расколота власть» режиссера Анри Эльмана (2011 г.) – является звеном своеобразного процесса исторической реабилитации Людовика XI. Режиссёр картины перед съёмками ознакомился с биографиями короля, представленными в мировом бестселлере П.М. Кэндалла «Вселенский паук»⁹ (1974 г.) и капитальном (900 стр.) исследовании Ж. Фавье¹⁰, изданном в 2001 г., и имел перед собой конкретную цель: исправить негативное отношение к монарху.

Сюжет фильма построен вокруг последнего дня жизни Людовика XI, узнавшего о готовящемся на него во время собрания Королевского совета по поводу объявления регентства при дофине Карле покушении, за которым стоят почти все участники совета во главе с герцогом Людовиком Орлеанским. Королю удаётся с помощью своей дочери Анны де Божё и её мужа Пьера де Бурбона переиграть заговорщиков и расстроить их планы. Выпустив узника одной из железных клеток, Людовик XI наряжает его в королевское платье и отправляет вместо себя на совет. Не подозревая о том, что их замысел раскрыт, советники убивают мнимого короля, задушив его подушкой, после чего их окружает дворцовая стража. Однако на пиру короля настигает удар, и перед своей кончиной он успевает назначить регентами супругов де Божё в пику герцогу Орлеанскому. Король умирает, произнеся в качестве последнего слова: «Франция».

Помимо истории о заговоре фильм показывает взаимоотношения Людовика с дочерьми: уже упомянутой Анной и Жанной Французской. Отношения эти неоднозначны. Людовик использует дочерей как информаторов, особенно Жанну, жену герцога Орлеанского, презирает её за слабость характера и чрезмерную набожность, жесток с ней. В то же время любит и уважает Анну, которую считает равной себе и с которой делится политическим опытом. На смертном одре он прощается

---

⁹ Kendall P.M. Louis XI: The Universal spider. London, 1971.

¹⁰ Favier J. Louis XI. Paris, 2001.

именно с ней, игнорируя другую дочь. Тем не менее, полноценной отцовской любви он не проявляет ни на миг.

Король коварен, хитер, расчетлив. Именно таким он предстает в целом ряде эпизодов фильма. Своего спасителя Клемана де Содра, молодого дворянина, племянника маршала Жье, который сообщил о готовящемся на Людовика покушении и рассчитывал на монаршую милость, король приказал тихо ликвидировать, поскольку предавший раз – предаст снова. На предложение старшей дочери, Анны де Божё, немедленно арестовать предателей король отвечает отказом, предпочитая взять их с поличным, поскольку за каждым из них стоят провинции, города и армии, и значит, обвинения против них должны быть неопровержимы. Раскрыв заговор, король приглашает советников, с цепями на ногах, на ужин, после чего им предстоит в тюремных камерах обдумывать свое дальнейшее поведение.

В фильме Эльмана Людовик показан в первую очередь как политик и патриот до мозга костей. Его занимают политика и власть, даже его отношения с любимой дочерью Анной завязаны на заботах о государстве. Это макиавеллистский гений («В политике честные расчёты приводят к проигрышу»), который почти открыто заявляет, что государство – это он («Я создал Францию. Моя смерть – это фантазия. Абсурд») и который полностью уверен в своей исключительной роли в его благополучии («Говоря о том, что я создал, никто о вас не вспомнил о почте... Вы (заговорщикам – А.Н.) думаете, они (гонцы) пересекают Артуа, Савойю, Анжу? Нет! Они ездят по Франции, которую я создал такой, какой и задумал!», и «Моё рыцарство – это порядок в государстве, это торговля, обращение имущества, процветание народа, а не турниры и не реверансы»). Посредством этих фраз режиссёр в общих чертах показывает роль исторического Людовика XI – победителя феодального сепаратизма, сумевшего подчинить короне новые земли. Однако Эльман не останавливается лишь на этой мысли, а развивает её следующим образом: в то время как заговорщики жаждут возвращения независимости своих земель от королевской власти, то есть децентрализации, король стремится сохранить существующий порядок во избежание новой войны, то есть Людовик является хранителем порядка, мира и спокойствия во всём королевстве.

В то же время режиссёр показывает короля как жестокого, циничного и коварного человека, но при этом не выставляет его ни злодеем, ни тем более впавшим в беспочвенную паранойю безумцем. Людовик сохраняет адекватность и внешнюю статью (несмотря на тяготы болезни, отказывается от помощи окружающих). Да и как показывает сюжет, сидящему в Плесси-ле-Тур королю было чего и кого опасаться.

В заключение можно сказать, что рассмотренные выше художественные образы Людовика XI имеют целый ряд различий, что объясняется временем создания, жанровыми особенностями фильмов и позицией режиссёров. В то время как Юнебель художественными средствами показывал приключения влюблённых на фоне важных для истории Франции событий, которые представлены фрагментарно, Гитри и Эльман стремились на основе, в том числе, научных исследований реконструировать уже знакомые зрителю события и как можно более выразительно презентовать их знаменитых участников, то есть, создать видео-хрестоматию. Именно поэтому Людовики, показанные в их фильмах, имеют так много общих черт: они оба – циничные прагматики, интересующиеся только государственными делами, негоцианты, гордящиеся созданием почты. И, что самое главное, осознающие значимость своего вклада в историю Франции – они оба считают себя её создателями. Различие же состоит в том, что в картине 1956 г. король лубочно-омерзителен, в то время как у Эльмана Людовик не вызывает такого отторжения, а многие его жестокие поступки оправданы контекстом заговора.

Логичным будет сделать вывод, что образ научный и образ художественный тесно взаимосвязаны, что особо заметно в фильмах Гитри и Эльмана, где режиссёры являются в определенной степени реконструкторами. Поэтому неудивительно, что в этих картинах кино-Людовик, как и Людовик научный, предстаёт как государственный муж, хитрый, коварный, жестокий, практичный, подчинивший свои чувства и помыслы делу создания единой и сильной Франции. Это в полной мере соответствует устойчивому представлению французов о Людовике: в первую очередь он для них – создатель единой державы, наделённый макиавеллистским гением.

Рассмотренные фильмы играют важную роль в создании образа Людовика XI как одного из образов прошлого. Они актуализируют воспоминания и представления об этом монархе и привлекают внимание к дискуссионным историческим темам, каковой до сих пор является неоднозначная личность Людовика XI Валуа.

Для цитирования: Нефёдов А.В. Репрезентация личности Людовика XI и его политики во французском кинематографе: поэтика и реальность // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 160-168.

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМНЫЕ ВОСПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 355.1-048.35(620) | 182/183 | +929Мухаммед Али

МОДЕРНИЗАЦИЯ АРМИИ В ЕГИПТЕ В 20-30-Е ГГ. XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ КАРТЕЗИАНСКОЙ МОДЕЛИ В ИСЛАМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С.А. Богомолов¹

независимый исследователь
e-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы комплексной модернизации египетской армии в 1820–1830-е гг. во время правления Мухаммеда Али. Автор анализирует процессы внедрения французской картезианской модели организации вооруженных сил, призывов, обучения, боевого применения и размещения новых солдат в казармах. Форсированная военная реформа в короткие сроки привела к сильному сопротивлению традиционного исламского общества и вынудила Мухаммеда Али и его администрацию искать компромиссы и паллиативные способы. Новая египетская армия выиграла войны в Сирии и Аравии, но без устойчивой материальной базы и общественной поддержки не обеспечила достижения главной цели Мухаммеда Али – провозглашения независимости Египта.

Ключевые слова. Египет, Мухаммед Али, Османская империя, ислам, военная реформа.

MODERNIZATION OF ARMY IN EGYPT IN 1820-1830 YEARS: THE PROBLEMS OF INTRODUCTION OF CARTESIAN MODEL IN ISLAMIC SOCIETY

S.A. Bogomolov

(Ulyanovsk, Russia)
e-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of comprehensive modernization of the Egyptian army in the 1820–1830s. during the reign of Muhammad Ali. The author analyzes the processes of implementation of the French Cartesian model of the organization of armed forces, appeals, training, combat use and placement of new soldiers in barracks. Forced military reform in a short time led to strong resistance of traditional Islamic society and forced Muhammad Ali and his administration to seek compromises and palliative ways. The new Egyptian army won the wars in Syria and Arabia,

---

¹ Богомолов Сергей Александрович (Ульяновск), кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь.

but without a stable material base and public support, it did not ensure the achievement of Muhammad Ali's main goal – the declaration of Egyptian independence.

Key words. Egypt, Muhammad Ali, Ottoman Empire, Islam, military reform.

Военная реформа османского губернатора, а фактически самостоятельного правителя Египта Мухаммеда Али (1769–1849) в 20–30-е гг. XIX века стала одним из вариантов ответа исламского мира на Великую огнестрельную революцию, которая началась в Европе на рубеже Средних веков и Нового времени. Гладкоствольное, а затем и нарезное оружие кардинальным образом повысило поражающую мощь, как сухопутной армии, так и военного флота, изменив не только военную стратегию, но и принципы организации вооруженных сил в европейских государствах. Превосходство в военной сфере Испании и Португалии, а затем Нидерландов, Франции и Великобритании стало главным фактором их глобального доминирования, обеспечив успешные колониальные завоевания в Азии, Африке и Южной Америке.

Высадка экспедиционного корпуса Наполеона Бонапарта в Египте и разгром мамлюков в 1799 г. произвело шоковое впечатление не только на правителей Египта, но и на все население долины Нила. Дисциплинированная французская пехота в «сражении у пирамид» прицельным и организованным огнем отразила атаки аморфной массы мамлюкской конницы. Эти храбрые военные профессионалы, предки которых в 1244 г. захватили Иерусалим, а в 1260 г. отразили вторжение монголов в долину Нила, и через пять столетий ничем не уступали солдатам Наполеона по своим морально-волевым качествам и индивидуальному воинскому мастерству. Но они ничего не могли противопоставить слаженным коллективным действиям интервентов на поле боя.

Мухаммед Али начал свою карьеру в 1799 г. в качестве офицера османского экспедиционного корпуса, высадившегося в Египте для отражения французской агрессии. Добившись в 1805 г. должности губернатора (вали), он был убежден в необходимости быстрой перестройки вооруженных сил Египта по европейским (французским) образцам. В 1820 г. Мухаммед Али подписал декрет о вводе в египетской армии «нового порядка» (Низам джадид). Но военная реформа не могла ограничиться только призывом рекрутов, их размещением в казармах, перевооружением и организацией в соответствии с французскими военными уставами. Вчерашние крестьяне (феллахи) в новой армии были

вынуждены полностью сменить поведенческую модель, которую они усвоили в традиционном исламском обществе².

Французская модель военной организации основывалась на картезианской системе формализованных категорий и никак не совмещалась с египетской культурой и обычаями. Не удивительно, что военная реформа вызывала сильнейшее сопротивление традиционного египетского общества. После разгрома в 1820-х гг. локальных вооруженных восстаний крестьяне перешли к уклонению от призыва. Феллах, ставший солдатом, воспринимал свое новое положение, как разновидность государственных принудительных работ – «корви»³.

В начале модернизации вооруженных сил при относительной многочисленности здоровой деревенской молодежи Мухаммед Али считал возможным минимальное принуждение при наборе на военную службу. 29 марта 1822 г. в письме к своему старшему сыну и фактически главнокомандующему Ибрахиму-паше он требовал прекратить применение методов, идентичных «корви». Правитель Египта советовал использовать такие же методы убеждения, которые в 1799–1800 гг. применяли французы при вербовке коптов во вспомогательные войска. Офицеры интервентов в первую очередь обращались к религиозным чувствам единоверцев. Мухаммед Али полагал, что новые египетские солдаты должны ощущать себя не рабами очередного фараона, а ревностными защитниками ислама и Отечества⁴.

Однако с самого начала призывы на военную службу вызывали инстинктивное сопротивление феллахов, которые много веков занимались сельским хозяйством и воспринимали казармы, как разновидность тюрем, а военную службу – как каторгу. К тому же первоначально в новой египетской армии отсутствовали как инфраструктура, так и кадры для гуманного обращения с рекрутами. Рапорты военных чиновников 23 ноября 1823 г. о призывной кампании в провинциях Нижнего Египта – Гарбийе, Минуфийе, Мансуре, Галубийе, Шаркийе и Гизе показывали достаточно характерную картину: из 14426 призывников 622 бежали, а 428 умерли до прибытия в учебные лагеря. В провинциях

---

² Богомолов С.А. «Военная революция» Мухаммеда Али в Египте в 20-е гг. XIX в. // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. № 12 (3). С. 645–664; он же: Албанская династия в Египте в XIX в.: циклическая эволюция в условиях европейского вызова. Санкт-Петербург, 2020. С. 136–142.

³ *Colvin A. The Making of Modern Egypt*. L., 1906. P. 5–6

⁴ *Fahmy K. All the Pasha's Men. Mehmed Ali, his Army and the Making of Modern Egypt*. Cairo – N.Y., 2002. P. 98.

Среднего Египта – Мануфийе, Бани Суэйф, Файюме и Атфихе из 1960 рекрутов, числящихся в списках, более трети не удалось обнаружить.

20 декабря 1825 г. Мухаммед Али издал декрет, в котором предупредил директоров правительственных департаментов, губернаторов (мудиров) провинций и начальников дистриктов (хакимов хаттов) об ответственности за проведение призывных кампаний. Вице-король быстро избавился от иллюзорных надежд на добровольную готовность египтян воевать за родину и веру. Правительственные агенты сообщали о повсеместных злоупотреблениях. Губернаторы скрывали информацию о ситуации в их провинциях, а деревенские шейхи за взятки или на основании родственных связей прятали уклонистов в своих домах. Главы сельских общин часто вместо своих земляков выдавали для призыва феллахов из соседних деревень.

В конце 20-х – начале 30-х гг. по мере истощения мобилизационных ресурсов репрессивное давление государства на низшие социальные слои еще более усилилось. Тяжелые потери в войнах в Судане, Морее и Сирии полностью нивелировали уровень исламской и националистической индоктринации феллахов. Они больше не хотели воевать и умирать в дальних незнакомых странах ни за веру, ни за родину. По выражению британского финансового контролера, служившего в Египте в 1881–1882 гг., О. Колвина пустыни Аравии, Сирии и Судана белели от костей египетских феллахов⁵.

22 июля 1825 г. Мухаммед Али подписал первый декрет о поиске скрывающихся от призыва. В нем содержались достаточно мягкие требования к шейхам, которые были должны не задерживать, а только сообщать о беглецах. Однако их пособникам, которые укрывали рекрутов, причем часто за взятки, назначались достаточно суровые наказания – от 100 ударов по пяткам палкой-бастинадо до пожизненного тюремного заключения. Но ужесточение наказаний не дало никакого положительного эффекта. В конце 30-х гг. некоторые деревни были полностью покинуты жителями⁶.

В результате возрастания количества уклонистов в феврале 1844 г. в Свод законов (Канун аль-Мунтахаб) была введена ст. 118, которая детально регламентировала соответствующие обязанности шейха. В

---

⁵ *Colvin A. The Making of Modern Egypt. P. 6.*

⁶ *Fahmy K. All the Pasha's Men. P. 101–102; St. John J.A. Egypt and Mohammed Ali. 2 vols. L., 1834. Vol. I. P. 189; The Cambridge History of the Egypt. Vol. 2. Modern Egypt, from 1517 to the end of twentieth century / ed. by M.W. Daly. Cambridge, 2008. P. 155–156.*

течение четырех дней после бегства рекрута он был должен сообщить об этом мудиру провинции, а затем содействовать в его поиске и задержании. В случае пособничества шейха казнили через повешение. Метод казни в Египте был «гуманнее», чем в других провинциях Османской империи, в которых за аналогичные преступления казнили распятием на кресте. Феллахи с большим трудом могли избежать военного призыва в густонаселенной долине Нила, и бежали в пустыню, где их поджидали и укрывали бедуины. Поэтому мудиры платили кочевникам за каждого феллаха, доставленного в военный лагерь. В качестве другого метода уклонения от военной службы египтяне начали применять членовредительство. Кандидаты в рекруты отрезали себе пальцы, выбивали передние зубы или закапывали в глаза крысиный яд, который вызывал слепоту на время призывной кампании.

В 1830-е гг. призывные кампании все больше начинали напоминать карательные экспедиции. В отличие от европейских призывных комиссий египетские военные чиновники ради достижения количественных плановых показателей по-прежнему игнорировали возраст и семейное положение призывников. В результате мобилизации начали превращаться в облавы, когда на сборные пункты сгоняли всех мужчин, обнаруженных в деревне, в сопровождении плачущих жен, детей и матерей. Если по месту проживания не удавалось обнаружить призывника из списка, взамен забирали кого-то из его родственников.

Офицер и солдаты связывали их веревками за шеи группами по 6–8 человек. В таком авральном режиме никто не обращал внимания на физическую пригодность рекрута к военной службе. В военные лагеря отправляли не только людей, нанесших себе незначительные травмы, но и калек от рождения, хромых, слепых и т.д. Слухи о новом военном призыве распространялись подобно пожару, вызывая повальное бегство из деревень всех мужчин. Губернаторы провинций возлагали на деревенских шейхов ответственность за поимку беглецов. Крестьяне, не способные укрыться в пустыне, начали искать убежища в Каире. Тогда губернатор столицы (катхуда) потребовали от квартальных шейхов возвращать феллахов, не имевших разрешительных документов, в их родные деревни⁷.

Французский врач А.-Б. Кло (Клот-бей), который с 1825 г. находился на службе в египетской армии, не одобрял жесткие репрессии, с помощью которых проводился призыв рекрутов. Вся ненависть рекрутов к вице-королю выразилась в его прозвище «христианского паши».

---

⁷ Fahmy K. All the Pasha's Men. P. 104–111.

Однако французский врач оправдывал Мухаммеда Али, который просто не мог использовать конскрипции (призыв по жребью), наем на военную службу за высокое жалование и другие, более гуманные методы, применявшиеся в Европе. Клот-бей привел характерный пример провала одной попытки гуманизации военного призыва.

Мудир провинции Галубийи, располагавшейся рядом с Каиром, сформировал из деревенских шейхов совет, которому предложил свой план призыва. Шейхи должны были составить списки 18–22-летних рекрутов, освободив от воинской службы больных, сыновей вдов и т.д. Во время совещания в диване шейхи выразили шумное одобрение, но при появлении в деревнях призывных комиссий вся молодежь, как обычно, разбежалась. Во время оккупации Дамаска в 1832 г. Ибрахим-паша рассказал местным улемам о системе военного призыва во Франции. Все присутствующие выразили свой восторг, но затем один из улемов категорически отказался от предложения отправить на военную службу одного из своих пяти сыновей. Клот-бей в вопросе комплектования армии уповал исключительно на мусульманский фатализм: «вступив на службу, араб безропотно покоряется силе, его победившей; в глазах его насилие, употребленное для его вербовки, есть не что иное, как исполненный приговор судьбы»⁸.

В 1824–1832 гг. в ходе войн в Море, Сирии и Анатолии египетская армия получила боевой опыт, а военная держава Мухаммеда Али достигла апогея развития. Централизованная государственная машина во главе с харизматичным правителем в кратчайшие сроки обеспечила модернизацию армии и флота. Личный авторитет Мухаммеда Али обеспечивал максимальное использование человеческих ресурсов Египта как в вооруженных силах. В 1820–1833 гг. в армию было призвано от 125 тыс. (по оценке британского консула Дж. Баркера)⁹ до 194 тыс. рекрутов (так полагал журналист Дж. Сент-Джонс)¹⁰. Всего на военной службе оказалось 2,6% пятимиллионного населения Египта. Кроме солдат в казармах, на службе Великого паши находились курсанты военных школ, рабочие арсеналов и верфей, ополчения бедуинов¹¹.

---

⁸ The Cambridge History of the Egypt. Vol. 2. P. 161–162; *Клот-бей А.-Б.* Египет в прошлом и нынешнем своем состоянии. Ч. 1–2. СПб., 1843. Ч. 2. С. 202–205.

⁹ *Barker J.* Syria and Egypt Under the Last Five Sultans of Turkey: being experiences during fifty years of Mr. Consul-general Barker. 2 vols. L.: Samuel Tensley, 1876. Vol. II. P. 48–49.

¹⁰ *St.-John J.A.* Egypt and Mohammed Ali. Vol I. P. 96–97.

¹¹ *Клот-бей А.-Б.* Египет в прошлом и нынешнем своем состоянии. Ч. 2. С. 203–205; The Cambridge History of the Egypt. Vol. 2. P. 166–168.

Сохранение эффективности и устойчивой боеспособности новой египетской армии прямо зависела от комплексности военной реформы. Вооружение и снаряжение, произведенное с помощью промышленных технологий на египетских фабриках или импортированное из Европы, требовало минимального уровня образованности солдат. Планирование военных операций, командование подразделениями и соединениями на поле боя зависело от более высокого уровня компетенции штабных офицеров. Взаимодействие офицеров и солдат на поле боя на основании военных уставов, передвижение на местности с помощью географических карт было возможно только при условии рационализации и формализации их взаимоотношений. Концентрация большого количества солдат в казармах предполагала соответствующей социальной инфраструктуры для сохранения их боеспособности в промежутках между военными кампаниями.

К. Фахми видел в такой комплексной модернизации действие дисциплинарного механизма власти в понимании М. Фуко, использованного Мухаммедом Али и Ибрахимом-пашой. В отличие от традиционных восточных деспотий Великий паша рассчитывал не на эффект прямого физического насилия и запугивания, а на косвенное влияние приказов носителей власти. Угрозы наказаний и казней деспотов давали только краткосрочные эффекты временного подчинения, после чего подданные переходили либо к скрытому пассивному сопротивлению, либо к открытым мятежам. Европейский тренинг Нового времени воздействовал не на тело, а на сознание, обеспечивая долгосрочное предсказуемое градуированное поведение. Наказание из красочного «фестиваля» публичных пороков и казней превратилось в рутинную «школу» заключения в карцере или нарядов на тяжелые грязные работы¹².

Т. Митчелл предложил в исследовании модернизации египетской армии дополнить методологию М. Фуко инструментарием Ж. Дерриды. Если Фуко акцентировал внимание на микрофизическом дисциплинирующем функционировании государственной власти, то Деррида под ощутимым влиянием М. Хайдеггера больше внимания обращал на репрезентативную власть, воздействующую на общество через операции со знаками, издание письменных приказов и инструкций. «Новый порядок» Мухаммеда Али базировался на картезианском противопоставлении материальной действительности и идеальных планов-проектов правителя-реформатора. Переупорядочение и

---

¹² Fahmy K. All the Pasha's Men. P. 115–118.

оформление нейтрального пространства повседневной деятельности в точно измеряемых ментальных моделях приказов и законов создавало метафизический эффект восприятия материальной действительности, как воплощения идей в материальных объектах и в их отношениях. Проектирование военных лагерей, верфей и полигонов становилось способом регулирования социальной практики. Унифицирующая и дисциплинирующая власть заменяла «случайные тела» средневековых сословий и сельских общин «искусственными машинами» воинских подразделений

Т. Митчелл акцентировал внимание на метафизических аспектах регулирующего и тренирующего воздействия военных уставов. Ежедневная муштра превращала повседневную жизнь офицеров и солдат в постоянный «спектакль порядка», приучая их к регулярным ритмичным движениям в унисон, к расположению в пространстве с упорядоченными расстояниями и геометрически выверенными интервалами. Офицер контролировал длину шагов и скорость солдат на маршах, направление взглядов в строю. В метафизическом измерении египетская армия становилась главной «картиной» на «выставке» Египта под управлением Мухаммеда Али. Наказания, предусмотренные статьями «Канун аль-Дахилийя», были важнейшими движущими «шестеренками» дискурсивной техники упорядоченного управления армией и всем обществом. Устав формулировал скрытый план оформления окружающей действительности, превращения хаоса в структурированную систему с целенаправленной деятельностью.

Власть «девайсов», приспособлений и механизмов, схем и планов обеспечивала осознание отклонений и разрывов в человеческом поведении, нарушений воинской дисциплины. Наказания устраняли эти разрывы, восстанавливая упорядоченную деятельность военной машины. Власть уставов, «текстуальных девайсов», базировалась на программировании повседневной деятельности, подчинения индивида внешним детерминантам. Вчерашние крестьяне обучались новым способам еды, сна, разговора, бытовой гигиены и т.д. При этом неизбежно возникал разрыв материальной реальности и идеальной концепции. Военное командование использовало техники манипуляции, чтобы подчинить солдата дисциплинарным требованиям, но никогда не могла до конца устранить внутреннюю автономию личности, самосознание или «инсайт». В ходе форсированной военной реформы

Мухаммеда Али в условиях постоянных войн египетские солдаты не успели превратиться в послушные «винтики» в египетской военной машине¹³.

К. Фахми полагал, что публичные порки провинившихся солдат перед строем копировали «литургии власти», основанные на принципе спектакля, применявшиеся в европейских армиях. Демонстрация физической боли в сочетании с публичным унижением наглядно показывали другим солдатам последствия подобных проступков. В фуколдианской парадигме «дисциплины и наказания» тело преступника было «книгой для чтения неграмотными зрителями», которые наглядно усваивали связь между преступлением и наказанием. В ходе военной реформы происходила рационализация и гуманизация системы наказаний за военные преступления. Формирование регулярной армии на основании европейских уставов не позволяло сохранить в действии Уголовный кодекс Османской империи, включавший правовые нормы шариата.

26 ноября 1834 г. Мухаммед Али приказал заместителю Военного департамента Хуршиду-бею дополнить «Канун аль-Филаху» специальным Военным уставом – «Кануном аль-Дахилийя», скопированным с французского образца. Бей отказался от турецкого перевода, который начинался с 10-й статьи и регламентировал обязанности старших офицеров, начиная с полковника. Арабский сокращенный перевод начинался с 147-й статьи и регламентировал поведение только средних офицеров, начиная с адъютант-майора. Новый устав был рассчитан на египетских офицеров, которые в армии под командованием османских генералов не имели шансов занять высшие должности. Тем не менее, «Канун аль-Дахилийя» отличался усовершенствованной юридической конструкцией. «Канун аль-Филаха» являлась перечнем статей, соединенных только хронологией промульгации. В этих архаических правовых нормах эффективная жестокость публичных наказаний была гораздо важнее их эффективности, т.е. неотвратимости.

В «Канун аль-Дахилийя» были введены внутренние принципы структурирования: 1) дифференциация преступлений и наказаний с их детализированными формализованными определениями; 2) корреспондирование преступлений и наказаний в соответствии с их тяжестью; 3) индивидуализация и гуманизация наказаний в зависимости от должности, воинского звания и личных характеристик преступника. В новом «Кануне» различались офицеры, унтер-офицеры, солдаты,

---

¹³ Mitchell T. Colonizing Egypt. London, Berkeley, Los Angeles, 1988. P. 39–41.

кадеты (курсанты) и преподаватели военных училищ. Таким образом, Военный кодекс приводился в соответствие с военными уставами, в которых поведение военнослужащих стандартизировалось и регламентировалось. Офицеры и солдаты превращались в унифицированные боевые единицы в униформе, чьи права и обязанности описывались в уставе в исчерпывающем «картезианском смысле». Военнослужащие теперь дифференцировались не по человеческим (антропологическим), а по служебным (военным) характеристикам – по должности и званию, по здоровью, болезням и ранениям.

В 1832 г. комендант Аккры Ахмед-бей предложил заменить brutальное воздействие патрулей бедуинов, которые ловили дезертиров из египетских военных лагерей, более просвещенными методами дисциплинарного воздействия. Комендант Аккры считал возможным ограничиться перекличкой личного состава дважды в день и разрешением увольнений солдат под контролем офицеров. Командиры полков должны были выдавать солдатам сертификаты-тезкере, в которых указывалось время и цель пребывания вне расположения части.

В «Канун аль-Дахилийя» принцип гуманизации стал основой многих правовых норм. Многие наказания за небольшие нарушения больше не связывались с физическим телесным воздействием. В новый Военный кодекс были введены три вида наказаний, ориентированных исключительно на психологическое травмирующее воздействие: домашний арест сроком до двух месяцев; в комнате под внешним наблюдением сроком до одного месяца; на гауптвахте (хабсхане) сроком до пятнадцати дней. Целью этих наказаний была не месть преступникам, а исправление нарушителей воинской дисциплины. В условиях непрерывных военных кампаний и тяжелых боевых потерь египетское командование не могло позволить роскошь выведения из строя солдат, на обучение и содержание которых расходовались большие государственные средства.

Принятие в 1834 г. «Кануна аль-Дахилийя» окончательно утверждало в египетской армии концепцию воинской дисциплины в европейском «фуколдианском смысле». Офицеры и солдаты попадали под постоянный внешний контроль, как во время службы, так и на отдыхе, выполняя свои служебные обязанности в соответствии с идентификационными номерами. Главной задачей военной учебы было приучение солдата к автоматическому выполнению команд без пауз на размышления¹⁴.

---

¹⁴ Fahmy K. All the Pasha's Men. P. 135–141.

Во французских военных уставах, во-многом продолжавших традицию Фридриха Великого, приказ не нуждался в объяснении. Он состоял из двух элементов: более длительная команда для привлечения внимания и более короткая, содержащая требование к солдату. Главным в приказе было понятность содержания, а не рациональность и не логичность. Военная муштра превращала изолированных рекрутов в агрегированную массу, приученную к автоматическому стандартизированному ритмичному движению в строю. Рекрут постепенно терял свою индивидуальность, превращаясь в элемент военной машины (низам).

Ежедневно офицеры проводили три переклички личного состава: через полтора часа после подъема, в полдень и через час после захода солнца. Солдат занимал место в казарме, получая ярлык со своим именем в изголовье койки. В списках, находящихся в военной канцелярии и вывешиваемых на дверях казарм батальонов, указывались имя и физическое описание солдата, фиксировались сроки выплаты жалования, выдачи обмундирования, оружия и боеприпасов. Чистка военной формы производилась по четвергам. Солдаты по пятницам, т.е. в выходные дни при посещении полуденной молитвы, при отправлении из лагеря в город и при инспекциях вышестоящим командованием меняли повседневную униформу на парадную.

Статьи Военного устава («Канун-у сеферийе») регламентировали как военную учебу, так и порядок повседневной жизни. Солдаты выполняли военные упражнения зимой и осенью в сентябре-апреле в субботу-среду один раз в день, а летом в мае-августе дважды. Устав определял способы установки палаток, хозяйственных построек, уборных и расстояние между ними в лагерях, количество солдат и расположение их коек в палатке. В строго определенных местах в палатках должно было находиться холодное и огнестрельное оружие, одежда и другие бытовые принадлежности. Смена постельных принадлежностей полагалась через каждые двадцать дней летом и через тридцать дней зимой.

«Канун-у сеферийе» регулировал санитарное устройство военных лагерей и казарм. Они должны были устраиваться в отдалении от населенных пунктов, каналов и заболоченных низменностей, на сухих возвышенностях. Окна и двери в стационарных строениях должны были обеспечивать необходимую вентиляцию. Военные врачи в мирное время строго контролировали состояние солдат и были обязаны при малейшем подозрении на заболевание чумой, холерой, чесоткой, сифилисом или какими-либо другими инфекциями, переводить больных в карантинные госпитали с отдельными кладбищами, которые были окружены специальными траншеями. После сражений врачи

проводили специальные осмотры солдат с целью выявления скрывающихся легкораненых и отправляли их в госпитали.

Особое внимание в военных уставах уделялось контролю воинских подразделений во время маршей. Из-за постоянной опасности дезертирства офицеры должны были постоянно наблюдать за своими подчиненными. Между батальонами должна была сохраняться минимальная дистанция – 15–20 шагов в зависимости от качества дороги. Солдаты должны были делать 76 шагов в минуту длиной по 24 дюйма. После одного часа марша солдатам разрешался получасовой отдых. В конце дня после завершения движения командующий батальона/полка составлял детальный письменный рапорт, в котором докладывал о времени начала и конца движения, количестве вьючных животных, в т. ч. верблюдов, принадлежащих правительству или нанятым бедуинам, потерянном или сломанном снаряжении и, самое главное, о дезертирах. Солдат при отлучке в уборную должен был оставлять ружье, т. е. самое ценное имущество, у товарищей. Задержка в таких деликатных делах в соответствии со ст. 432 «Канун аль-Дахилийя» каралась тюремным заключением¹⁵.

К. Фахми подробно исследовал новые техники социального контроля, которые в соответствии с приказами Мухаммеда Али вводились впервые в Египте, как и на всем Ближнем Востоке. Формирование египетской армии «нового порядка» стало лабораторией для выработки фуколдианской модели рационального взаимодействия государства и общества. Рекрут перемещался «из природы на бумагу». Вместо коранического календаря религиозных праздников и повседневной жизни, привязанной к разливам Нила и другим природным явлениям, Мухаммед Али требовал перейти на европейские абстрактные стандартизированные единицы измерения времени и пространства. Часы и минуты, километры и метры служили командирам средством упорядочения деятельности солдата, учета и контроля его усилий с целью их рационализации и повышения эффективности.

Новые уставы регулировали учения, марши, стрельбы, приучая новобранца к постоянным полезным занятиям, делая невозможным праздное времяпровождение. Главной задачей европейских инструкторов было доведение поведения солдата в бою до автоматизма. Новое оружие, появившееся в египетской армии, требовало от военнослужащих действий без эмоциональной реакции на смерть и ранения товарищей, разрушения зданий, дым, грохот и огонь. «Бумага»

---

¹⁵ Fahmy K. All the Pasha's Men. P. 143–149.

официальных документов стала символом безличной власти государства, которое никогда ранее не существовало на берегах Нила. Характерно, что принцип рациональной последовательности и систематизации, определявший место солдата или налогоплательщика в списке, определялся арабским термином «кайд» (qayd), обозначающим привязь животного к дереву. Точно так же подданный Мухаммеда Али привязывался к созданной им бюрократической машине.

Военные уставы определяли распорядок дня, работ в лагере, движения походных колонн и действий в бою в картезианской системе координат. Вчерашний феллах перемещался из хижин, с улиц и полей, в которых практически не было прямых линий и углов, в стандартизированные отсеки казарм, на плацы и полигоны. Вместо привычных повелений с обязательным добавлением «Иншалла» («если на то будет воля Аллаха») он слышал строгие приказы офицеров, за невыполнение которых ему угрожало суровое, но точно определенное уставом наказание. Снабжение и быт солдат теперь определяли не приблизительные и часто не выполняющиеся распоряжения командующих пашей, а тыловые интенданты, опирающиеся на скрупулезные ведомости и регистрационные списки штабных писарей. На эту революцию в государственном управлении у Мухаммеда Али ушла вся его жизнь. Только в 1844 г. квалификация египетских офицеров и гражданских чиновников достигла такого уровня, который позволил нумеровать страницы регистров-дефтеров. Бюрократы в конце концов научились не пропускать страницы, не вычеркивать слова и не вносить в документы произвольные исправления.

Офицеры из военного департамента с помощью низшей деревенской администрации (шейхов) составляли списки (дефтеры), в которых указывались имена, местонахождение, родственники рекрутов в данной деревне. Для каждого призывника оформлялся сертификат (тезкере), становившийся прототипом современного паспорта. В нем указывались имя рекрута и его отца, место жительства (деревня) и основные физические характеристики. Впервые в августе 1822 г. идею выдачи таких документов для путешествия в другие провинции Османской империи высказал Наджиб-эфенди. Но указ о выдаче тезкере Мухаммед Али смог подписать только 23 июля 1833 г. Эти документы становились обязательными для любых поездок, как феллахов, так и шейхов за пределы родной деревни. Без тезкере в городе любого селянина полиция задерживала для установления личности и выяснения прочих обстоятельств.

Перед установлением подобной тотальной системы контроля сельского населения в Египте была проделана большая подготовительная работа. 26 декабря 1823 г. в воинских частях вводились детализованные регистры, в которых отмечались умершие или дезертировавшие солдаты. 14 августа 1842 г. появились регистры лиц, укрывающих призывников. 25 августа 1825 г. Мухаммед Али потребовал от директора военного департамента точной информации о призванных и оставшихся рекрутах, о населении каждой провинции для определения оптимальных призывных контингентов.

Постоянной проблемой египетской армии было дезертирство. Естественным и самым надежным убежищем для беглых солдат были родные деревни. Мухаммед Али это прекрасно понимал и регулярно требовал от губернаторов усилить контроль за положением дел на местах. 7 октября 1825 г. Мухаммед Али приказал делать призывникам татуировки, по которым их сразу же можно было опознать в случае дезертирства. На руке солдата «набивалось» название воинской части, у матроса – корабля, а у заключенного – название тюрьмы. Уровень дезертирства резко увеличился после начала войны в Сирии. 22 августа 1830 г. последовал приказ о выдаче деревенским шейхам премии 50 пиастров за каждого обнаруженного дезертира и наказания 100 плетей за укрывательство. 21 сентября 1834 г. губернаторы направили шейхам городских кварталов Каира и других городов строгие запреты предоставлять беглецам убежища¹⁶.

Столкнувшись с жесткими административными запретами на родине, дезертиры начали бежать в другие провинции Османской империи. 19 ноября 1833 г. Мухаммед Али направил вали Ахмеду-паше Йегену в Мекку предписание задерживать беглых солдат, которые маскировались под паломников. Совершавшие хадж пилигримы, получали при отъезде из Египта сертификат, в котором указывалось его имя, место жительства и приводилось описание физического облика. После усиления запретительных мероприятий беглецы начали спасаться в Европе. 26 мая 1835 г. египетский представитель Мухаммед Эмин-эфенди обнаружил соотечественников-дезертиров в Париже.

Мухаммед Али понимал, что главной причиной дезертирства было отношение османского офицерства к египетским солдатам, как к бесправному быдлу. В победоносной египетской армии главной проблемой были не тяготы воинской службы, а коррупция, лень и пренебрежение офицеров своими служебными обязанностями. 27 июня 1832 г.

---

¹⁶ Fahmy K. All the Pasha's Men. P. 106–111.

вице-король подписал приказ о сокращении жалования всему командному составу от полковника до капитанов в случае чрезмерного количества дезертиров из их полка. Лейтенантам и капралам в качестве наказания за издевательства над солдатами полагалась порка.

В то же время для предотвращения дезертирства Мухаммед Али совмещал «кну́т» и «пря́ник». 14 сентября 1832 г. было объявлено о прощении дезертиров, добровольно вернувшихся в свои части, в то время как пойманным назначалось 500 плетей. Но в целом ситуация оставалась крайне тяжелой. 6 августа 1832 г. в журнале 12-го пехотного полка, расквартированного в Сирии, числилось 13% дезертиров, а 21 мая 1833 г. в журнале 13-го пехотного полка, было зафиксировано 25% беглецов. 14 апреля 1837 г. вице-король получил итоговые рапорты: в период военной кампании в Сирии из 130 тысячной армии дезертировало 60 тысяч, а с флота – 20 тысяч военнослужащих.

В 1831 г. начало боевых действий в Сирии крайне осложнило работу призывных комиссий, вызвав массовое бегство молодежи из египетских деревень. После окончания кампании 17 декабря 1833 г. Мухаммед Али приказал ответственному за работу призывных комиссий Назифу-бею забирать в армию всех здоровых мужчин, включая коптов. К этому времени вице-королю стал очевиден окончательный провал первоначальных планов исламской индоктринации египетской армии и поэтому он не видел ничего противоречивого в службе христиан в армии «Египетского джихада». Гораздо более острой была проблема самокалечения. Еще 25 января 1828 г. вице-король приказал вешать у входа в деревни всех участвовавших в нанесении травм рекрутам. Обычно это были их жены или матери. При установлении подобного факта «инвалида» отправляли на пожизненные каторжные работы в Лиман в Александрию. Но потенциальные рекруты использовали все возможные способы, чтобы избежать отправления в действующую армию.

Военные врачи начали признавать годными призывников, выбивших себе передние зубы. Они здраво рассудили, что патроны для мушкетов можно надкусывать и любыми другими зубами. Для подобных «уклонистов» оставался один радикальный способ – полное лишение себя зрения, которое стало практиковаться все чаще. 11 января 1830 г. в Египте была запрещена продажа крысиного яда, который обычно использовался рекрутами для этой цели. 6 мая этого года по приказу Мухаммеда Али в Ниле была утоплена женщина, выколовшая глаза своему сыну и дезертиру-односельчанину. Дезертир был отправлен на каторгу в Лиман, а сын амнистирован. Как в дальнейшем сложилась судьба

человека, ставшего виновником казни своей матери, можно только догадываться¹⁷.

Феллахи решительно сопротивлялись возрастающим государственным репрессиям. Из-за нарастающего дефицита рабочей силы качество обработки земли и урожайность постоянно снижались. Крестьяне демонстрировали готовность к самым крайним мерам, чтобы избежать отправки в армию, на флот, на общественные работы (корви) или на государственные фабрики, между которыми не видели особого различия. Призыв калек не решал проблемы создания армии европейского типа. Такие «солдаты» годились для тыловой, но не для строевой службы и тем более, не могли участвовать в сражениях. Более того, в Египте начала падать рождаемость. Матери не хотели рожать детей, которых у них навсегда отнимало государство.

Мухаммед Али никогда не отличался особой религиозностью, и его мало заботило нарушение исламского канона, в первую очередь требовавшего от женщин рождения максимального количества детей. Но сокращение трудоспособного населения ставило непреодолимую преграду для его стратегических планов создания могущественного независимого Египта. 25 апреля 1835 г. Ибрахим-паша предложил Мухаммеду Али сократить срок военной службы. Вице-король согласился и установил предел в пятнадцать лет. В 1836 г. Мухаммед Али приказал Генеральному инспектору военных фабрик усилить контроль за условиями труда и быта рабочих. Мухаммед Али приказал повысить жалование, смягчить государственный контроль и обеспечить более комфортные условия на государственных предприятиях. Но эти меры не привели к кардинальному улучшению ситуации. Только в 1840–1841 гг. во Второй сирийской войне поражение египетской армии в столкновении с коалицией европейских держав остановило военную экспансию. В Египте прекратились массовые военные призывы и крестьянство получило возможность вернуться к нормальной жизни¹⁸.

В историю Египта Мухаммед Али заслуженно вошел, как Великий паша и Благодетель – Benefactor (wali al-ni'am). Офицер, ставший губернатором, всегда воспринимал армию, как главную несущую конструкцию государственного механизма. Модернизация вооруженных сил стала главным элементом всех реформ, положивших начало современному Египту. Мухаммед Али поставил невозможную задачу: превратить мирных земледельцев долины Нила в солдат, способных воевать и

---

¹⁷ Fahmy K. All the Pasha's Men. P. 255–259.

¹⁸ Ibid. P. 288–290.

побеждать профессиональные армии европейских держав и Османской империи. И он добился успеха: после кампаний в Сирии в 1833 и в 1839 гг. победоносные войска Ибрахима-паши были готовы занять беззащитный Константинополь. Только вмешательство европейских держав дважды помешало Египту провозгласить независимость.

Военная муштра на основании европейских уставов Мухаммеда Али и Ибрахима-паши закономерным образом вступила в конфликт с нормами традиционного исламского общества. В условиях крайнего дефицита времени и материальных ресурсов на протяжении жизни одного поколения Великий паша столкнулся с сильнейшим «сопротивлением материала». Для феллахов мобилизация в армию была тождественна отправлению на пожизненную каторгу. Государственная пропаганда и репрессии не могли мгновенно превратить вчерашних крестьян в профессиональных солдат и матросов. Мухаммед Али был авторитарным правителем, но он постоянно искал баланс между «кнутом» и «пряником», стремясь гуманизировать османское военное законодательство и обеспечить египетским солдатам достойные условия жизни. При всех издержках военной реформы Великого паши после него осталось главное – новая египетская армия.

Для цитирования: Богомолов С.А. Модернизация армии в Египте в 20-30-е гг. XIX века: проблемы внедрения картезианской модели в исламском обществе // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 169-185.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖАЛАЛ АЛЕ АХМАДА

М.А. Терехина¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: terekhina-2004@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается основная работа Джалал Але Ахмада – эссе «Гарбзадеги», в которой он пытался проанализировать сущность и содержание политики вестернизации в Иране в период проведения «Белой революции» шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Але Ахмад выделяет негативные черты воздействия на иранскую культуру, религию и менталитет, что, по его мнению, приводит к потере самоидентификации. Наряду с критикой он предлагает и «лекарство», которое должно сохранить самоидентификацию иранского народа в период глобализации. Основное спасение Але Ахмад видит в возвращении религиозной составляющей иранской культуры, что сближает его с религиозными критиками шахского режима, в частности, с имамом Хомейни.

Ключевые слова: Иран, Джалал Але Ахмад, самоидентичность, вестернизация.

THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN EAST AND WEST IN THE WORKS OF JALAL ALE AHMAD

M.A. Terekhina

(Saratov, Russia)
e-mail: terekhina-2004@mail.ru

Annotation. The article reviews Jalal Ale Ahmad's major work, the essay "Garbzadeghi", in which he tried to analyse the essence and content of the policy of Westernisation in Iran during the White Revolution of Shahinshah Mohammad Reza Pehlevi. Ale Ahmad highlights the negative features of the impact on Iranian culture, religion and mentality, which, according to him, leads to a loss of identity. Alongside his criticism, he proposes a "cure" to preserve the identity of the Iranian people in the period of globalisation. Ale Ahmad sees the main salvation in preserving the religious component of Iranian culture, which brings him closer to the religious critics of the Shah's regime, in particular Imam Khomeini.

Key words: Iran, Jalal Ale Ahmad, self-identity, westernization.

Начавшийся по итогам Второй мировой войны процесс деколонизации в странах афро-азиатского региона, логично привел к поиску пути ускоренного развития освободившихся стран. Благодаря расширению взаимодействия между странами Востока и Запада, стала возможна модернизация восточных обществ, охватившая различные сферы

---

¹ Терехина Марина Александровна, студентка Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

жизнедеятельности. Столкновение традиций и новшеств в политической, социальной и экономической сферах жизни привело к тому, что традиционные ценности и верования начали отходить на второй план. Утрата национальной идентичности в результате взаимодействия с Западом заставила ряд восточных интеллектуалов, писателей и мыслителей критически переосмыслить неоднозначный опыт последствий модернизации общества по западным стандартам и рекомендациям. Представители интеллектуального мира Востока подчеркивали необходимость сохранения самоидентичности и традиций, считая, что именно взаимодействие с западным миром привели к отсутствию прогресса и отсталости восточных стран. Стремясь донести эту мысль до народа, а также политического и научного сообществ своего времени, они описывали проблему, определяли причины и предлагали пути выхода из «ловушки» западного ориентализма.

Одним из интеллектуалов, рассматривавшим данную тему, был Джалал Але Ахмад (1923-1969). Он использовал свой литературный талант как инструмент для продвижения мыслей о свободе, справедливости, исторической самобытности Ирана и иранского народа.

Интерес к этому персонажу во многом вызван тем, что данная тематика практически не рассмотрена в отечественной и зарубежной историографии. Проблемы эпохи «Белой революции», критиковавшейся религиозной² и светской оппозицией иранских интеллектуалов, как предпосылки будущей Исламской революции, описаны в коллективной монографии «Иранская революция 1978-1979 гг. Причины и уроки»³. Программа «Белой революции» подвергается критике в работе Б.А. Школьникова «Иран в конце 50-х – начале 60-х годов XX века: Социально-экономические и политические предпосылки «белой революции»⁴. Либеральные изменения в политике Мохаммеда Реза Пехлеви объясняют западным, американским влиянием, которому был подвержен шах. Махмуд Реза Годс⁵ утверждал, что другие страны западного мира также оказывали большое влияние на культуру и общественную жизнь Ирана.

---

² См. например: Баранов А.В. «Это мой религиозный долг»: политический дебют аятоллы Хомейни в 1962 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 3. – С. 344–349; Он же. Аятолла Хомейни и радикализация шиитских улемов в антишахском движении в Иране // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 3. – С. 367–373.

³ Иранская революция 1978-1979 гг. Причины и уроки. – М., 1989.

⁴ Школьников Б.А. Иран в конце 50-х – начале 60-х годов XX века: Социально-экономические и политические предпосылки «белой революции». М., 1985.

⁵ Годс М.Р. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994.

Идеи иранской культурной и национальной самобытности рассматриваются в работе В.Б. Кляшториной «Иран 60-80х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей»⁶. Идеи Джалал Але Ахмада упоминаются в статье А.Н. Котова «Интеллигенция и исламская революция 1978-1979 года»⁷, а его биография с анализом основных литературных работ были освящены Д.Х. Дорри в книге «Персидская литература XX в.»⁸. Роль просветителей в иранско-русском культурном обществе на примере Але Ахмада и Л.Н. Толстого рассматриваются в статье Б. Зейнали и М. Наджафи⁹.

В зарубежной историографии последней масштабной работой, посвященной Джалал Але Ахмаду, его взглядам и литературному творчеству можно назвать книгу Х. Дабаша «Последний мусульманский интеллигент: жизнь и наследие Джалал Але Ахмада»¹⁰, вышедшая в 2021 году.

Результатом тридцатилетней писательской деятельности Джалал Але Ахмада стали около сорока пяти рассказов, статей, путевых заметок и переводов, некоторые из которых были уникальными для своего времени. Наиболее известная его работа, представляющая собой своего рода манифест – эссе «Гарбзадеги»¹¹, впервые нелегально опубликованное в 1962 г. и отразившее его взгляды, сформировавшиеся всю жизнь под воздействием его политических и религиозных исканий, на социальные противоречия в Иране.

В названии содержится игра слов, основанная на двойном значении «пораженный» (заде) в персидском языке, что означает одновременно «быть пораженным (болезнью)» или «быть ужаленным (насекомым)», а также «быть влюбленным и ослепленным». Автор описывает иранцев в XX веке как «пораженных духом западничества» (гарбзаде).

Але Ахмад рассматривал вестернизацию как увлечение и слепое подражание западной капиталистической культуре, а именно Европе и Америке. Однако он не считал это категорической опасностью, а скорее рассматривал необходимым эликсиром для Востока при условии, что он не будет противоречить наследию восточной культуры, особенно

---

⁶ Кляшторина В.Б. Иран 60–80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей: (Идеология, политика, литература). М., 1990.

⁷ Котов А.Н. Иранская интеллигенция и исламская революция 1978-1979 гг. // Интеллигенция и мир. – 2012. - № 2.

⁸ Дорри Д.Х. Персидская литература XX века. М., 2005.

⁹ Зейнали Б., Наджафи М. Общие черты жизни иранской и русской элиты на примере жизни Джалала Але Ахмада и Л.Н. Толстого // Наука и школа. – 2020. – № 2.

¹⁰ Dabashi H. The Last Muslim Intellectual: The Life and Legacy of Jalal Al-e Ahmad. Edinburgh, 2021.

¹¹ Al-e Ahmad J. Gharbzadegi: Weststruckness. Brekley, 1984.

исламской. Развитие, по его мнению, неизбежно в это время, но иранское общество не должно опираться на людей, не считающихся с их историческим путем и жизнью.

Джалал Але Ахмад назвал вестернизацию социальной болезнью и определил ее лечение, а это не что иное, как освобождение стран третьего мира от западной эксплуатации. Он считает, что по одну сторону находится технологически развитый Запад, обладающий такими характеристиками, как высокий уровень благосостояния, низкий уровень смертности, высокий доход на душу населения и повсеместная социальная справедливость. С другой стороны, есть «третий мир», который является потребителем продукции Запада, а сам Запад выступает в роли «грабителя» сырья и ресурсов.¹² Результатом такой ситуации является образование широкой пропасти между двумя указанными полюсами.

Опираясь на культурное богатство Востока, он стремится донести и переосмыслить концепцию Запада в сознании восточных людей. История знает случаи разграбления Западом богатых культур и ресурсов, и это главный фактор, описывающий превосходство Запада над восточными народами. Таким образом, ядром его дискурса является Запад, который стремится быть более персонифицированным. В связи с этим он определяет четыре семантических значения Запада. Географически Запад включает в себя сначала Европу, а затем Америку. В политическом плане глобальная капиталистическая система характеризуется лидерством США. В экономическом смысле развитым и прогрессивным считается только Запад. В культурном плане западное искусство и знания также имеют превосходство и мировое признание. Эта уникальная черта Запада зарождается в Древней Греции, затем через Древний Рим, закрепляется в новой Европе с эпохой Возрождения¹³.

Можно сказать, что отношение Джалала к Западу в целом патологическое, и он анализирует этот вопрос с точки зрения проникновения Запада в Иран и нанесенного ему этим проникновением ущерба.

По словам Але Ахмада, изучение, исследование природы Запада проводится редко восточными интеллектуалами. В свою очередь, Запад смог тщательно изучить антропологию, археологию и геологию восточных стран и с помощью своих исследований нанести им смертельные удары, так что это отразилось на всех социальных аспектах восточного общества¹⁴. Кроме того, с помощью колониальных теорий, технологического и промышленного прогресса Запад смог изолировать другие сообщества от культурного единства и привести их к мультикультурному

---

¹² *Al-e Ahmad J.* Op. cit. P. 27-28.

¹³ *Ibid.* P. 39-40.

¹⁴ *Ibid.* P. 127.

стилю, атакуя их ценности, и дело дошло до вмешательства в экономику, политику, историю и культуру обществ под девизом глобализации и призывами к новому мировому порядку.

Вестернизация, по мнению Але Ахмада, означает, что из народа уходят традиционная культура, принципы, вера, религия, идеология, и остается только видимость народа, но этот народ лишен содержания, безопасности и опоры¹⁵. Это двусторонняя сделка, но выгодной только для одной стороны и ущербной для другой. То есть, это своеобразная система отношений между господином и слугой, в которой западные страны всегда доминируют над слабыми и развивающимися странами Востока, эксплуатируя их. Он сравнивает вестернизацию и созревание урожая пшеницы: когда колос опустошается изнутри, остается только оболочка. Таким иносказательным образом он изображает иранцев, как нацию, отчужденную от своей традиционной одежды, дома, еды, литературы, и, что самое опасное, культивирующую иностранный образ в своей культуре¹⁶.

Соответственно, феномен вестернизации оказался важнейшим политико-социальным понятием, предложенным Джалалом в книге «Гарбзадеги». В понятии «вестернизация» можно выделить два смысла. Первый подразумевает отсутствие социокультурной идентичности у стран Третьего мира, в которых нет традиции как опоры, нет преемственности в истории. Второй заключается в том, что только подорвав культурно-религиозный пласт народа, можно подготовить почву для вторжения Запада. Джалал не ограничивает вестернизацию только современной иранской историей: он начинает историческую ретроспективу с Греции в парфянский период и считает, что эпоха вторжения Александра Македонского и греческого владычества над Ираном является первым случаем проявления вестернизации. Прибытие военных советников, паломников и путешественников в период Сефевидов он рассматривает как второй виток тесного контакта двух культур. Следующий виток вестернизации Ирана он связывает с событиями Первой и Второй мировыми войнами¹⁷.

По его мнению, ощущение отсталости Ирана и прогресса Запада порождает в Иране чувство поддержки вестернизации. Але Ахмад описывает несколько факторов, обуславливающих формирование вестернизации в Иране: историческая предрасположенность к Западу, чувство униженности и утрата культурной идентичности, стремление подражать и

---

¹⁵ *Al-e Ahmad J.* Op. cit. P. 34.

¹⁶ *Ibid.* P. 27.

¹⁷ *Ibid.* P. 55-56.

копировать Запад и пренебрежение к собственному историческому прошлому.

В своей книге Але Ахмад перечисляет ряд социальных и политических проблем как признаков вестернизации. К ним относятся разрушение деревень, наплыв сельских жителей в города, конфликт между городом и деревней, безработица, исчезновение традиционных отраслей и «кустарных» ремесел, отсутствие социальной защиты, противоречие между древними верованиями и современной культурой. Среди других факторов – вера в магию, молитвы и заклинания, несовместимость образовательной и экономической систем, имея в виду обучение студентов без предоставления им возможности работать по профессии, противоречие между государством и нацией, экономическая и военная зависимость страны от Запада, отказ от персидского языка и т.п. также являются признаками вестернизации. При этом он подчеркивает роль технологий в ускорении процесса вестернизации. Кроме того, в книге это понятие иногда сводится к критике поведения иностранцев, отражающего их щегольство и нахальство.

Але Ахмад отдельно описывает людей, подвергшихся влиянию Запада. У вестернизированного человека, по его словам, нет индивидуальности. Он сам, его дом и его слова не демонстрируют ничего оригинального, все лишено характеристик. Поскольку господствует подозрительность, он никогда не изливает душу и никому не доверяет. Единственная черта, которая бросается в глаза – это страх. Страх завтрашнего дня, увольнения, страх в один день обнаружить, что он «пустое место»¹⁸.

Однако помимо критики, Але Ахмад ищет и решение для устранения всего того, что он называет «вестернизацией». По его мнению, болезнь имеет фундаментальное лекарство, которое заключается в том, чтобы сначала преодолеть страх перед Западом, а затем вернуться к самоидентификации и традиционной религии.

Если вестернизация происходит в стране-потребителе, имеющей отсталую экономику, нужно справиться с основными факторами отсталости и превратить Иран в передовую страну. Предложения Але Ахмада по устранению отсталости включают плановое расселение кочевых племен, независимость СМИ и руководства страны, внедрение истинной демократии, ограничение власти военных. Также стоит уделять больше внимания потребностям механизированного сельского хозяйства и созданию промышленности.

Он видит путь спасения в исламе и единстве мусульман, заявляя, что все беды в истории Ирана связаны с тем, что мусульмане не почувствовали себя в опасности при нападении чужаков на исламский мир. Он

---

¹⁸ *Al-e Ahmad J. Op. cit. P. 95.*

критикует и духовенство за то, что они не вооружились оружием противника и не создали, например, радиостанцию в Куме, с помощью которой они могли бы возглавить народное восстание в широком масштабе против правительства¹⁹.

При этом упоминает духовенство как великий оплот, единственной группой, способной противостоять влиянию Запада на Иран, и считал, что, учитывая их популярность в народе, они смогут сделать это сопротивление широкомасштабным. По его мнению, духовенство – это наиболее квалифицированные «врачеватели душ», которые могут предоставить вакцину иранской идентичности.

Але Ахмад нашел все, что искал в религиозной идентичности. Но важна не любая религия, а религия, лишенная суеверий и предрассудков, способная решать проблемы в соответствии с потребностями времени и отвечать на запросы общества. Путь, предложенный Джалалом для решения проблемы, он видит как компромисс. С одной стороны, осуждает вестернизацию и говорит о значимости традиций и религии. С другой, отрицает слепой фанатизм в отношении прошлого, ведь так общество может остаться только с первичными средствами производства. Нужно сделать механизацию и имеющиеся ресурсы платформой для прыжка, который невозможно совершить, не подготовившись.

Основой мышления Але Ахмада, по сути, является нахождение противоречий, возникающих в результате противостояния двух конфликтующих культур в результате западного культурного колониализма. Его мысли в произведениях представляют собой противопоставление становления высокомерного Запада и подчиненного Востока (в некотором смысле колониальное/колонизированное отношение). В этом неравном образе Иран, в частности, становится символом колониального общества, которое бессознательно и напрасно обменивает свой национальный капитал на промышленные товары и механизмы. Поэтому Але Ахмад считает культурную эксплуатацию началом экономической и политической эксплуатации.

Работа Джалал Але Ахмада – это критика модернизма и культурного колониализма и отчуждения, потери национальной идентичности. Он описал решение кризиса, который доминировал в обществе его эпохи. «Гарбзадеги» объяснило сложные проблемы, с которыми столкнулось изменяющееся общество. Был поднят вопрос о национальной и этнической идентичности, разработана альтернатива против интернационалистических взглядов иранского правительства. Благодаря тому, что был поднят важный вопрос об эпохе и традициях, которые постепенно исчезали из памяти, был создан дискурс «третьего мира»,

---

¹⁹ *Al-e Ahmad J. Op. cit. P. 59.*

скептически относящийся к тому, что может предложить Запад. Джалал призвал иранских интеллектуалов опомниться и противостоять гегемонии иностранной культуры, которая вот-вот должна была захватить интеллектуальную, политическую и экономическую жизнь иранского общества.

Можно сказать, что Джалал Але Ахмад рассматривал идею вестернизации через всеобъемлющий подход, анализируя ее в рамках социологии. Перечисляя признаки, выделяя ее важнейшие черты, он говорил о возвращении к самоидентичности изнутри своего общества. Он не просто определял проблемы иранского общества, но и описывал негативные последствия вестернизации и, в конечном счете, используя политический и культурный подход, предложил свое решение.

Для цитирования: Терехина М.А. Проблема взаимоотношения Востока и Запада в творчестве Джалал Але Ахмада // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 186-193.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ АЯТОЛЛЫ ХОМЕЙНИ В ПАРИЖЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

А.В. Баранов¹

СГУ им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: baranovav@mail.ru

Аннотация. В статье затрагивается важный этап в жизни аятоллы Мусави Хомейни – пребывание во Франции в 1978-1979 гг. Вынужденное нахождение аятоллы под Парижем, в Нефль-ле-Шато, превратило его из малоизвестного религиозного деятеля в медийную фигуру, ставшую олицетворением массового антишахского движения, завершившегося Исламской революцией и провозглашением Исламской республики Иран. Во Франции аятолла Хомейни получил доступ ко всем мировым медиа, что дало ему возможность прямого обращения к мировому сообществу и влияния на мировое общественное мнение. Своим личным примером и образом жизни Хомейни смог продемонстрировать образ аскета и непримиримого борца за интересы народа и независимость Ирана. В своих многочисленных общениях с иностранными журналистами Хомейни мастерски использовал терминологию и логику, принятую в западной журналистике для доходчивого восприятия и продвижения лозунгов и требований антимонархического движения в Иране внутри западного общества. Прибегая к логическим выкладкам и историческим параллелям, он представил мировому общественному мнению свое видение причин, сущности и последствий массового движения в Иране, доказывая, что виной всему – это антинародная, предательская политика шаха и его окружения.

Ключевые слова: Иран, Хомейни, Исламская революция, Исламское пробуждение, образ «другого», имагология.

AYATOLLAH KHOMEINI'S POLITICAL DEBUT IN PARIS: SHAPING THE IMAGE OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

A.V. Baranov

(Saratov, Russia)

e-mail: baranovav@mail.ru

Annotation. The article touches upon an important stage in the life of Ayatollah Mousavi Khomeini – his stay in France in 1978 and 1979. The forced presence of the Ayatollah near Paris, in the Neufle Chateau, turned him from a little-known religious figure into a media figure who became the personification of the mass anti-Shah movement, which culminated in the Islamic Revolution

---

¹ Баранов Алексей Владимирович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, руководитель НОЦ «Изучения стран Ближнего Востока».

and the proclamation of the Islamic Republic of Iran. In France, Ayatollah Khomeini gained access to all world media, which gave him the opportunity to directly address the world community and influence world public opinion. By his personal example and lifestyle, Khomeini was able to demonstrate the image of an ascetic and an implacable fighter for the interests of the people and the independence of Iran. In his numerous conversations with foreign journalists, Khomeini masterfully used the terminology and logic adopted in Western journalism to intelligibly perceive and promote the slogans and demands of the anti-monarchist movement in Iran within Western society. Resorting to logical calculations and historical parallels, he presented to the world public opinion his vision of the causes, essence and consequences of the mass movement in Iran, proving that the anti-national, treacherous policy of the Shah and his entourage is to blame for everything.

Key words: Iran, Khomeini, Islamic Revolution, Islamic awakening, the image of the "other", imagology.

Иран, начиная с января 1978 г., сотрясали массовые акции протеста против политики властей во главе с шахиншахом Реза Мохаммедом-шахом Пехлеви из-за неоднозначности итогов преобразований «Белой революции шаха и народа». Волнения продолжались до февраля 1979 г., когда 11 февраля было объявлено о победе Исламской революции, приведшей к провозглашению Исламской Республики Иран. Данные события неразрывно связаны с именем аятоллы Рухоллы Мусави Хомейни, ставшего идейным лидером и основателем Исламской республики, занявшего пост рахбара или «Верховного лидера» страны и народа.

За свои антиправительственные взгляды Хомейни подвергся преследованиям со стороны властей и высылки из страны в 1964 г. Пребывание в Турции и Ираке, пограничных с Ираном странах, вызывали опасения у шахского режима, настоявшего, чтобы в разгар антиправительственных демонстраций 1978 г., Багдад выдворил аятоллу из страны. В качестве своего нового места пребывания была выбрана Франция, давшая разрешение на въезд и временное проживание в пригороде Парижа - Нефль-ле-Шато.

Многие из исследователей обращают внимание на тот факт, что аятолла Хомейни до своего переезда во Францию, практически, был малоизвестной фигурой². Причем не только для западного мира, но и для своих соотечественников. Как заметил один из первых, если не первый

---

² См. например: Stone E. Khomeini: the Shah, the Ayatollah, the Shi'ite explosion. Los Angeles, 1980; Harmon D.E. Ayatollah Ruhollah Khomeini. Philadelphia, 2005; Hiro D. Iran under the Ayatollahs. New York, 2011; Moazami B. State, Religion, and Revolution in Iran, 1796 to the Present. New York, 2013; Omid H. Islam and the post-revolutionary state in Iran. New York, 1994.

на Западе, биограф аятоллы Хомейни Эдд Стоун: «Аятолла Хомейни оставался для мира загадкой»³.

Благодаря деятельности Института по сбору и публикации трудов имама Хомейни, в Тегеране были изданы сборники «Каутар»⁴ и «Сахифе-йе имам»⁵, соответственно, в трех и двадцати двух томах, куда вошли речи, обращения, телеграммы, переписка и интервью имама Хомейни. Анализ этих документов, касательно времени его пребывания в Париже, в особенности стенограмм его интервью и пресс-конференций с представителями мировых, главным образом западных, медиа, призван помочь в понимании подхода Хомейни к формированию представлений на Западе того, что происходит в Иране, каковы причины данных событий и требования его участников. Важным моментом является попытка презентовать аятоллой Хомейни свою концепцию политической модели Исламской республики на основании своего учения о «правлении юриста» - «веляят-е факих», которое легло в основу государственного устройства ИРИ после победы Исламской революции.

Активная политическая деятельность в период пребывания во Франции превратила аятоллу Хомейни в известную медийную фигуру, с которой, из-за его многочисленных интервью различным мировым СМИ, стали ассоциироваться события в Иране. На протяжении четырех месяцев – с 6 октября 1978 г. по 30 января 1979 г. – особняк в Нефль-ле-Шато превратился в место массового паломничества тех, кто хотел услышать выступления аятоллы Хомейни. Но помимо встреч с простыми обывателями, аятолла Хомейни регулярно встречался с представителями мировых медиа. В общей сложности он дал более 120 интервью, иногда по пять-шесть в день⁶.

Аятолла Хомейни, находясь во Франции, осознал пропагандистскую «мощь» и влияние медиа на общественное мнение в качестве «четвертой власти»: «Многие газеты пишут о вещах, которые противоречат действительности. Я удивлен, как газеты позволяют себе писать то, что противоречит действительности, и то, чего я не говорил и не делал»⁷.

---

³ Stone E. Op. cit. P. 171.

⁴ Khomeini R. Kawthar. An anthology of the speeches of Imam Khomeini, including an account of the events of the Islamic revolution, 1962-1978. In 3 volumes. Tehran, 1995.

⁵ Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, messages, interviews, decrees, religious permissions, and letters. In 22 volumes. Tehran, 2008.

⁶ Gordon M. Ayatollah Khomeini. New York, 1988. P. 79; Bakhsh Sh. The reign of the ayatollahs: Iran and the Islamic revolution. New York, 1984. P. 49.

⁷ Freedom of political parties in the Islamic Republic // Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 5. P. 469.

Поэтому он и его окружение активно использовали открывшиеся возможности.

Небывалая активность аятоллы Хомейни в период его пребывания во Франции вызывала удивление и восхищение даже у его оппонентов, особенно учитывая затворнический образ жизни в иракском Неджефе. Так Бехруз Моазами, вынужденный покинуть Иран в 1983 г. из-за своей оппозиции исламистам, позже напишет, что «во время своего 99-дневного пребывания в парижском пригороде Нефль-ле-Шато там побывало до 400 журналистов. По моим собственным подсчетам, международное телевидение и радио передали 101 различную новость, связанную с Хомейни и его заявлениями в привязке к новостям о политических событиях в Иране»⁸.

Об успешности деятельности Хомейни в медиасфере мировых СМИ на изменения восприятия образа исламистов может говорить эволюция взглядов англичанина Десмонда Харни, оставившего дневниковые записи о событиях в Иране в 1978 г., где он находился в качестве представителя английского банка. В записи от 9 октября он пишет о наличии «кучки радикалов», надеющихся на возвращение аятоллы Хомейни в страну, «что станет решающим событием, которое приведет к народному столпотворению»⁹. Спустя два месяца, когда аятолла стал мелькать в лентах новостей, Харни 5 декабря написал, что «довольно странно думать о Хомейни как о хорошо узнаваемой личности для миллионной телеаудитории в Великобритании. Он обезумевший старый священник или неумолимый борец за чистоту ислама? Лишь немногие иранцы верят ему»¹⁰. Однако 3 января 1979 г. в дневнике появляется следующая запись: «Духовная сила этого человека так велика, что я никогда прежде не видел и не мог даже вообразить себе. У него какая-то средневековая власть, он великий лидер, возрождающий ислам, и не только в Иране»¹¹.

В действительности все сводить только к фигуре аятоллы Хомейни было бы неправильно. Необходимо понимать, что аятолла не по своей воле оказался в чужой, в полном смысле этого слова, для себя стране. Незнание языка, обычаев и традиций французов не способствовало налаживанию контактов. Все эти вопросы были призваны решать, и

---

⁸ *Moazami B.* Op. cit. P. 131.

⁹ *Harney D.* The priest and the king : an eyewitness account of the Iranian Revolution. L., 1998. P. 37.

¹⁰ *Ibid.* P. 108.

¹¹ *Ibid.* P. 141.

весьма успешно, многочисленные последователи и помощники Хомейни, составившие своеобразную «команду», бравшую на себя выполнение всех повседневных формальностей по организации информационных каналов связи по выходу на мировые масс-медиа. Помимо сына Хомейни – Ахмада, и племянника - Мохаммада Эшраки, выполнявших функции личных секретарей, большую роль сыграли «советники» в лице Ибрахима Язди, Садега Котбзаде, Абольхассана Бани-Садра, и многих других, обеспечивавших беспроблемное и комфортное пребывание аятоллы во Франции.

Показательно, что большинство из его советников были лица, которых сложно отнести к симпатизирующим исламистам, а тем более радикалам, с которыми ассоциировался лично аятолла Хомейни. Например, Ибрахим Язди являлся американским гражданином иранского происхождения, и наличие американского паспорта «открывало» для него выходы на различных политических деятелей западного мира. Именно им был организован переезд Хомейни во Францию.

Другой советник – Садег Котбзаде имел сирийский паспорт и «отвечал» за организацию пресс-конференций и связь с медиа, являясь штатным сотрудником американского «Newsweek». Он выполнял функции переводчика на пресс-конференциях аятоллы. Американская журналистка Элейн Сциолино, бравшая интервью у Хомейни, описывает Котбзаде следующим образом: «Котбзаде учился в Джорджтаунском университете, имел сирийский паспорт и был выслан из Ирана много лет назад из-за своей политической деятельности против шаха. Он использовал элегантную квартиру в шестнадцатом округе Парижа, предоставленную ему другом, в качестве командного центра для противников шаха в Европе. Он не употреблял алкоголь, но носил хорошо сшитые костюмы-тройки и галстуки и курил трубку. Его любимым местом встреч была "Ла Кюзери де Лиля", кафе на левом берегу реки Сены, которому когда-то покровительствовали Хемингуэй и Фицджеральд»¹².

Касательно Абольхассана Бани-Садра, то этот молодой человек, с отцом которого лично был знаком аятолла Хомейни, в то время учился в Париже, и именно в его квартире в первые дни своего пребывания во Франции проживал аятолла Хомейни, пока не нашли более подходящее место в пригороде столице – Нефль-ле Шато¹³.

---

¹² Sciolino E. *Persian Mirrors: The Elusive Face of Iran*. New York, 2000. P. 59.

¹³ Coughlin Con. *Khomeini's ghost*. L., 2010. P. 21.

Благодаря инициативам команды советников для аятоллы Хомейни были созданы идеальные условия для его политической деятельности. Поместье состояло из трех домов. В одном из них поместилось все семейство аятоллы, которых набралось четырнадцать человек, начиная с его супруги и заканчивая внуками. Аятолле уже не приходилось переживать за безопасность своих близких, если бы они остались в Ираке или Иране. Второй дом использовался как место проведения организационных собраний, встреч и проведения пресс-конференций аятоллой. Тут же располагались и члены его команды. Третий дом был предназначен для гостей, приезжавших из Ирана и других стран. Каждому посетителю разрешалось проживание в течение двух суток. Один из гаражей, расположенных на территории поместья, был переоборудован в информационный центр связи. Посещавшая не раз поместье Элейн Сциолино описывает его следующим образом: «Гараж из красного кирпича, пристроенный к одному из домов, был превращен в центр связи. Обогреваемый небольшим калорифером, освещаемый единственной лампочкой, гараж превратился в комнату для копирования, где студенты записывали сотни кассет с заявлениями аятоллы. Из дома они передавались по телефону в тысячи мечетей в Иране, а затем на базары — две готовые сети для распространения революции. Оказавшись на улицах Ирана, послание Хомейни нашло отклик у населения, разочаровавшегося в правлении шаха»¹⁴.

По словам Бехруза Моазами, Нефль-ле-Шато превратился в своеобразную «политическую столицу иранской революции»¹⁵. Правда, находясь в окрестностях французской столицы, она приобрела «восточный» колорит. Согласно исламской традиции, семейный дом в Нефль-ле-Шато был разделен на две части — мужскую, открытую для посещения личными гостями аятоллы, и, соответственно, женскую, закрытую для посещений. На женской половине доме проживали жена самого аятоллы и его сына Ахмада¹⁶. По требованию аятоллы, французские рабочие демонтировали западный туалет и установили более привычный восточный, который состоял из низкого фарфорового приспособления над отверстием в полу, ведущим к водопроводу¹⁷.

---

¹⁴ *Sciolino E. Op. cit. P. 61.*

¹⁵ *Moazami B. Op. cit. P. 132.*

¹⁶ *Taheri A. The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic revolution. Bethesda, 1986. P. 227.*

¹⁷ *Sciolino E. Op. cit. P. 57.*

Переоборудование дома, в котором проживало семейство Хомейни требовало значительных сумм, но все западные журналисты отмечали факт чрезвычайно скромной обстановки в доме. Корреспондент *Le Figaro* следующим образом описывает свое посещение Нефль-ле-Шато: «Мы снимаем обувь перед входом, как будто входим в мечеть. В маленькой комнате аятолла Хомейни сидит на матрасе. Вокруг него разбросаны какие-то клочки бумаги и книги. Аятолла Хомейни, одетый в серое и в черном тюрбане, говорит с нами негромко, с достоинством»¹⁸. На «спартанский» образ обстановки обращает внимание и американская журналистка Э. Сциолино: «Меня провели в маленькую неосвещенную комнату, в которой не было мебели, если не считать грубых ковров в племенном стиле, которые контрастировали с кричащими обоями в розовый и голубой цветочек»¹⁹. Обои, видимо, достались от прежних хозяев.

Аятолла Хомейни был очень щепетилен к финансовым тратам и запрещал расходовать средства из религиозных фондов, получаемых из исламских налогов, выплачиваемых верующими в качестве добровольных выплат в рамках «садаки» и, так называемого налога «сахм-е имам» («доля имама»). Обустройство и проживание во Франции было оплачено иранской диаспорой, и исследователь Амир Тахери приводит сумму в 35 миллионов долларов США, якобы собранной на эти нужды²⁰. Отсюда и многочисленные слухи о неимоверном богатстве аятоллы Хомейни, которые ему не раз приходилось опровергать.

Интерес к фигуре аятоллы Хомейни развивался у журналистов и западной аудитории по нарастающей. И если в первые дни Нефль-ле-Шато посетили лишь несколько иранцев – сторонников аятоллы, проживавших во Франции, то потом ситуация резко поменялась и в парижский пригород устремились толпы не только иранцев, но и европейцев, за которыми следовали журналисты. Причем Э. Сциолино отмечает, что многие из приезжавших обывателей «везли с собой матрасы, коврики, спальные мешки и даже шезлонги, чтобы устроиться поудобнее. Некоторые приносили с собой магнитофоны, чтобы сохранить проповеди или отправить кассеты с ними домой. Некоторые спали в своих машинах, к большому неудовольствию соседей»²¹. Ей вторит журналист из *Le Figaro*, посетивший аятоллу 14 октября 1978 года: «В получасе езды от

---

¹⁸ Describing Iran's future // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 1.

¹⁹ *Sciolino E.* Op. cit. P. 60.

²⁰ *Taheri A.* Op. cit. P. 228.

²¹ *Sciolino E.* Op. cit. P. 58.

Парижа находится совсем другой мир. Патрули жандармерии, оснащенные радарными транспортными средствами и тайная полиция — все это признаки близости к его резиденции. Когда мы сворачиваем за угол дома, появляется толпа, толпа людей, проявляющих уважение, состоящая из религиозных и трудолюбивых людей и иранских студентов, приехавших из Германии, Туниса и Великобритании»²². Такой ажиотаж вокруг фигуры аятоллы вызывал соответствующие вопросы у европейской аудитории.

Практически всегда в интервью затрагивался вопрос о причинах, побудивших уже престарелого (в 1978 г. Хомейни исполнилось уже 76 лет) человека мигрировать во Францию. Рассказывая свою историю миграции, он говорит о том, что уже пятнадцать лет вынужден находиться за пределами Ирана по вине шахиншаха Мохаммеда Реза-шаха Пехлеви. Из страны он был выслан в 1964 г., но перед тем просидел в тюрьме «около года»²³. В начале местом его изгнания стала Турция, но в 1965 г. он перебрался в Ирак в священный для шиитов город Неджеф. «Под давлением шаха Ирана правительство Ирака попыталось воспрепятствовать моей политической деятельности»²⁴, и поэтому им было принято решение покинуть Ирак и отправиться в соседний Кувейт, где перед этим получил вид на жительство. Однако на границе «мне было отказано во въезде, даже просто для того, чтобы пройти через город, чтобы попасть на вокзал. Я был вынужден отправиться в Париж, потому что существовала вероятность столкнуться с таким же заговором в других исламских странах»²⁵, рассказывал Хомейни репортерам.

Аятолла постоянно в своих заявлениях подчеркивает временный характер своего пребывания во Франции, где он «не видел никакого неуважительного отношения к себе со стороны правительства»²⁶. Пребывание во Франции было связано с тем, что, по словам Хомейни, власти этой страны «соблюдают права человека, признают и поддерживают продолжающееся движение в Иране против политики угнетения шаха». Более того, он ждет, что «французская нация поддержит иранскую нацию, которая каждый день жертвует мучениками и ранеными под сапогами сверхдержав и до сих пор не прекратила свою свободолобивую борьбу

---

²² Describing Iran's future // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 1.

²³ The nature of the Islamic government; rejection of compromise with communism; relations with the United States // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 181.

²⁴ The state of monarchy // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 233.

²⁵ Migration to France // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 303.

²⁶ Strike at the National Oil Company; rejection of any reconciliation // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 352.

за отправление правосудия»²⁷. Поэтому во Франции можно вести политическую деятельность во имя интересов иранского народа, так как заявленная цель борьбы – «освобождение Ирана от тисков и рабства колониализма и деспотизма»²⁸.

Интересно отметить в данном случае, что вопрос борьбы с колониализмом аятолла Хомейни редко упоминал в общении с западными медиа, помня, видимо, что большинство европейских стран – это бывшие колониальные империи. Но когда перед аятоллой находились представители стран афро-азиатского или южноамериканского региона, он не стеснялся в выражениях. Например, в интервью *Africa Tomorrow* аятолла прямо заявил, что «предательство шаха» заключается в том, что тот капитулировал перед США, осуществляющей «колониальную политику» в отношении Ирана и его народа²⁹.

Объясняя основную причину политических преследований, которым он подвергается, аятолла указывает на жесткую критику с его стороны шахских властей и лично шаха: «я разоблачал преступления шаха в своих выступлениях и в своих действиях. Я никогда не молчал и всегда открыто говорил о каждом преступлении»³⁰. Главное из которых – это начатая по инициативе шаха разрекламированная «Белая революция шаха и народа». Хомейни заявляет, что вопреки общеизвестным заявлениям, широко распространяемым проправительственными медиа в Иране и оплаченными мировыми СМИ, «шах подготовил план разграбления Ирана в своих собственных интересах и интересах своего хозяина»³¹, под которым подразумевались США. По словам аятоллы, земельная реформа шаха была ничем иным, как программой уничтожения сельского хозяйства и навязывания стране такого типа экономики, когда «большая часть необходимых нам продуктов питания импортируется». Вместо заявленного процветания иранских фермеров, произошло их разорение, и они вынуждены покидать свои деревни и земли, и устремляться в города в поисках пропитания. Наряду с сельским

---

²⁷ The youth; residence in France; the military government // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 394.

²⁸ The destiny of Iran; Iran-US future relations // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 155.

²⁹ Characteristics of the movement of the Iranian nation; Reasons for opposing the Shah // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 170.

³⁰ The nature of the Islamic government; rejection of compromise with communism; relations with the United States // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 181.

³¹ The Iranian movement, one hundred percent Islamic; the establishment of Israel and a painful tragedy // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 234.

хозяйством, такие же плачевные результаты реформ шаха и в промышленности, которая оказалась в полной зависимости от иностранных технологий и мощностей. Народ оказался обманут в своих ожиданиях на обещанные шахом высокий уровень жизни и экономического производства в рамках политики вестернизации. «Шах говорил и продолжает говорить много вещей подобного рода, чтобы ввести людей в заблуждение. И сегодня ни в Иране, ни во многих других странах нет никого, кто бы сомневался в том факте, что шах прибежал к таким измышлениям только для того, чтобы прикрыть свои преступления, а также свои постоянные неудачи»³², уверен аятолла.

Народные выступления, начавшиеся в Иране, возникли, следовательно, не на пустом месте, а из-за того, что «иранская нация встала на защиту своих прав»³³. Аятолла Хомейни утверждает, что данное движение является исламским и оно охватило все общество, и «будет продолжаться в том виде, в каком оно начиналось»³⁴. Движение носит мирный характер, в виде манифестаций, демонстраций и забастовок. «Мы надеемся, что не будет необходимости в вооруженных столкновениях», предостерегает он. «Однако если это не сработает, мы будем вынуждены изменить курс», перейдя к вооруженному сопротивлению³⁵. Это может произойти если не будут выполнены требования народа: низложение шаха, упразднение монархии и провозглашение Исламской республики. «Если шах и его династия уйдут, как того желает нация, а его иностранные сторонники перестанут поддерживать его, проблема упростится; в противном случае возникнет возможность вооруженного национального восстания»³⁶, заявляет Хомейни. Если же шах будет упорствовать в неприятии народных требований, это может грозить стране ужасами гражданской войны³⁷, если же иностранные державы решаться

---

³² Iran's general condition before and after the Revolution // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 472.

³³ The youth; residence in France; the military government // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 395.

³⁴ Evaluation of Iran's condition and the Shah's regime // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 324.

³⁵ The Shah's speech and the change of cabinet // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 319.

³⁶ The target is the establishment of the Islamic republic // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 247.

³⁷ The destiny of Iran; Iran-US future relations // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 154.

вмешаться в борьбу шаха с народным движением, встанет вопрос об объявлении джихада³⁸.

В заявлениях Хомейни рефреном звучит его требование об уходе шаха и, чем раньше он это сделает, тем меньше страданий претерпит народ, и меньше прольется крови. «Шах должен уйти, и у него нет другого выбора»³⁹, и в этом аятолла непоколебим. Однако уход шаха должен быть полным и окончательным. Цели движения окажутся под угрозой, если народ поддастся на заверения шаха об очередных перестановках в правительстве или о смене курса. «Смена кабинета министров не повлияет на общественное движение в Иране. Правительства, будь то военные или какие-либо другие, не способны решить проблемы», уверен аятолла. «Слова шаха относятся к тому типу слов, которым люди больше не будут верить»⁴⁰. Это же относится и к попыткам действующей власти повторить опыт по передаче трона от отца к сыну, как это уже было в недавней истории Ирана. Хомейни отрицает любую возможность сохранить монархию, передав трон сыну Мохаммада Резы-шаха. «Иранский народ не примет принца в качестве главы правительства вместо его отца. У иранского народа очень горькие воспоминания об этой династии, и он не потерпит правления ни одного из них»⁴¹.

Вполне понятна сдержанная радость аятоллы Хомейни из-за выезда шаха из страны 16 января 1979 г. В специальном обращении для иностранных медиа, заявлялось, что «бегство шаха из Ирана является первым этапом прекращения пятидесятилетнего преступного господства династии Пехлеви, которое произошло в результате героической борьбы иранской нации»⁴². По словам аятоллы, это всего лишь первая победа на пути к установлению Исламской республики. Исходя из этого, созданный по воле шаха Королевский совет, призванный выполнять регентские функции при наследнике Реза Кире, объявлялся не законным⁴³, также как и назначение шахом на должность премьер-министра Шапура

---

³⁸ Shah's escape from Iran, Iran's future developments // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 130.

³⁹ The need for overthrowing the Pahlavi dynasty; describing the Islamic republic's foreign policy // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 326.

⁴⁰ The Shah's speech and the change of cabinet // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 319.

⁴¹ The target is the establishment of the Islamic republic // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 4. P. 247.

⁴² Shah's escape from Iran // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 468.

⁴³ Iran's situation after the exile of the Shah // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 485.

Бахтияра⁴⁴. Хомейни уверен, что «Бахтияр, как и его предшественники, пробудет у власти несколько дней и должен будет уйти»⁴⁵.

Хомейни уверен, что в стране, охваченной антгимонархическим движением, есть консенсус в отношении конечной цели – построение Исламской республики. Аятолла пытался развеять откровенные попытки извратить содержание исламского движения и прямые обвинения в свой адрес. Так он жестко реагировал на звучащие утверждения, «что, если Хомейни придет к власти в Иране, он вернет страну на пятьсот лет назад». Он отвергал обвинения своих критиков в регрессивности ислама. По его словам, подобные заявления могут делать только те, кто не понимает сущность ислама. Ислам призывает к независимости и свободе, что никак нельзя ассоциировать с регрессом. То же касательно и исламского правления, которое «тождественно развитию, цивилизации и прогрессу»⁴⁶. Как раз политика шаха, основывавшаяся на слепом подражании западной цивилизации, привела Иран к упадку и кризису, уверен Хомейни. Ислам и шиизм, в особенности, основывается на призыве к верующим бороться против угнетения и репрессивных режимов. «Шииты боролись против диктатуры с первого дня ее возникновения; они боролись против угнетения и гегемонии, приносили жертвы и погибали. Шиитская школа мысли гарантировала свободу человека, за которую пролилась его кровь»⁴⁷.

Не менее, если не более важным, с точки зрения западных медиа, являлся вопрос будущей внешнеполитической ориентации Ирана на мировой арене, в особенности с учетом того уровня отношений, который сложился у шахских властей со странами Запада, и с США, в частности.

Хомейни отрицает наличие антизападных настроений в Иране. Наоборот, он говорит: «мы не настроены против Запада», но хотим выстраивать отношения с учетом стремления иранского народа к независимости и самостоятельности в принятии решений о будущем страны. «Мы не позволим США решать вопрос о нашем праве на

---

⁴⁴ Shah's private assets; policies of the Islamic government of Iran // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 375.

⁴⁵ Characteristics of the Islamic Republic // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 303.

⁴⁶ Iran-Britain relations; situation of human rights in Iran in the future; freedom from the ShiAh point of view // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 67.

⁴⁷ Iran-Britain relations; situation of human rights in Iran in the future; freedom from the ShiAh point of view // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 68.

самоопределение»⁴⁸, заявляет он, и пока «правительство Соединенных Штатов относится к иранскому народу как к врагу»⁴⁹, он имеет право на соответствующую реакцию, вплоть до полного разрыва отношений.

На международной арене «Исламская Республика будет иметь хорошие отношения со всеми странами», что на практике будет означать ее нейтральный статус, так как «она не примкнет ни к какому лагерю», говорил Хомейни, подразумевая отказ от прежних связей с США при шахе и не желании устанавливать союзнические отношения с СССР.

Отдельный блок вопросов касался взглядов Хомейни на будущую политику Ирана в отношении региональных стран и присутствия на Ближнем Востоке сверхдержав. Причем в данном случае речь шла не только о представителях западных медиа, но также и об арабской прессе.

Затрагивая вопросы региональной политики, аятолла критически отзывался о внешнеполитической стратегии шаха, выполнявшей роль вооруженного Америкой жандарма. Хомейни не раз заявлял о ненужности Ирану арсеналов шахской армии, так как «мы не будем жандармами региона»⁵⁰. И тем более Иран не будет выполнять роль наемника для того, «чтобы поддерживать безопасность региона ради чужих интересов»⁵¹. Региональная безопасность, мир и стабильность должны находиться в руках региональных стран.

«Послание» иранского народа «всем народам мира, особенно мусульманам всего мира», по словам Хомейни, «заключается в том, что иранская нация восстала, чтобы восстановить права, в которых ей было отказано»⁵². Мусульмане оказались заложниками созданных им проблем со стороны Востока и Запада, которые противоречили их интересам. Они оказались одурманены политикой «самоотчуждения, навязанной западной пропагандой». И только обращение к исламскому движению,

---

⁴⁸ The destiny of Iran; Iran-US future relations // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 155.

⁴⁹ The plan of the government of the Islamic Republic // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 326.

⁵⁰ Azhari's military cabinet; Camp David Accord // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol.4. P. 341.

⁵¹ Characteristics of the Islamic Republic // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 304-305.

⁵² The present and future of the Islamic Revolution of Iran // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 141.

«изменило их, и они поняли, что должны полагаться на себя и обратиться к исламу»⁵³.

Хомейни убежден, ислам способен удовлетворить все устремления человека, а исламские принципы могут регулировать экономическую, политическую, культурную и духовную жизнь человека. «Если они правильно понимают ислам, они полностью откажутся от своих склонностей к Востоку и Западу и пожертвуют своей жизнью ради соблюдения исламских законов»⁵⁴.

«Пробуждение» невозможно привнести в души народа извне или навязать насильно. Нельзя говорить о развитии и распространении исламского движения за пределы Ирана, так как «Иран нуждается в поддержке других извне – публичной поддержке»⁵⁵, говорит Хомейни. «Я надеюсь, что мусульмане других стран извлекут урок из опыта иранских мусульман, дадут отпор Западу, встанут на собственные ноги и, твердо придерживаясь ислама, восстановят свое бывшее достоинство»⁵⁶. И это будет выбор самого народа, пожелавшего встать на путь исламского движения и Исламского пробуждения. «Это ободрит иранцев и поднимет их дух, чтобы они оставались твердыми в продолжении [своего исламского движения – А.Б.]»⁵⁷, уверен аятолла. Таким образом, это будет взаимный процесс, когда успехи каждого будут укреплять общее дело и поощрять другого.

Пребывание аятоллы Хомейни во Франции дало ему возможность в полной мере воспользоваться предоставленным случаем выступить «глашатаем» Иранской революции, став, в итоге, ее непререкаемым лидером и ярким символом. Не зря американский журнал «Time» в январе 1980 года объявил Хомейни «Человеком года» поместив его портрет на обложку.

Активным общением с представителями мировых массмедиа, Хомейни смог, что называется, «перебить» пропагандистскую риторику официальных властей Ирана, дав убедительную картину

---

⁵³ The necessity of overthrowing the Shah's regime; Iran's future government; no compromise with communism // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 169.

⁵⁴ Method of returning to Iran; type of future government; uprising of the Islamic nations // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 395.

⁵⁵ Enumerating the features and reasons for the formation of the Islamic Revolution // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 260.

⁵⁶ The necessity of overthrowing the Shah's regime; Iran's future government; no compromise with communism // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 169.

⁵⁷ Enumerating the features and reasons for the formation of the Islamic Revolution // *Khomeini R. Sahifeh-ye Imam*. Vol. 5. P. 260.

происходящих событий, обвинив шаха инициатором кровавых расправ над мирными демонстрантами, требовавших защиты своих прав, как свободных граждан своей страны.

В своих многочисленных общениях с иностранными журналистами, Хомейни мастерски использовал терминологию, принятую в западной журналистике для доходчивого восприятия и понимания лозунгов и требований антимонархического движения в Иране. Прибегая к логическим выкладкам и историческим параллелям, он представил мировому общественному мнению свое видение причин, сущности и последствий массового движения в Иране, доказывая, что виной всему – это антинародная, предательская политика шаха и его окружения. Поставив личные интересы выше национальных, шах превратился в марионетку Америки и Израиля, стремясь сделать из Ирана европеизированную региональную сверхдержаву.

Народ, в своей массе, негативно отнесся к проектам реформирования Ирана в рамках провозглашенной шахом «Белой революции». Выход из тяжелого кризиса, в котором оказалась страна, Хомейни видел в обращении к традиционным ценностям иранского народа, в основе которых лежал ислам и реализованных в теории «Исламского пробуждения». Построение Исламской республики после свержения монархии, призвано было возродить величие и процветание нации и государства, что станет отправной точкой для возрождения всей исламской уммы по пути, проложенному Исламской Республикой Иран.

Стремясь развеять страхи западного мира, Хомейни попытался дать общую характеристику устройства Исламской республики, в основание которой он положил свою трактовку концепции «правления юриста» - «веляят-е факих», впитавшую как исламские, так и европейские принципы государственного и общественного устройства.

По убеждению Хомейни, создание ИРИ приведет к возникновению многополярного мира, в котором исламский мир, будет еще одним полюсом влияния наряду с США и СССР. Таким образом ИРИ будет проводить самостоятельную внешнюю политику независимо от позиции сверхдержав, стремясь к поддержке всех национально-освободительных движений как в регионе Ближнего Востока, так и во всем мире.

Для цитирования: Баранов А.В. Политический дебют аятоллы Хомейни в Париже: формирование образа Исламской Республики Иран // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2023. Вып. 27. – С. 194-208.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

ВУЗ –	Высшее учебное заведение
АВПРИ –	Архив внешней политики Российской империи
ВПР –	Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы
ГА РФ –	Государственный архив Российской Федерации.
ГА СО –	Государственный архив Саратовской области.
ГАНИСО –	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ИИиМО –	Институт истории и международных отношений
ИРИ –	Исламская Республика Иран
ИРИ РАН –	Институт Российской истории РАН
КВЖД –	Китайско-Восточная железная дорога
КПСС –	Коммунистическая партия Советского Союза
МГУ –	Московский государственный университет
РГВА –	Российский государственный военный архив
РГИА –	Российский государственный исторический архив
МВТУ –	Московское Высшее техническое училище
РККА –	Рабоче-крестьянская Красная армия
РПЦ –	Русская православная церковь
НОЦ –	Научно-образовательный центр
РУЖД –	Рязано-Уральская железная дорога
ПСС –	Полное собрание сочинений.
РГАЛИ –	Российский государственный архив литературы и искусства.
РИО	Российское императорское общество
РСДРП –	Российская социал-демократическая рабочая партия
ПСЗРИ –	Полное собрание законов Российской империи
РГВИА –	Российский государственный военно-исторический архив

СППИ	Саратовский государственный педагогический институт
СЛОН –	Соловецкий лагерь особого назначения
ЦАМО –	Центральный архив Министерства обороны
ЦМ ВНГ РФ -	Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 27

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*

Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, С.Н. Берднов*

Подписано в печать 30.12.2023. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 11,8. Тираж 100 экз. Заказ №

Типография «Техно-Декор».
410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 77-08-48
e.mail: t-d@list.ru